

Responsible Management

Responsible Management

Лечить или любить? - Екатерина Мурашова

Детский психолог Екатерина Мурашова не пишет книжек о том, как правильно поступать с детьми. Она не дает советов родителям и не сочиняет научные трактаты. Ее книга «Лечить или любить?» — гораздо более занимательное чтение.

Екатерина — один из создателей жанра, который пока довольно плохо представлен в русскоязычной литературе: художественные рассказы о буднях психотерапевта, основанные на профессиональном опыте.

- [Предисловие](#)
- [Глава 1. Сага о грязных ботинках](#)
- [Глава 2. Любовница токаря Ивана](#)
- [Глава 3. На что там смотреть!](#)
- [Глава 4. Страшилка про Марка](#)
- [Глава 5. Альбом с принцессами](#)
- [Глава 6. Бесфрустрационное воспитание](#)
- [Глава 7. Богатый папа на белом коне](#)
- [Глава 8. Больной ребенок?](#)
- [Глава 9. Ваша дочь — заяц?!](#)
- [Глава 10. Война у трансформаторной будки](#)
- [Глава 11. Воспитывать или не воспитывать?](#)
- [Глава 12. «Вперед и вверх» или «Стоять и не двигаться»?](#)
- [Глава 13. Все неловко](#)
- [Глава 14. Все по Фрейду?](#)
- [Глава 15. Вернуть сына домой](#)
- [Глава 16. Демократ](#)
- [Глава 17. О ранней детской одаренности](#)
- [Глава 18. Доктор, вы были правы!](#)
- [Глава 19. Дорогая мамочка...](#)
- [Глава 20. Женский вопрос в России](#)
- [Глава 21. Закон джунглей сегодня](#)
- [Глава 22. «Защита Лужина»](#)
- [Глава 23. Злыдня](#)
- [Глава 24. Жить в отдельном домике](#)
- [Глава 25. Игры нашего двора](#)
- [Глава 26. Как воспитать чудовище?](#)
- [Глава 27. О пользе глянцевого журналов](#)
- [Глава 28. Как в романе](#)
- [Глава 29. Ковер с длинным ворсом](#)
- [Глава 30. Кому нужны дети?](#)
- [Глава 31. Личная жизнь гастарбайтеров](#)
- [Глава 32. Любить своего ребенка](#)
- [Глава 33. Машенька и баскетбол](#)
- [Глава 34. Между добром и злом](#)
- [Глава 35. Муза по наследству](#)
- [Глава 36. Надень тапки!](#)
- [Глава 37. «Нам не дано предугадать...»](#)

- [Глава 38. «Не говори с тоской: их нет»](#)
- [Глава 39. Не своя жизнь](#)
- [Глава 40. Не хочет учиться!](#)
- [Глава 41. Неудачница](#)
- [Глава 42. Новый пролетариат](#)
- [Глава 43. О неудачах](#)
- [Глава 44. Еще раз о детской одаренности](#)
- [Глава 45. «О ты, последняя любовь!»](#)
- [Глава 46. Оставить в прошлом](#)
- [Глава 47. Писающие младенцы, или О пользе академических изданий](#)
- [Глава 48. «Плохая» мать](#)
- [Глава 49. Подростки — о школе и «Школе»](#)
- [Глава 50. Проклятие дочери алкоголика](#)
- [Глава 51. Психолог просит «помощь зала»](#)
- [Глава 52. Рифмы нашего двора](#)
- [Глава 53. Социопаты](#)
- [Глава 54. Спина к спине...](#)
- [Глава 55. Спорный ребенок](#)
- [Глава 56. Суицид в гостиной](#)
- [Глава 57. Увидьте же меня, наконец!](#)
- [Глава 58. Угол для психотерапевта](#)
- [Глава 59. Фантазеры](#)
- [Глава 60. Хомячок Тани Гранаткиной](#)
- [Глава 61. Цыганка Таня](#)
- [Глава 62. Чужие письма](#)
- [Глава 63. Шантажисты](#)

Предисловие

Детский психолог Екатерина Мурашова не пишет книжек о том, как правильно поступать с детьми. Она не дает советов родителям и не сочиняет научные трактаты. Ее книга «Лечить или любить?» — гораздо более занимательное чтение.

Екатерина — один из создателей жанра, который пока довольно плохо представлен в русскоязычной литературе: художественные рассказы о буднях психотерапевта, основанные на профессиональном опыте. Я неоднократно слышала, что ее называют детским вариантом Доктора Хауса. По степени детективности и мастерству «нагнетания» рассказы Катерины действительно порой не уступают американскому сериалу. Однако практика питерского психотерапевта гораздо ближе к нашей повседневной реальности и помимо развлечения дает отличный материал для размышления. А то, глядишь, и действий.

А может быть, и это не главное. Герой рассказов Екатерины — ироничный и рефлексивный психотерапевт. Он методично разбирает случаи своих пациентов, философски смотрит на жизнь и весело смеется над собой. Да, а еще он предельно честен по существу. Поэтому к нему хочется возвращаться снова и снова.

Глава 1. Сага о грязных ботинках

Действующие лица:

Саша — 15 лет, 1 м 85 см рост, 46 размер обуви, 9 класс, учится хорошо, занимается в шахматном клубе при Доме творчества, имеет взрослый разряд по шахматам, с учителями ровен, вежлив, со сверстниками слегка замкнут, но доброжелателен. Близких друзей нет, есть несколько хороших приятелей. В свободное время любит слушать музыку и смотреть киноклассику. Внешне привлекателен, хотя и переживает из-за юношеских прыщей. С девушками не встречается, все попытки отдельных представительниц прекрасного пола завязать с ним какие-то отношения мягко блокирует.

Мама Саши, Мария Михайловна — 45 лет, экономист, внешне привлекательна, в общении интеллигентна, сдержанна. Работает главным бухгалтером в крупной фирме, работу любит. Кроме сына, никаких близких людей не имеет. Круг общения немногочисленный, постоянный в течение многих лет. Развлекаться не любит и не умеет. В свободное время — читает, вяжет, вместе с сыном смотрит киноклассику.

— Доктор, я понимаю, что лечиться нужно мне (мягкая, извиняющаяся улыбка). Поэтому я и пришла одна, без Саши. Может быть, вы посоветуете мне какого-то специалиста, какую-то клинику. Я слышала что-то о клинике неврозов, но совершенно не знаю, как туда попадают. И спросить не у кого. Нужно какое-то направление? Или теперь только деньги?

— Мария Михайловна, я не доктор, у меня нет медицинского образования. Я — *психолог*...

— Извините, пожалуйста, я плохо в этом разбираюсь. Как-то до сих пор не приходилось...

— Может быть, прежде чем мы будем подбирать специалиста или тем более клинику, вы расскажете мне о том, что у вас происходит? Ведь я, в некотором роде, тоже специалист.

— Да, конечно, извините. Просто я подумала, что, раз детская поликлиника, вы работаете только с детьми...

— В основном мне приходится работать с семьями. Очень редкие дети имеют проблемы, совершенно отдельные от семьи.

— Вы правы. Я тоже всегда так думала. Проблемы детей — это почти всегда ошибки родителей. И я очень старалась не ошибаться. Много думала. Я ведь одна воспитывала Сашу. С самого начала. Наверное, вам надо знать: это было сознательное решение — иметь ребенка, воспитывать его одной.

— А отец Саши?

— У него была другая семья, больное сердце, пожилая жена, с которой он прожил 25 лет. Он работал, она ездила с ним по всему Союзу, отказалась от своей карьеры, и, хотя дети выросли, он не мог оставить ее. Я его понимала и принимала таким. Он был очень порядочным человеком. Он был намного старше меня. Сейчас его уже нет в живых. Иногда я думаю, может быть, вся эта история его и убила...

Я энергично и отрицательно мотаю головой, потому что именно этого ждет от меня Мария Михайловна, а про себя думаю, что она вполне может быть права: немолодых порядочных людей с больным сердцем такие истории часто сводят в могилу. А вот непорядочным такие ситуации — хоть бы хны! Что и обидно.

— Саша знает об отце?

— Да, Саша знает всю правду. Он хотел встретиться со сводными братом и сестрой, но я ему

запретила, чтобы не травмировать вдову. Она не знает о моем и Сашинем существовании. Я сказала: может быть, потом, когда... Саша понял и согласился. Вы думаете, я была права?

— Не знаю, вам решать, — я ушла от ответа, а про себя подумала, что пожилая женщина, которая когда-то объездила вслед за любимым мужчиной весь Союз и посвятила ему и детям всю жизнь, вряд ли осталась в таком уж неведении по поводу последнего, быть может, рокового романа мужа.

— Саша очень похож на отца. Очень. У нас никогда не было секретов друг от друга. Он долго не спрашивал, а когда спросил, я ему сразу рассказала. И даже показала письмо, последнее, которое он передал мне уже из больницы, с другом. Там были стихи, знаменитые, помните:

*«...И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной».*

И последняя строчка:

«Мне повезло! Прости и спасибо за все!»

— Угу, — сказала я и замолчала, глядя на ковровый узор. Я несентиментальна, но подобные откровения как-то предрасполагают к паузе.

Молчание нарушила сама Мария Михайловна:

— Я уже говорила, что много думала над тем, как строить отношения с сыном. Читала много книг. Конечно, было бы намного легче, если бы родилась девочка. Но Саша с самого рождения был так похож на Вадима... Тот же взгляд исподлобья и немного наискосок, морщина между бровями, движения, интонации... Вадим тоже был очень крупным, статным... Мне казалось, что у меня все получится. Вы знаете, у нас совсем не было этих проблем, которые описываются в книжках, — истерик, упрямства. Я всегда могла с ним договориться, он всегда все понимал. И со школой у Саши всегда все было нормально, на работе коллеги просто плачут от всех этих проблем, особенно у кого мальчики, а я их жалела, а про себя думала: кого бы поблагодарить? Я ведь атеистка. Благодарила Вадима — он был очень крупным ученым, интеллектуалом, и у Саши по шахматам разряд...

— Мария Михайловна, — я мягко прервала ее, — так что же произошло у вас с Сашей в последнее время?

— Я сама ничего не могу понять. Вроде бы ничего не произошло. Но...

— Но?

— Он... как будто чуть отстранился от меня. Иногда я не улавливаю его настроения, не понимаю, чем он раздражен, чего хочет. А он как будто не слышит меня. Разумеется, это не всегда...

— Мария Михайловна! — со вздохом облегчения воскликнула я. — Так это же все совершенно нормально!

И из-за такой вот ерунды эта достойная, умная женщина собирается в клинику неврозов! Поистине — «трагедия русской интеллигенции»!

— Саше 15 лет. В этом возрасте отдаление подростка от родителей совершенно естественная

вещь. Странно было бы, если бы этого не происходило. Смена настроений и как бы «уход в себя», когда подросток не реагирует на внешние раздражители и вроде бы не слышит вас, — это тоже нормально. В эти моменты он прислушивается к себе, к тому, что происходит с его личностью, его организмом. Он должен познать и принять нового себя, Сашу-взрослого, который приходит на смену Саше-ребенку. Он нервничает и боится, потому что не все в этом новом Саше ему понятно, не все его устраивает. И с вами он тоже посоветоваться не может, потому что превращается-то он в мужчину, а не в женщину. Поэтому усиливается отчуждение. Понимаете?

По моим расчетам, в этом месте Мария Михайловна должна была облегченно вздохнуть, расправить плечи и спросить радостно:

— Так значит, это все нормально?! Значит, мне не о чем беспокоиться?

Но Мария Михайловна сидела на стуле все так же понуро и теребила брелок от ключей (откуда она его достала, я не успела заметить).

— Есть еще что-то? — спросила я тоном участкового милиционера.

Мария Михайловна кивнула.

— Что же это?

— Грязные ботинки на тумбочке! — сказала Мария Михайловна и зажмурилась с таким видом, как будто перед ее глазами предстал расчлененный труп из вечерней криминальной программы.

— Грязные... ботинки... на... тумбочке... — повторила я, пытаясь осознать каждое слово. — А в чем проблема-то?

— Он ставит ботинки на тумбочку в прихожей, — Мария Михайловна заговорила вдруг ровно и отчужденно. Приблизительно так говорят люди, введенные в гипнотический транс. — Каждый день. Ботинки 46 размера. Все в грязи. Вообще-то он мальчик аккуратный и никуда не лазает, но у нас очень грязные подходы к дому. Лужи, глина, постоянно что-то копают. И вот они там стоят. Когда я прихожу с работы. Каждый день. Это первое, что я вижу, когда вхожу в квартиру. Я просила его ставить их под вешалку. Я умоляла, я ругалась, я кричала. Я выбросила их в окно. Он сходил в тапочках и принес их назад. Я спрашивала: зачем?! Он молчит, ничего не объясняет, уходит в комнату. На следующий день они — снова там. Когда я поднимаюсь по лестнице, я уже думаю о них. Когда я еду в метро — я их себе представляю. Сейчас я войду — и они там стоят. Если его нет дома и ботинок нет — я радуюсь. У меня, кроме него, ничего нет. И не было. Только Вадим и он. Но Вадим — это было совсем недолго. А здесь, я думала — мне хватит до конца жизни. Я все делала, чтобы не испортить с ним отношения. Я всегда была честна и терпелива с ним. Мне казалось, что у меня все получается. Когда ему было тринадцать, он говорил: «Ты самая лучшая мама на свете!» — никому из моих знакомых сыновья не говорили такого в тринадцать лет. Я гордилась собой, я мысленно говорила Вадиму: «Посмотри, какого прекрасного сына я тебе вырастила!» — Я думала, что все сделала правильно. И вот теперь — ботинки!

— А вы, часом, не преувеличиваете? — осторожно поинтересовалась я. Теперь клиника неврозов не казалась мне такой уж далекой от этого «ботиночного» случая. — Может быть, он просто их там забывает? Ну, шнурки развязывает или еще что?

— Нет, нет, поверьте! Он делает это совершенно сознательно! Но я не понимаю, что это

означает, и от этого буквально схожу с ума! Я уже полгода не могу уснуть без снотворного. Недавно пропустила такую ошибку в балансе, которую заметила бы и двадцать пять лет назад, когда только работать начинала...

— Вы спрашивали?

— Тысячу раз! Никакого ответа.

— Что-то еще в поведении Саши в последнее время изменилось? В школе, с друзьями, в шахматном клубе?

— Нет, ничего. То есть мне никто ничего не говорил. Учится он хорошо, в соревнованиях недавно участвовал, занял третье место. Приятели иногда приходят музыку слушать, в шахматы играют — все как всегда.

— Ведите сюда Сашу. Пойдет?

— Конечно, пойдет. Если я попрошу. А о чем вы с ним говорить будете?

— Посмотрим по обстоятельствам.

Саша — черноглазый, очень высокий юноша, сидел в кресле, высоко подняв колени, и доброжелательно улыбался. Давно мне не приходилось видеть такого «закрытого» подростка. Отвечает на все вопросы, не злится, не ёрничает, вроде бы искренне хочет помочь разобраться, но при этом не говорит *ни-че-го*.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что мать на грани невроза?

— Да, меня очень волнует ее состояние.

— Что это за ботинки на тумбочке?

— Ну, вы понимаете, в таком состоянии ее все раздражает.

— Ты их туда ставишь или нет?

— Наверное, было несколько раз, я не помню.

— Мать тебя чем-то «достала»?

— Ну что вы! У нас прекрасные отношения.

— У тебя есть какие-то тайны?

— Нет никаких тайн. Я вообще очень простой. Знаете, иногда даже забавно, у всех одноклассников какие-то проблемы со школой, со сверстниками, с родителями — а у меня нет.

— Никаких проблем?!

— Есть мелкие, конечно, вроде двойки за контрольную или там запоротого турнира, но я их решаю. А у всех вокруг трудности, переходный возраст... Я, знаете, как-то даже курить попробовал, просто так, для забавы.

— Ну и...

— Мама взяла куртку постирать, нашла в кармане сигареты, говорит: если ты хочешь курить, я буду тебе покупать. А девчонки в классе сказали: тебе сигарета не идет. Да я и сам знаю. Неинтересно. Бросил сразу же...

— Девушка у тебя есть?

— Нет.

— Почему? Ты парень видный, наверняка кто-то заглядывается.

— В детстве я с девчонками даже больше любил играть, чем с мальчишками. А теперь видите какой вырос. Я — не игровой человек. Каких-то там интрижек: сегодня я с этой встречаюсь, завтра — с этой, мне не надо. Я думаю, что в нашем возрасте отношения уже могут быть только серьезными. А я к серьезным отношениям пока не готов. Вот и все.

— Как ты думаешь, ты можешь чем-нибудь помочь матери?

— Я готов сделать все что угодно!

— А ботинки?

— Да что вы-то все об этих ботинках! Ну, мама — ладно, у нее — нервы, а вы-то что к ним привязались? Чепуха это, точно вам говорю!

И так далее, в том же духе, в течение часа.

Отчаявшись, я попросила Сашу нарисовать несколько проективных рисунков. Рисование не входило в число Сашиних талантов, но юноша честно попытался изобразить то, что я его просила. Все рисунки получились именно такими, каким я видела Сашу собственными глазами, — спокойные, доброжелательные, абсолютно без агрессии. Никаких несовпадений внешнего и внутреннего. Но вот рисунок «семья» надолго привлек мое внимание. Отличный рисунок — портреты мамы и Саши (опознать можно только по длине прически), между портретами пряничное сердце, так, как его рисуют девчонки, и вокруг всего этого — обведенная по линейке рамочка. Оба персонажа на портрете улыбаются. Улыбки похожи на оскал, но это вроде бы можно списать на неумелость художника. Что-то все же в этом рисунке меня настораживает. Какая-то уж очень показная для пятнадцати лет, пряничная любовь, и рамочка, чем-то напоминающая решетку...

— Ну что, вы что-нибудь во всем этом поняли? — Мария Михайловна смотрит на меня с надеждой.

— Ничего не поняла! — честно отвечаю я.

— И что же мне теперь делать? Ложиться в клинику? Но ведь я оттуда приду, а они... стоят, — Мария Михайловна наклонилась и закрыла лицо руками.

— Спокойно, спокойно, сейчас что-нибудь придумаем, — пообещала я, абсолютно не представляя себе, что именно делать дальше. Я ведь даже не знаю наверняка: чертовы ботинки на тумбочке — есть или нет? А если есть, то чей это симптом — Сашин или Марии Михайловны? Кого тут лечить-то, в конце концов?!

— Ладно, сделаем так, — решила я, подумав минут пять.

За это время Мария Михайловна взяла с полки и с явным трудом собрала головоломку для детей от 5 до 7 лет.

— Если я правильно поняла, — снова начала я, — Саша фактических секретов от вас не имел, но о своих чувствах никогда особенно не распространялся.

— Ну, мы оба такие. И Вадим такой же был. Чувства — чего о них говорить, они же в поступках видны. Это же легко понять.

— Угу, в поступках, — согласилась я, подумав о злополучных ботинках — поступке, который никто не мог понять. — Теперь, однако, будете говорить о чувствах. Много. Навязчиво. До изнеможения. От первого лица. Методика такая, называется — «методика неоскорбительной коммуникации». Сейчас я вам все объясню...

— Но он же не будет слушать, — сразу же по окончании объяснения возразила Мария Михайловна. — Уйдет в свою комнату и дверь закроет. Включит музыку, наушники возьмет...

— Не ваши проблемы. Вы продолжаете говорить, пока сил хватит. И не забывайте: только о *своих* чувствах; только в форме «Я-посланий»; никаких оценок Сашиной *личности*.

— Хорошо, я попробую, — неуверенно согласилась Мария Михайловна. Видно было, что предложенная методика ее совершенно не впечатлила. — А когда мне к вам прийти?

— Ну, приходите на неделе, во вторник, в шесть часов. Успеете?

— Постараюсь.

Вторник, пятнадцать минут седьмого.

— Здравствуйте, извините за опоздание, я бежала с работы, но транспорт...

— Здравствуйте, садитесь. Рассказывайте, как успехи.

— Да никак. Я все делаю, как вы велели. Произношу в коридоре возле ботинок такие монологи, что уже начинаю думать, не податься ли мне в какой-нибудь народный театр, если таковое еще сохранилось. Правду сказать, выговорюсь, и вроде полегче становится.

— А Саша?

— Саша прячется, музыку включает, как я вам и говорила. Потом иногда выглядывает, проверяет, все уже или я еще митингую.

— Сам ничего не говорит?

— Нет, молчит. Один раз пальцем у виска покрутил: вроде, ты что, мать, с ума сошла?

— Вы высказались по этому поводу?

— Разумеется! Это же затягивает, хочется еще и еще говорить. Вроде наркотика. Ну, вы-то, наверное, знаете...

Я кивнула.

— Можете воспроизвести отрывок из любого монолога?

— Пожалуйста! — подозрительно охотно согласилась Мария Михайловна, прижала руки к груди и начала:

— Когда я вижу эти ботинки, мне кажется, что вся моя жизнь прошла зря. Все напрасно, все впустую, все как в бездонный колодец! И холодные ночи, и безрадостные дни, и отчаяние, и надежды... У меня ничего не получилось, я ошиблась где-то в самом начале, в чем-то очень существенном и долго не замечала своей ошибки. Я и сейчас не знаю, в чем она заключается, но уже расплачиваюсь за нее... — на глазах женщины заблестели слезы. Шекспир!

— Спасибо, достаточно! Очень впечатляет! Продолжайте в том же духе, думаю, осталось недолго.

— В каком смысле недолго?

— Скоро Саша должен тем или иным образом отреагировать на происходящее.

— Как это — тем или иным образом?

— Самое обидное будет, если он просто уберет ботинки, и мы так никогда и не узнаем, что это было.

— А вы думаете, он может их убрать?

— Может, может, только хотелось бы, чтобы он сперва высказался. Приходите, как только что-нибудь произойдет.

Саша и Мария Михайловна пришли на прием вместе в конце следующей недели. Саша был мрачен, Мария Михайловна как будто помолодела лет на пять-семь.

— Посидишь в коридоре минут пять? — спросила мать и, слегка пританцовывая, прошла в кабинет.

— Посижу, только ты быстрее там, — угрюмо буркнул сын. Сейчас он был гораздо больше похож на нормального подростка, чем в прошлую нашу встречу.

— Кажется, у тебя появились проблемы? — прошептала я в Сашино ухо, привстав на цыпочки.

— Появятся тут! Это вы ее научили?! — прошипел Саша в ответ. Я радостно кивнула.

— Вы представляете, он убрал ботинки!!! — радостно заявила Мария Михайловна. — Я зря вам не верила. Все сработало, как вы и сказали!

— Как это было?

— Ну, я как всегда рыдала в коридоре, как Ярославна на какой-то там стене. Тут он выскочил из комнаты, из глаз искры сыплются в самом прямом смысле этого слова, и заорал: «Ты думаешь! Ты чувствуешь! Тебе кажется! А тебя когда-нибудь интересовало, что я чувствую!!!» Я, конечно, сразу поняла, что вот это и есть тот результат, о котором вы мне говорили, и заверила его, что я только и мечтаю узнать о том, что он чувствует. Тут он... тут он заплакал... Вы представляете? Я ему всегда говорила, что мужчина должен быть сильным, и он лет с шести не плакал. А тут вдруг... Я растерялась, а он сквозь слезы говорит: «Ты сама реши, зачем я тебе нужен, а то я ничего не понимаю!» — Я тоже разревелась, говорю: «Ты — жизнь моя, у меня, кроме тебя, никого нет, я тебя люблю больше всего на свете!» Он меня обнял, мы

вместе поплакали, потом я пирог испекла, а на следующий день

— их не было! Вы представляете — *их не было!!!*

— Та-ак, — никакой эйфории по поводу произошедшего в семье катарсиса я не испытывала. — И зачем же вы теперь пришли? Раз у вас все так хорошо наладилось?

— А это он сказал, — несколько растерялась Мария Михайловна. — Саша. Так и сказал: ну, добилась своего? Пойдем теперь к твоему психологу разбираться...

Оп-ля! — я мысленно поаплодировала Сашиному интеллекту и замечательной генетике крупного ученого Вадима. Мария Михайловна не сумела разглядеть, что проблема осталась на месте, ботинки по-прежнему застилали ей весь горизонт, а пятнадцатилетний Саша — увидел! Умница Саша!

— Зовите сына!

— «Ты сама реши, зачем я тебе нужен...» — процитировала я. — Объясняй, как можешь. Я тебе помогу.

Обычный, очень крупный, сумрачный подросток смотрел на меня с явным недоверием.

— Ты — пострадавшая сторона. Я — за тебя. Верь. Говори. Ты можешь, у тебя отец был ученым, у тебя у самого сильный интеллект. Очень много всего было вложено, жаль, если сейчас все рухнет. Только ты можешь спасти. Говори, пробуй. Я не могу за тебя. Потому что только догадываюсь. Лишь ты знаешь наверняка. Говори.

Медленно, очень медленно начинается разговор. Десятки наводящих вопросов, мучительные паузы, где-то уточнения матери, где-то мои подсказки, варианты. Постепенно вырисовывается целостная картина.

— Я не знаю, как себя вести. Я не умею хамить, не люблю этого. Я не могу постоять за себя. Я очень большой, тут мне повезло, ко мне никто не лезет. Если бы лезли, я бы не мог даже дать сдачи. Я — трус. Я боюсь, что получится неудобно, некрасиво, неправильно. Вы спрашивали, почему я не встречаюсь с девушками. Думаете, мне не хочется? Я — боюсь. Я смотрел хорошие фильмы, читал хорошие книги, мать рассказывала мне про отца. Вот, так надо. Разве я смогу так? Все вокруг ведут себя по-другому. Но, может быть, мне только так кажется? У меня нет близких друзей. Я никого к себе не подпускаю — это вы верно заметили. Мне так удобно, потому что я знаю, вижу вокруг, друзья — предадут. Что делать тогда?

Я очень люблю свою мать. Она — замечательная женщина. И она меня любит, я это знаю. Но я для нее — кто? Ребенок? Она может рыться в моих карманах, может без стука войти в ванную, когда я моюсь. Я просил ее, она отвечает: но я же тебя в ванночке мыла! Это правда, я понимаю. Но она же хочет, чтобы я был «мужчиной в доме». Я согласен и на это, я могу. У нее никого нет и не было, это ради меня, я понимаю. Я могу починить что-то, пальто подать, все такое... Но — либо то, либо — это. Вместе-то не получается! Я либо вырос, либо остался маленьким. Я хочу знать! Мои приятели как-то умеют дать понять родителям, что они... ну, хотят того, хотят этого... А я не умею, я слишком уважаю мать или... или я хочу чего-то не того... Ну, мне не нужны ролики, и дискотеки, и все такое, а как объяснить — я не знаю. И вот — ботинки!

Вот! Ключевое слово было наконец произнесено! Ботинки — единственная форма протеста, оказавшаяся доступной бедному порядочному Саше! В этих несчастных ботинках слилось все:

и невозможность оставаться ребенком, и страх перед нарождающейся мужественностью, и осознание своей особенности, отличия от большинства сверстников. Мамино продуманное воспитание, книги и фильмы поставили очень высокую планку для Сашиних устремлений: «Любовь к женщине — только самой высокой пробы, дружба со сверстниками — не прощающая предательства, уважение и привязанность — до полного самоотречения и забвения собственных интересов». Соответствую ли я сам этим высоким и единственно достойным стандартам? — спрашивает себя Саша и с присущей ему честностью отвечает: нет, не соответствую! Значит, пусть у меня ничего этого не будет — ни любви, ни дружбы, ни предательства. Я буду жить аккуратно, на краю жизни, так, как вот уже много лет живет моя мама. На краю тоже есть свои маленькие радости, зато нет почти никаких проблем. Только вот заменить маме весь остальной мир у Саши никак не получалось (хотя он честно пытался). И на сцену мирной, почти идиллической семейной жизни явились грязные ботинки, стоящие на тумбочке.

— Вам все ясно? — спросила я у Марии Михайловны.

— В общем-то, да... — в процессе разговора женщина съела всю помаду, и теперь ее бледные губы заметно дрожали. — Но что же с этим делать? Я же не могу вернуться назад и воспитать Сашу по-другому...

— Господи, этого еще не хватало! — искренне воскликнула я. — Вы воспитали замечательного сына! Вадим наверняка гордился бы им. Но... понимаете, прошлое осталось в прошлом. Для всех. Для вас, для Саши. Для Саши позади — детство. Для вас — роль матери ребенка. Теперь вы — мать взрослого человека. Впереди — будущее.

— Мам, может, тебе замуж выйти? — с подростковой непосредственностью вдруг пробасил Саша. — Ты же у меня еще очень даже красивая.

Мария Михайловна вспыхнула, как маков цвет:

— Саша, ну что ты такое говоришь!

— А что? — притворно удивилась я. — Какие ваши годы! Или подумайте о народном театре...

— А меня в баскетбол зовут, — опять встрял «ребенок». — Я думал: несерьезно как-то, а может — попробовать, как вы считаете?

— Думаю, надо пробовать, — серьезно сказала я. — А там — видно будет.

Глава 2. Любовница токаря Ивана

— Худшее время для нашей дочери — это тот момент, когда хвалят ее брата, — вздохнула женщина и грациозным, каким-то кинематографическим движением поправила медно-рыжие, тщательно уложенные волосы.

Ее муж согласно кивнул:

— Это очень тяжело. Я сам рос со старшим братом, и наши отношения никогда не были идеальными. Иногда мы ужасно дрались — могли сцепиться из-за какой-нибудь игрушки или дурацкой шутки, но если во дворе кто-то обижал меня, он становился прямо бешеным. А я всегда выгораживал его перед родителями — он был трудным подростком, и у взрослых к нему всегда было много претензий. Помню, как во время особо мощного шухера я прятал его

сигареты и выкидной нож у себя под рубашкой... — Мужчина улыбнулся воспоминаниям.

— Расскажите поподробнее о ваших детях, — попросила я. — Какие они?

Родители начали говорить одновременно. Замолчали, не ответив на мою улыбку, взглянули друг на друга. Потом муж жестом предоставил инициативу жене.

— С самого начала с ними очень много занимались. Моя мама — педагог. Когда у Нади выявили слух, мы сразу же пригласили преподавателя. Она подготовила ее к музыкальной школе, и Надя пошла сразу во второй класс. Еще ей очень нравится заниматься теннисом, тренер ее хвалит. В школе тоже все пятерки, хотя гимназия очень сильная. Она с удовольствием готовит творческие работы, бабушка ей помогает. А Илья играет на виолончели. Он сначала хотел гитару, но педагог сумела его убедить, теперь он с удовольствием ходит на ансамбль и еще занимается ушу, ходит в бассейн — это нам наш невропатолог порекомендовала — у него нестабильность шейных позвонков... В школе у Ильи очень хорошо идет язык, недавно мы были во Франции, он сказал, что ему нравится французский, и мы подумали на будущий год нанять учителя...

Женщина замолчала, с некоторой неуверенностью взглянула на меня, снова поправила волосы. Мне показалось, что ей хочется вытащить зеркало и проверить косметику. Мужчина смотрел на жену с каким-то сложным чувством, которое я не сумела понять.

— Что ж, попробуйте теперь вы, — вздохнула я, обращаясь к отцу. — Какие они?

— Надя никогда не ляжет спать, если не сделаны уроки. И это было едва ли не с двух лет: не наденет вещь, если она уже ношенная или на ней пятно. У нее железная воля: она вообще-то по конституции полненькая, недавно решила худеть, не ела вообще ничего сладкого и вкусного — именно того, что любит. Похудела на пять килограммов. Дальше врач запретил, и я пригрозил, что будем кормить насильно, через зонд. Илья всегда злился и плакал, когда в детском садике ему не давали главную роль. До смешного: он всегда дразнил сестру свинкой и терпеть не мог игрушечных поросят, которых она собирает. В прошлом году в школе ставили спектакль, где главным героем был поросенок. Илья двое суток рыдал, что ему не досталась эта роль. Надя говорит: «Лучше бы его не было, зачем надо было рожать второго ребенка?» Илья говорит: «Давайте Надьку-свинку бабушке отдадим, а я с вами спокойно жить буду». На людях они ужасно вежливые и положительные — вы сами видели, а дома так тяжело, что мне с работы не хочется возвращаться...

— Кем вы работаете?

— Я замдиректора в крупной фирме, которая занимается консалтингом.

— А вы? — я обратилась к женщине. — Занимаетесь домом и детьми?

Женщина вздернула подбородок.

— Нет, я художник-модельер. Работаю в Доме моды. Создаю свои коллекции... Но я согласна: у нас прекрасные дети — умные, здоровые и красивые (свободной рукой женщина украдкой постучала по ножке стула). Я занимаюсь любимым делом и достигла в нем больших успехов. В семье все благополучно в финансовом плане (стука по дереву не последовало, значит, дети все-таки важнее)... Но из-за постоянной вражды между детьми все это не приносит мне никакой радости! Ведь Наде всего 10 лет, а Илье — восемь. Я просто не выдержу... Скажите, что нам сделать, чтобы это прекратилось?!

Я молчала довольно долго, исподтишка наблюдая за супругами. Потом решилась:

— Вы знаете, мне кажется, что ваши дети тут ни при чем...

— Как это?! — супруги опять отозвались хором.

— Неужели вы думаете, что мы сами их к этому побуждаем? — саркастически улыбаясь, поинтересовался мужчина.

Женщина сразу бросилась оправдываться, наверняка она уже сама не раз думала об этом:

— Мы всегда старались поровну делить внимание между ними. Я читала книжки по воспитанию. Готовили Надю к рождению брата. Консультировалась с психологом. У меня мама педагог. Они никогда ни в чем не нуждались. Если одному покупали игрушку, то другому тоже обязательно...

— Скажите, пожалуйста, когда вы последний раз были на показе коллекций жены? — спросила я внезапно у мужчины.

— Что-о?! — удивился он, явно сбитый с толку моим вопросом. — Да у меня времени нет, это же днем... И вообще — женские тряпки... для тех, кому заняться нечем... я в этом не понимаю...

— Ну уж... — усмехнулась я. — Красивые девушки, в красивых одеждах, красиво двигаются — чего ж тут не понять?

Мужчина поднял руку, словно защищаясь. Женщина приоткрыла рот, собираясь что-то сказать...

— Будьте любезны, — обратилась я к ней, — объясните мне, в чем суть последнего крупного проекта, над которым работала контора вашего мужа? И какие были сложности?

— А что вы у меня спрашиваете? — мгновенно огрызнулась женщина. — Это его работа — его и спросите... У меня, значит, просто так — тряпки, а у него, видите ли, — дело! А что за дело-то? Я-то хоть красоту создаю, это все видят, а у них? Бумажки какие-то или файлы электронные, сидят по тысяче человек в офисах и консультируют друг друга, как воздух продавать... А потом кризисы по всему миру! Дома мы его из-за этой работы не видим... и еще на детей сваливает!

— Перестань, Татьяна! — прикрикнул мужчина. — А кто Надьку едва ли не с пеленок настраивал, что она должна быть во всем лучшей? Ты и мать твоя — педагог! Илюшка же маленький ей в рот заглядывал. И она его тетешкала, учила всему. А как стал подрастать, умнеть и его тоже хвалить начали — так из нее такая злоба полезла! Как же — конкурент! И он тоже начал... А кто настроил? Кто настроил, я тебя спрашиваю?!

— Стоп! — крикнула я.

Мужчина (его когда-то сломанный нос выдавал в нем боксера и не оставлял сомнений в том, что он меня услышит — рефлексy сохраняются дольше всего прочего) замолчал и опустил сжатые кулаки.

Молчали еще с минуту, переживая то, что произошло.

— И что же нам теперь делать? — тихо спросила женщина.

— А теперь давайте учиться быть счастливой семьей, — также тихо предложила я. — Ведь у вас есть для этого абсолютно все. Знаете советский анекдот про любовницу токаря Ивана?

— ???

— Советское время, идет торжественное собрание по случаю пятидесятилетия завода. Токарь Иван, отработавший на заводе 20 лет, с женой, оба принаряженные, сидят в зале. Со сцены говорят торжественные речи. Жена на заводе первый раз: «Ну, Вань, расскажи мне, где тут у вас кто? Где директор-то?»

— Вот, в президиуме, в центре, лысый.

— А жена его где?

— Вон та, в первом ряду, в розовой кофте.

— А любовница?

— Вон, с краю, в голубом платье, Люба-секретарша.

— А главный инженер?

— Тоже в президиуме, в очках. И жена его — тоже инженерша, вон сидит.

— А любовница его?..

Обсудили всех, наконец жена спрашивает:

— Ну, Вань, а твоя-то любовница где?

Ваня мнетя, потом все-таки показывает толстым пальцем:

— Во-он, в мохеровом шарфе, Шура из ОТК...

Жена привстает, долго с любопытством глядит, потом садится и удовлетворенно говорит: «Наша-то — лучше всех!»

Родители Нади и Ильи хохочут, а у меня появляется надежда.

* * *

Не так уж редко случается, что люди, живущие рядом, не умеют радоваться успехам друг друга, воспринимая достоинства и достижения партнера едва ли не как вызов себе лично. Тогда совместная жизнь каждой незаурядной личности превращается в соревнование конкурентов, явное или неявное выяснение отношений и неустанное взвешивание: кто сделал больше? Кто отстал? От самого бытового и мелочного: кто должен сегодня мыть посуду? Кому забирать детей из школы? — до экзистенциально нерешаемого: кто принес больше пользы человечеству?

Иногда, как в описанном выше случае, отражением этих «разборок» становятся отношения детей.

Разумеется, изменить честолюбивых, сильных, целеустремленных и, может быть, даже тщеславных супругов (а где-то там маячит еще и бабушка-педагог!) мне было не под силу. Да, в

сущности, я не видела в этом необходимости. Достаточно было лишь изменить их отношение к семейной системе, заставить увидеть ее целостность, научить мужа гордиться достижениями жены («это и мое тоже!»), и наоборот. А умненькие и развитые дочь и сын, чутко уловив общее изменение настроения семьи, почти мгновенно перестроились бы. И вот уже Надя важно говорит родителям: «Я слышала, что на Илюшке весь ансамбль держится — у него там у единственного абсолютный слух», а Илья предлагает однокласснику, не понимающему решения задачи: «Я сестру попрошу. Она знаешь как здорово объясняет: у нее кто хочешь поймет!»

Глава 3. На что там смотреть!

— Моему сыну Кириллу одиннадцать лет. Последнее время он плохо спит по ночам, днем все время почесывается, как блоха-стая обезьянка, капризничает в еде, в школе упала успеваемость, учителя жалуются на его невнимательность...

Классическая клиническая картина невроза. Очень точное описание. Посетительница явно владеет словом.

— Где же Кирилл? — я демонстративно огляделась. Приличного вида и средних лет дама пришла ко мне на прием без ребенка. — Вы оставили его в коридоре? Давайте пригласим его сюда, я в соседней комнатке дам ему рисуночное задание...

— Я пришла одна, потому что все проблемы — во мне! — решительно заявила дама.

Скорее всего, так и есть. Дети до подросткового возраста редко имеют свои собственные психологические проблемы, гораздо чаще это проблемы семьи. Но далеко не все родители столь четко это осознают. Кажется, с дамой будет легко работать...

— Я слушаю вас.

— Дело в том, что мы разводимся с мужем. Не подумайте, никаких скандалов в доме нет, мой муж — очень порядочный человек, кандидат исторических наук...

Если бы научная степень гарантировала человеческую порядочность, мир был бы устроен гораздо проще, подумала я.

— Но Кирилл все равно очень переживает. У него с мужем прекрасные отношения...

Еще бы он не переживал! В одиннадцать лет, как раз когда формируются образцы поведения, хороший отец уходит из дома!

— Мы, конечно, стараемся все смягчить. Мы и сюда хотели прийти вместе, но у него как раз сегодня работа... Но я ему все передам, у нас мужем тоже прекрасные дружеские отношения...

— Послушайте! — не выдержала я. — Если у вас у всех прекрасные отношения, зачем же вы разводитесь с отцом своего сына?!

Дама потупилась.

— Кирилл — не сын моего мужа.

— А, понятно, — кивнула я. — У вас распадается второй брак, а Кирилл — сын от первого брака. Его собственный отец общается с мальчиком?

При работе с семьей я всегда исхожу из интересов ребенка, потому что так решила когда-то. Пусть там эти, с прекрасными отношениями, сами разбираются... Сейчас надо подумать о ресурсах, которые есть у Кирилла!

Дама опустила голову еще ниже.

— Это не второй брак, — едва слышно сказала она. — Это — четвертый. Кирилл — ребенок от второго. Его родной отец — очень порядочный человек, прекрасный специалист, но он сейчас живет в Германии...

Та-ак! Четыре распавшихся брака с исключительно порядочными людьми. При этом сама дама весьма привлекательна и ухожена, но отнюдь не выглядит роковой женщиной. Скорее, она — главный бухгалтер предприятия или классная дама в престижной гимназии...

— Кем вы работаете?

— Я главный редактор в техническом издании. А вообще-то я филолог, кандидат наук...

Ага. Скорее всего, в биографии дамы есть нечто ужасное, чего я не знаю. Впрочем, я сама виновата, дама напрямик сказала об этом едва ли не в самой первой фразе...

— Вы сказали, что проблема в вас. В чем она состоит? Дама молчала. — Проблемы с алкоголем? Наркотики? Медикаментозная зависимость? Психиатрия в семье? Нимфомания?

По мере моих предположений дама все более энергично мотала головой.

— Тогда что же?! — сдалась я.

— Я не знаю — в том-то и дело! — с отчаянием в голосе сказала женщина.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что все четыре брака нашей дамы заключались и распадалась по одному и тому же алгоритму: спокойное начало без особенных страстей. Все знакомства происходили на работе — мужчины влюблялись и красиво ухаживали довольно продолжительное время — было и уважение, и дружеская привязанность. Но спустя пару лет после заключения брака происходило нарастание каких-то опасений и ожиданий. Ощущалась нервная обстановка, высказывались пустые претензии, за которые обоим было стыдно. После примирений начинались бесплодные попытки выяснить отношения, и наконец — разрыв. И в результате — облегчение и сожаление, смешанные почти в равных пропорциях...

— Понимаете, — дама наконец произнесла ключевую фразу, за которую я смогла ухватиться. — Каждый раз я ожидала чего-то подобного. Оно и происходило.

В отличие от многих психологов и психотерапевтов, я не очень люблю копаться в далеком прошлом своих клиентов. Не для меня — десять лет психоанализа по два раза в неделю, с подробным обсуждением проблемы горшка и половой жизни родителей... Существуют же и другие методы — так я всегда полагала и этим руководствовалась на практике. Но вот проблема мамы Кирилла... Начинать здесь явно надо издалека... Откуда у умной, красивой, прекрасно адаптированной к жизни женщины взялись столь странные ожидания?

— Может быть, ваша собственная семья так старательно понижала вашу самооценку, что вы до сих пор не можете...

— Что вы! — грустно усмехнулась дама и рассказала, что ее растила мать-одиночка, которая

работала продавщицей в магазине и очень гордилась тем, что дочка всегда прекрасно училась, окончила институт, аспирантуру, защитила диссертацию...

— Мама, к сожалению, скончалась, а других родственников у меня нет... — дама сокрушенно покачала головой. — Мне до сих пор жаль: она для меня все сделала, надрывалась на двух работах, а я теперь могла бы... ну, что называется, обеспечить счастливую старость... А она не дожила...

Мне становится понятно, что мама долго была главным человеком в жизни девочки, из которой выросла моя теперешняя посетительница. А может быть, и теперь остается?

— Ваша мама гордилась вами и радовалась вашим интеллектуальным достижениям. А что она говорила по поводу брака, семьи?

Дама задумалась.

— Да ничего, вроде бы, не говорила. Мы же с ней вдвоем всегда жили...

— А все-таки? Постарайтесь припомнить. Мне кажется, что именно здесь должен быть ключ...

Спустя еще какое-то время (и вроде бы даже не в эту встречу) даме удалось вспомнить удивительную по своей простоте сценку, которая в период ее взросления повторялась много раз.

Она, девочка-подросток, бросает тетрадки в портфель, выбегает из комнаты в полутемный коридор, где на стене висит зеркало, и вертится перед ним, пытаясь разрешить вечный подростковый вопрос: хороша или не хороша?! Смотрит на себя то так, то эдак...

А из комнаты раздается то добродушно-усталый, то раздраженный голос матери:

— Маринка! Ну что ты там все вертишься, что высматриваешь? Не на что там смотреть! Понимаешь?! Не на что! Пустое это все! Помой лучше пол или уроки повтори!

Не на что там смотреть! Как просто и как жестоко...

Проходили годы. Девочка Марина росла, хорошела, стала прекрасным специалистом и милой спокойной женщиной. Порядочные умные мужчины обращали на нее внимание, ухаживали, женились на ней. А она... она любила и уважала их, но счастье казалось ей каким-то украденным, доставшимся не по праву, подсознательно они все время ждала, когда же они заметят подвох, когда догадаются что «смотреть-то там не на что!» А они... Они не то чтобы догадывались, они просто ничего не понимали в происходящем, нервничали все больше и больше и... в конце концов — уходили!

А мама-продавщица, которая одна могла бы все поправить (например, полюбив одного из зятьев и сообщив дочке, какая они прекрасная пара), мама, к сожалению, слишком рано умерла...

Когда все это стало ясно нам обеим, Марина не могла удержаться от слез. Я даже не пыталась утешить ее и что-то подсказать. Теперь она понимала все сама.

— С мужем я теперь договарюсь, — твердо сказала дама. — Я же вижу, что ему и самому не очень-то хочется уходить. И роман свой, якобы повод для всего, он скорее придумал, чем пережил. Я же его хорошо знаю. Главное — другое. Главное: не сказать лишнего Кириллу!

Какая же это все-таки ответственность! А мы ведь часто думаем, что самое важное — накормить, одеть, дать образование... А главное-то — в другом!

Мне ничего не оставалось, как согласиться с ней.

Глава 4. Страшилка про Марка

Во время приема дверь в мой кабинет заперта изнутри. Но снаружи висит табличка «*стучите, и вам откроют*». Ее цель очень проста: чтобы действительно стучали, и я знала, что следующая семья уже пришла. Потому что предыдущие посетители обычно не прочь захватить время следующих. Если никого нет, я — не против.

Они постучались без всякой записи (такое тоже случается — и это нормально, бывают же в жизни экстренные ситуации). Объяснили свой визит так: «Вот здесь у вас написано, мы и постучались, потому что нам *уже все равно*, куда стучаться...»

Я не помню, кто именно из взрослых пришел ко мне с Марком в тот, первый раз. Кажется, мужчина и женщина. Но я на них почти не смотрела. Потому что слишком поразил меня вид самого Марка.

Вы видели когда-нибудь документальные кадры про концлагеря времен Второй мировой войны? Те, самые ужасные, где ди-строфичные еврейские дети с огромными, обведенными черными кругами глазами, ручками-палочками и раздутыми животами? И вот представьте себе: в самом конце XX века на пороге передо мной стоял точно такой же ребенок!

Первая моя мысль была панической и трусливой: это не мои пациенты! У ребенка явно не психологическая проблема — он тяжело болен! Надо быстро придумать, куда и к кому его послать. На обследование, на лечение, что угодно... Только не ко мне!

Но от психологического аналога клятвы Гиппократа деваться некуда. Передо мной явно страдающие люди, они обратились ко мне за помощью, стало быть, я должна хотя бы попытаться...

— Да что же это с ним такое?! — совершенно непрофессионально спросила я. — Почему он у вас такой худой?

— Он не ест, — ответил мужчина. — Почти совсем.

— Давно? — изумилась я.

— С самого начала. Практически с рождения.

— Как это? Поподробнее, пожалуйста. — Тут во мне заговорил даже не профессионализм, а просто формальная логика. Ведь если бы ребенок с рождения не мог есть из-за какой-то болезни, то ему попросту не удалось бы дожить до сегодняшнего дня. Значит, все несколько сложнее.

Пятилетний Марк с трудом (мешала слабость) взобрался на скамейку и глядел на меня с умеренным любопытством. А один из взрослых начал рассказывать — тусклым, каким-то безнадежным голосом.

После первых же слов я поняла: никуда послать их не удастся. Они уже везде были. Обследовались во всех возможных центрах. Сдавали все возможные анализы.

Консультировались со всеми специалистами, включая психиатра, который подтвердил полную нормальность Марка. Был даже телемост с врачами Израиля. Никто не нашел у Марка никакой конкретной болезни. Тем не менее, в настоящее время ребенок явно умирал, у него уже как-то там опасно изменилась формула крови... Последняя гипотеза отчаявшихся эскулапов была такой: это какая-то хитрая онкология, у которой никак не удастся найти первоначального очага. Предлагали положить Марка в больницу на капельницы, но семья отказалась, понимая: из больницы Марк попросту не выйдет.

Н-да-а, оптимистичненько, ничего не скажешь...

— Расскажите о вашей семье и о характере самого Марка, — потребовала я.

Вскоре узнала следующее: если не считать еды, Марк — совершенно беспроблемный и очень одаренный ребенок. Никогда никаких истерик. Всегда вежлив. Умеет читать и писать. Говорит на трех языках. Умеет сам себя занять. Легко общается как с детьми, так и со взрослыми.

Семья Марка состоит из семи (!) человек. Все, кроме Марка, взрослые. У всех — высшее образование. Марка все безумно любят, готовы ради него на все, он отвечает взаимностью. И вот в *такой* семье, *такой* ребенок — умирает, причем неизвестно от чего... Как тут не прийти в отчаяние!

Потом я поговорила с самим Марком. Эта беседа только подтвердила все то, о чем говорили взрослые, — умный, воспитанный, коммуникабельный ребенок.

После этого Марк был отправлен домой: у мальчишки уже глаза от слабости закатывались!

Взрослых я пригласила отдельно (пришло опять двое — но я опять не помню, кто именно).

— Так, — по возможности, укрепив свое сердце, сказала я. — Если бы он совсем не ел, то уже умер бы. Значит, все-таки иногда он что-то, где-то и как-то ест. Пробовали отдавать в садик?

Пробовали, тот самый психиатр советовал. В садике Марку очень нравилось. Он охотно ходил на все занятия. Но ничего не ел. Отдавал все вкусное другим детям. Остальное оставалось на тарелке. Врачи сказали: забирайте, дома он хоть что-то ест в течение дня. Воспитательницы и дети огорчились, когда Марка забрали из садика: его все любили...

— Расскажите, как происходит кормление Марка дома. Конкретно, с деталями и прямыми цитатами.

Через некоторое время я уже не знала, смеяться мне или плакать. Ибо кормление Марка в семье происходило так:

— Марк, ты знаешь, что надо кушать?

— Да!

— Марк, вот сырок глазированный (в семье есть легенда, что Марк любит молочное и сладкое), он маленький и питательный. Ты должен его съесть.

— Да! Только половинку...

— Хорошо, половинку. И еще — яйцо. Оно тоже маленькое. В нем много белка.

— Да! Только... я белок не люблю, он противно трясется... Можно желток?

— Конечно, конечно! Значит, пол глазированного сырка и желток. Я иду варить яйцо. Сара, неси сырок!

— Я с дедушкой поем.

— Марк! Дедушка сейчас читает лекцию в институте. Ты же там был и знаешь, что дедушка преподает студентам.

— Да! Там очень интересно. И лекция мне понравилась.

— Марк! Ты должен поесть!

— С дедушкой...

— Он придет поздно.

— Но я же никуда не тороплюсь...

Звонок телефона.

— Абрам! Он согласен съесть сырок и яйцо. Но только в твоём присутствии!

Дедушка быстренько сворачивает лекцию в институте...

— Я знаю, что нужно делать! — как в омут кидаюсь я. — Сейчас я вам объясню...

В душе, конечно, страх: а вдруг уже поздно?! Бывают же, я читала, необратимые изменения и в организме, и в психике!

Из семерых членов семьи в доме осталось двое. Остальные эмигрировали к родственникам: не могли видеть, как издеваются над умирающим ребенком. Вся еда — печенье, конфеты, чипсы, сырки, фрукты, йогурты — была убрана. Холодильник плотно закрыт. Четыре раза в день на стол перед Марком ставилось то, что, по мнению взрослых, он должен был съесть. Ни к чему не принуждали и не уговаривали. Клали ложку и вилку — и уходили. Стоит заметить, что в пять лет Марка все еще кормили с ложки. Через пятнадцать минут все то, что осталось, демонстративно счищали в помойное ведро (активизация биологических рефлексов — помните, как собака бросается, если у нее попытаться забрать даже ненужную ей кость?). Из доступного — только графин с разведенным соком.

Обычные дети с этой проблемой едят ужин. Марк держался двое с половиной суток. Не ел *вообще* ничего, только пил сок. На третий день он был пойман на кухне: поставил на стол табуретку и полез в шкафчик, где тетя Сара хранила сухарики из остатков хлеба, нарезанные для зимнего кормления голубей. Про сухарики все забыли, а Марк помнил — он сам помогал их резать. Интеллект у Марка был таким, что пауза после «поимки» длилась всего несколько секунд. Потом Марк сказал: «Ну ладно... несите ваши котлеты!»

Что произошло? В общем-то, ужасное, но, к сожалению, не такое уж редкое сегодня явление. Пятилетний ребенок полностью *управлял поведением семерых взрослых людей* с высшим образованием. Понятно, что подобная задача была ему не по силам. К тому же из-за характера и методов воспитания ему были недоступны обычные детские способы управления и манипуляции — капризы, истерики и т. д. Пищевое поведение и горшок — еще Фрейд все это описывал. Но горшок тоже не годился — маленький Марк был брезгливым чистюлей и не пачкал штанишки уже после года. Оставалась еда. И бедняга Марк — единственный ребенок

большой любящей семьи — накануне нашей встречи буквально умирал от истощения.

Я предупредила родственников Марка, что, потерпев поражение с едой, он будет искать другие способы манипуляции, благо интеллект позволяет. «Кто предупрежден, тот вооружен!» — бодро заверил меня дедушка Абрам.

Через пару недель семья узнала, что из еды действительно любит Марк. Оказалось, что на самом деле он предпочитает вовсе не сладкое и молочное, а овощи и фрукты и больше всего любит гречневую кашу — ест ее огромными тарелками без всяких заправок. Правда, я думаю, он так восполнял дефицит железа, что-то же там было у него с кровью...

Глава 5. Альбом с принцессами

Мама привела шестилетнего Янека на обыкновенное тестирование перед школой. Миловидный невысокий мальчик улыбался мне, тихим голосом, но охотно отвечал на вопросы. Уровень школьной зрелости — средний.

Пока я диктовала маме упражнения для улучшения кратковременной слуховой памяти (с ней у Янека оказались проблемы), мальчик попросил разрешения посмотреть моих многочисленных кукол, рассадил их на банкетке и стал сноровисто приводить в порядок — предыдущий малыш-посетитель раздел их почти догола и растрепал прически.

— Вот! Видите?! — трагическим шепотом сказала мне мама, указывая пальцем.

— Вижу, — согласилась я. — Ребенок играет. А в чем дело?

— Янек, выйди! — решительно скомандовала мать. — Подождешь в коридоре.

— Но я же еще не закончил, — возразил мальчик, заплетая косу очередной кукле.

— Ты слышал, что я сказала?!

— Янек, если хочешь, можешь взять кукол и их одежду с собой, — предложила я. — Там закончишь.

Честно говоря, я была уверена, что мальчик не вынесет свою кукольную игру в коридор на всеобщее обозрение, и просто изображала поиски компромисса — должна же я была узнать, что хочет сообщить мне мама!

— Спасибо, — Янек лучезарно улыбнулся. — Можно я еще кастрюльку возьму и ложечки с тарелочками? Их же потом накормить надо будет...

— Да, конечно, — я рассеянно кивнула.

— Он и в саду, и во дворе играет только с девочками! — трагически заломив бровь, сообщила мать.

— Не вижу в этом ничего опасного для его жизни и здоровья! — парировала я.

— Еще он рисует принцесс.

— Надо же. Вы не принесли рисунки?

— Принесла. — Мама достала из сумки и протянула мне толстенный альбом, где в каждую страницу-файлик был вложен рисунок.

— Н-да-а, — сказала я, ознакомившись с содержимым альбома.

На всех без исключения листах были изображены уныло похожие друг на друга златовласки или жгучие брюнетки в пышных платьях с кринолинами. Отличались они только прическами.

— И что говорит про это сам Янек?

— Что он будет парикмахером. Но это его моя подруга научила...

— Что ж. Давайте с самого начала...

Янек родился у матери-одиночки. Мать с отцом никогда не были женаты, а теперь отец и вовсе затерялся где-то на просторах России. Жили втроем — Янек, его мама и дедушка, отец матери. Бабушка умерла пять лет назад, почти сразу после рождения внука. Дедушка, работающий полковник в отставке, очень переживал смерть жены, но, несмотря на это, вполне эффективно поддерживал дочь в ее одиноком материнстве — отводил Янека в садик, гулял и занимался с ним, наводил в доме образцовый порядок.

— Он такой «настоящий полковник», понимаете? — грустно констатировала его дочь. — К тому же поляк, Тадеуш Войцеховский, шляхтич и по происхождению, и по духу.

— Понимаю — воин и дворянин. И что же?

— Уже год идет война. Янек умолял меня, и я купила ему куклу с длинными волосами, которые можно по-разному укладывать. Дедушка выбросил ее в мусоропровод и купил ему вездеход с радиоуправлением и очень красивую коллекцию солдатиков. Вездеход Янек, кажется, даже не распаковывал, а с солдатиками играет — в парады и торжественные похороны с оркестром. У Янека были очень красивые кудри — дед постриг его под бокс. У моей подруги детства есть сын — ровесник Янека, самый обычный мальчишка — играет в машинки, в футбол, дерется все время. Мы с ней, когда почти одновременно забеременели, мечтали, что наши дети будут дружить. Но теперь ее сын все время бьет моего — мы уже устали их растаскивать. Дед Алену знает с песочницы и мальчишку ее всегда привечал. Но тут как-то сказал: «Ну что же они у вас никак подружиться-то не могут?!» А Аленка, она острая на язык, так и отвечает со смехом: «Да ничего, дядя Толя, не подружились, так, может, по моде нынешних времен и судя по вашему Янеку, когда-нибудь поженятся!»

Дед к вечеру напился, едва не первый раз после материнских похорон, и не велел мне больше Аленку в дом пускать. И куклу тогда же выкинул. А потом Янека спрашивает: «Тебе чего, действительно мальчишки нравятся?» Тот отвечает: «Нет, деда, девочки. А мальчишки не нравятся совсем, они дерутся, дразнятся и из пистолетов стреляют».

А потом стал по ночам просыпаться и плакать. Прибежит ко мне в кровать, прижмется, а дед через стенку орет: «Немедленно верни его на место!»

— Господи, какой бред! — воскликнула я. — Немедленно оставьте мальчишку в покое, пока не довели до невроза. Пусть играет с теми, кто ему нравится, и в те игры, которые доставляют ему удовольствие. Ну скажите мне: чем было бы лучше, если бы он рисовал одних монстров или танки?! Купите ему новую куклу и скажите отцу: доктор прописал.

— Так вы думаете, ничего страшного?

— Да, я так думаю. И — приведите ко мне деда!

— Я попробую... — с сомнением проговорила женщина.

«Настоящий полковник» идти в детскую поликлинику, по всей видимости, отказался, и больше я их не видела.

* * *

— Скажите, пожалуйста, я — гомик? — невысокий большеглазый подросток с длинными вьющимися волосами, красиво перевязанными лентой на манер кинематографических мастеровых, смотрел на меня со спокойным доверием.

— Э-э-э... — заблела я и наконец сформулировала: — Послушай, но откуда же мне это знать?! Я тебя в первый раз вижу...

— Вы меня не помните?

— Прости, нет. А ты уже здесь был?

— Да. Давно. Мы с мамой приходили. Вы мне кукол давали. Я запомнил, потом всегда, когда приходил с мамой в поликлинику и проходил мимо кабинета, думал: вот, здесь много игрушек, вот бы в них поиграть...

Я улыбнулась его воспоминаниям, но все равно ничего не вспомнила. Только когда в разговоре всплыл дедушка-полковник и альбом с принцессами, память наконец сработала.

— И что же теперь? Сколько тебе лет?

— Тринадцать, скоро будет четырнадцать.

— Как дела в школе?

— Я учусь плохо. Мне скучно задачки решать или упражнения. Только по истории пять и по рисованию. Еще литература ничего, я читать люблю...

— В кружки ходишь?

— Не-а. Раньше на танцы ходил, теперь надоело. А всякие судомодельный, авиамодельный или в самбо, как дедушка хочет, — это мне скучно.

— А что же — не скучно?

— В компьютер играть.

Ожидаемо, подумала я, но все же уточнила:

— А что ты там, в компьютере, делаешь?

— Общаюсь немного, потому что в классе у меня не очень выходит. Еще у меня есть программы, где я моделирую — костюмы, прически...

— А... — я не знала, как вернуться к теме гомосексуализма, от которой сама же малодушно сбежала. — А с кем ты дружишь?

— С девчонками некоторыми, они прикольные. Парни в классе и во дворе меня «педиком» или «гомиком» дразнят. И дедушка тоже... Вот я и подумал... Надо же мне знать!

Я вспомнила дедушкин вопрос семилетней давности и буквально удержала аналогичный на языке.

— Ты уже влюблялся?

— Я и сейчас... — Янек покраснел и опустил глаза. — В певицу Наталью Орейро и в Валью Дроздову из 9 «А». Вы скажете, так не бывает, чтобы сразу в двоих?

— Бывает, — улыбнулась я. — Расскажи мне, чем ты увлекаешься. Чего бы ты хотел, пусть даже из того, чего в твоей жизни пока не было.

— Хотел бы путешествовать. Увидеть всякие экзотические страны, как люди живут. Рисовать, фотографировать. Хотел бы стать парикмахером или стилистом. Знаменитым, чтобы на всяких конкурсах выступать. Может быть, свою студию...

Мама Янека за истекшие семь лет не то чтобы постарела, но как-то ощутимо поблекла.

— Для тринадцати лет Янек удивительно полноценный, оригинальный и адекватный парень с четко выраженной жизненной позицией, — сказала я ей. — Поверьте, мне есть с чем сравнивать. Но отчего вы его совсем не поддерживаете? Вы очень заняты работой? Личной жизнью?

— Нет, нет... Но как?! Мы с отцом ужасно боимся подтолкнуть его...

— К чему?! К делу его жизни?! — я позволила себе повысить голос, чтобы пробить броню непонимания, которой мама окружила себя, по-видимому, для удобства сосуществования с «настоящим полковником». — Янек видит себя в мире моды и парикмахерского искусства, у него есть способности, упорство в отстаивании собственной оригинальности, стиль, работоспособность, стремление к высотам, совершенству в избранной им области... Но вы должны помочь сыну: ему всего тринадцать, да и мир, как вы знаете, не особенно лоялен к неординарным людям.

— Но что же мне конкретно делать?

— Любая студия живописи, курсы компьютерного дизайна, я дам вам координаты клуба «Юный стилист» — это обязательно. Купите ему фотоаппарат, ходите с ним на фотовыставки, в театры на разные пьесы, на какие-нибудь показы модной одежды...

— Он хочет в училище, на парикмахера... Дед говорит: только в военное!

— Не говорите ерунды! Вот как раз армии-то вам лучше все-таки избежать. Найдите лучшее училище, где учат на парикмахеров, пусть готовится. Расскажите ему обо всех возможностях высшего образования по этой и смежным областям — может быть, Янек чем-нибудь заинтересуется.

— То есть... вы хотите сказать... он все-таки не... он обычный парень?

— Он необычный. Он оригинальный и талантливый. И был таким уже семь лет назад. Но талант надо развивать.

— Я поняла. Спасибо. Я все записала и все сделаю.

Когда мама выходила, Янек, который все время подслушивал под дверью, заглянул ко мне и крикнул:

— Так я все-таки не гомик, да?!

Мама с ребенком, сидящая напротив, подпрыгнула и уставилась на него.

— Нет, ты не гомик, — твердо сказала я.

— Так, может быть, вы мне и справку дадите? — продолжал Янек. — Я ее нашим мальчишкам покажу, они и отстанут...

Я представила себе эту справку и расхохоталась. Мне вторили Янек, его мама, женщина напротив и даже ее младенец, зараженный общим весельем.

Глава 6. Бесфрустрационное воспитание

— Вы только не подумайте, Соня очень любит своего папу. Поэтому мы сразу решили идти к психиатру.

— ?!!

— Да, да. А к вам зашли просто на всякий случай, потому что терапевт, которая нас с рождения наблюдает, посоветовала сначала к психологу.

Шестилетняя Соня спокойно и сосредоточенно расставляла на подоконнике семейку Барби и выглядела совершенно нормальным ребенком.

— Я бы выслушала всю историю с самого начала, — осторожно сказала я.

Родители казались слишком пожилыми для дочери-дошкольницы и какими-то безнадежно удрученными. Немедленно уточнить: кому тут действительно нужен психиатр?

— Конечно. Просто неловко говорить. Но вы специалист, вы, конечно, поймете. Она бьет отца. Иногда — ногами по лицу.

Увы! Я (вроде бы и вправду специалист) не понимала. Папа Сони — мужчина двухметрового роста, Соня — довольно высокая для своих лет девочка, но ничего необычного. Неужели такое возможно?!

— Простите, — я озвучила свое недоумение, — но как это получается технически? Он к ней специально нагибается, или ваш ребенок так высоко прыгает?

Мама Сони явно обескуражена. Папа смущенно улыбался. Моя задача — по возможности отложить психиатра для Сони на потом. Если все-таки проявится необходимость.

Мать взяла себя в руки и заговорила логически связно, на литературном русском языке. Дикая на первый взгляд ситуация описывалась на удивление просто.

Папа вот-вот должен прийти с работы. Соня с нетерпением ждет, смотрит на часы, тербит мать и все такое. Это понятно — с самого рождения дочери отец много занимался с ребенком:

играл с ней, читал книги, рассказывал сказки, рисовал забавные комиксы с продолжением. Папа пришел. Девочка с визгом виснет у него на шее, ласкается, торопясь и захлебываясь словами (перинатальная энцефалопатия и дизартрия в анамнезе), рассказывает свои детсадовские и домашние новости.

— Папа, папа, давай, давай скорее играть! — торопит Соня. У нее все продумано, уже составлен план, подготовлены игрушки и сопутствующие предметы.

— Хорошо, Сонюшка, я сейчас немного полежу, поем и будем играть.

Папа совсем не против заняться с дочерью, он просто хочет немного отдохнуть — ему уже за пятьдесят, и он действительно устал после рабочего дня.

— Сейчас! — подпрыгивая, кричит Соня, перевозбудившаяся от ожидания любимого родителя.

Мать идет на кухню разогревать ужин.

— Чуть позже, дорогая, — непонятно кому говорит усталый мужчина, ложится на диван и берет газету. Соня скачет вокруг, теребит отца, потом просто срывает газету, бросает ее на пол. Он прикрывает глаза, чтобы не видеть этого мельтешения. Соня тщетно пытается его пробудить, защекотать, потом... потом отходит чуть назад и крепкой ногой бьет родителя прямо в ухо...

— Конечно, это болезнь. Начальная стадия. Мы смотрели в Интернете. Надо лечить. Мы понимаем. Нам жаль. Она с самого рождения была очень возбудимой. У жены — тяжелая нефропатия. Поздний ребенок. Нас предупреждали.

И они уже все приняли, со всем согласны.

— С чего вы взяли?! — я повышаю голос. — Записи невропатолога в Сониной карточке — это даже не диагноз, это синдром — он хорошо компенсируется. Рассказывайте с самого начала! Что вы оба делали до рождения Сони? Лечились от бесплодия? Где?

Как? Откуда взялась Соня? Искусственное оплодотворение? Экстракорпоральное?

По их полной беспомощности я бы решила, что ребенок приемный, если бы не откровенное внешнее сходство девочки с матерью.

От бесплодия никто не лечился. Они просто поздно встретили друг друга. Всего семь лет назад. Ему было уже сорок шесть. Ей — сорок. И у него, и у нее в прошлом были какие-то неудачные попытки создать семью, о которых они сейчас не могут вспомнить ничего существенного. Детей не было. Полностью утерев связи с бывшими сожительницами, он до сих пор поддерживает прекрасные отношения со взрослой приемной дочерью, которая с семьей живет в Германии.

Мать девочки с детства страдала от какой-то сложной почечной болезни — врачи беременеть решительно не рекомендовали. Да и все ее связи были какими-то непрочными... растить ребенка одной? А если с ней что-нибудь случится?..

— Бабушки-дедушки есть? — уточняю я. — Умерли? Далеко живут?

Оба одинаково понуро опускают головы.

— Живы. Но мы... так сложилось, что мы оба не поддерживаем связи со своими родителями.

Точка. Что еще за тайны мадридского двора?! Психиатрия в роду? У обоих?! Тогда становятся понятными их страхи и навязчивое стремление к психиатру...

Встретили и полюбили друг друга сразу, как-то очень по-молодому. Все совпадало — взгляды, вкусы, стремления, желания. Поженились, не раздумывая. Почти равнодушные к религии — венчались в церкви, ибо позднее обретение друг друга требовало торжества. Но любое семейное счастье без детей — неполноценно. Так считали оба. Он знал про ее болезнь, она готова была рискнуть. Обсуждали усыновление ребенка-сироты лет шести-семи, но не успели прийти к определенным выводам — она забеременела первый раз в жизни, на сорок втором году.

Восемь месяцев из девяти в больницах — под наблюдением нефролога. Все прошло хорошо, девочка-«кесаренок», но родилась в срок, доношенной и почти здоровой. Даже врачи удивлялись и говорили с доброй улыбкой — вот что значит для женщины семейное счастье, все болезни умолкают.

— А тогда, после рождения Сони, бабушки-дедушки помогали? — я должна была прояснить вопрос. От этого многое зависело.

— Мы сами не хотели.

— Почему? Алкоголизм? Психиатрия? И то и другое?

— Ничего подобного! — хором, к моему удивлению, ответили они.

— Так в чем же дело?

Оба росли в полных, категорически авторитарных семьях. Его, среднего из трех братьев, за малейшую провинность, не разбираясь и не слушая оправданий, просто пороли. Даже теперь, на склоне лет, он после самого безобидного разговора с родным отцом бросал таблетку валидола под язык.

Ее били редко, но регулярно уничтожали презрением: «Девочка, которая не может аккуратно повесить свою форму, поддерживать порядок на столе и вовремя постирать свои трусики, никогда и никого не заинтересует... Пятерки по литературе и истории не могут сравниться с оценками по таким действительно важным предметам, как математика и физика, в которых ты как корова на льду...» Она стала искусствоведом.

Они были откровенны друг с другом и дружно решили: их поздний, бесконечно любимый и желанный ребенок не узнает ни одного из кошмаров их собственного детства.

Когда Соня в два года начала «ставить границы» (нормальный этап возрастного развития любого нормального ребенка), ей позволяли абсолютно все. Поиграть хрустальной вазой? Пожалуйста, разобьет, купим другую. Зайти по колено в лужу? Да на здоровье — что мне, трудно ее переодеть, что ли! Игрушку, как у девочки из песочницы? Идем и покупаем — у нас один ребенок и неплохие зарплаты, кого нам еще баловать?

Не имея возможности разрешить стоящую перед ней проблему (поставить границы, определить, что «можно» и что «нельзя» в окружающем ее мире), тратя массу энергии на придумывание все новых и новых запросов, Соня начала капризничать, потом плохо спать и отказываться даже от любимой еды. Частный невропатолог, к которому обратились,

красноречиво указал на перинатальную энцефалопатию в карточке (ее ставят почти всем «кесарятам») и на строчку с возрастом и диагнозом матери: а чего вы, собственно, хотели? — но честно прописал таблетки, массаж и визит к остеопату.

От таблеток девочка становилась сонной и туповатой. Сеансы остеопата вроде бы стимулировали развитие речи, но появилось заикание. Родители пугались и прекращали все лечебные мероприятия. И по-прежнему все разрешали. Соня становилась все более нервной и неуправляемой, изъявляла все более странные желания. Утешало только одно: в детском саду к ней не было *абсолютно никаких* претензий — она безукоризненно выполняла все режимные требования, была очень активна на занятиях.

— И вас это не насторожило? — не выдержала я. — Не может же быть один и тот же ребенок здоров в одной точке пространства и болен — в другой!

— Но если не болезнь, что же это такое?

Соня была уже слишком взрослой, родители — слишком пожилыми и не гибкими, не способными изменить привычную точку зрения. «Разминать» ситуацию — уже нет времени. Придется ломать.

— Ваш любимый ребенок буквально изнемогает под той тяжестью, которую вы на него взвалили почти четыре года назад. И вопиет о пощаде, изобретая для этого уже самые дикие способы. Маленький ребенок морально и материально *не может*, не в силах управлять поведением двух взрослых разумных людей. В детском саду она активна и адекватна, потому что там стоят четкие границы, на которые можно опереться в своем движении и развитии. У вас в семье — границ до сих пор нет.

Что здесь можно и что нельзя? А ведь это — вопрос второго-третьего года жизни! А Соне — почти семь! Неудивительно, что она буквально озверела от вашей непонятливости.

— Но мы специально не хотели ее ограничивать...

— А придется. Потому что это биологическая программа, важная для выживания детеныша высшего млекопитающего, требующая своего разрешения.

— Мы оба гуманитарии...

— Ну, это, знаете ли, не оправдание!

— Но вы нас научите? Главное, чтобы это не было для нее стрессом — всегда все позволяли, и вдруг...

— Большого стресса, чем ваша многолетняя пластилиновая вседозволенность, для нее и вообразить невозможно, — отрезала я, — да Соня испытает огромное облегчение! — Тут я увидела, что мама как-то странно выпучила глаза и закрыла рукой рот.

— Что еще такое? — удивилась я.

— Вот! Вот вы это сказали! — воскликнула женщина. — Так ведь она уже давно так говорит. Называет мужа: мой пластилиновый папа! Она чувствует, да?!

— Вот видите, какой талантливый ребенок! — с удовлетворением сказала я. — Может, вырастет, станет психологом... А теперь слушайте сюда!

* * *

Как и ожидалось, Соня легко восприняла долгожданное «установление границ». Теперь, когда папа приходит с работы и ложится отдохнуть, она осторожно накрывает его пледом, ставит будильник и садится с книжкой рядом — ждать, когда он проснется.

Глава 7. Богатый папа на белом коне

Я всегда нервничаю, когда приходится работать с неудавшимся суицидом подростков. Отказ от жизни у человека, который еще не жил, — что может быть неестественнее?!

В данном случае я напрягалась еще и потому, что сама история была — банальнее некуда. И едва не стоила жизни пятнадцатилетней девочке.

Когда-то давно ее родители сошлись по большой и, как им казалось, настоящей любви. Почти сразу родился ребенок, девочка — хорошенькая-прехорошенькая. Они радовались и вместе склонялись над кроваткой. Но радовались — увы! — не слишком долго. Дочка болела и кричала по ночам. Мама не высыпалась, нервничала, ничего не успевала. Ей хотелось надежности, стабильности, чтобы утешили и поддержали. Папа учился и работал, тоже уставал и хотел от дома покоя, тепла и надежного тыла. Ни тот ни другой не умели быть великодушными, начали срывать усталость и обиду друг на друге. Денег вечно не хватало, в стране творилось черт-те что, и никто не мог сказать, что будет дальше. Девочка все чувствовала каким-то своим непостижимым младенческим чутьем и от этого капризничала и болела все больше.

В конце концов у молодого мужчины сдали нервы: он ушел. Пытался потом зайти, проведать дочь. Бывшая возлюбленная была обижена и категорична: «Уходя — уходи! Ты нас предал в трудный час, теперь забудь». Он смирился не без чувства облегчения.

Женщине уходить было некуда: она осталась. Отдала девочку в ясли и, позабыв о профессиональных амбициях, устроилась на работу рядом с домом. Научилась быть сильной и одинокой.

Зарабатывать деньги, чтобы хватило на двоих. Плакать по ночам в подушку, когда дочка уже спит. Девочка росла неглупой, ласковой и миловидной, и глядя на нее, мама радовалась и понимала: все не напрасно! Они жили вдвоем, и им было хорошо вместе. Как-то раз дочка спросила про отца. Мать ответила коротко: «Он ушел, бросил нас, когда ты была совсем крошкой. Ты много болела, мешала ему спать...» — «Коз-зел!» — процедила отроковица сквозь стиснутые зубы.

Папа тем временем, освободившись от бремени семьи, ушел в работу. Работал по 18 часов в сутки, не жалел сил и денег на профессиональный рост. У него многое получалось. Основанная им фирма росла, от нее отпочковывались филиалы, увеличивалось количество зависящих от него людей, множились проблемы и ответственность. Он справлялся. Личная жизнь, естественно, имелась, но строилась по пословице: «Обжегшись на молоке, на воду дует» — глубоких отношений мужчина последовательно избегал, довольствуясь разнообразными и ни к чему не обязывающими развлечениями в свободное от службы время.

Годы между тем шли, и как-то незаметно наступил тот период, который в обиходе называют «кризисом среднего возраста». Коварный вопрос: «Зачем все это?» — замаячил сначала на горизонте, а потом подступил вплотную. С привычным энтузиазмом обсуждая с сотрудниками очередное расширение ассортимента услуг и географии влияния фирмы, мужчина вдруг запнулся на полуслове... Вечером он отменил уже назначенное свидание с красивой женщиной

и никуда не поехал ужинать. В пустой квартире, где не было даже собаки (кто с ней будет гулять, если я целый день на работе), в голову приходили странные и непривычные мысли...

Женщина не стала препятствовать, когда внезапно объявившийся после долгих лет отсутствия отец захотел встретиться с дочерью-подростком. «Ну, отец все-таки, говорят, у него фирма своя, большая, может, пальто зимнее тебе купит», — практично напутствовала она дочь, отправляющуюся на первое свидание с отцом.

У отца «снесло крышу» после первой же встречи с дочерью. Представьте себе: перед ним была юная девушка, которая, во-первых, являлась его кровной дочерью, наследницей и продолжательницей его рода и дела (вот он — ускользающий смысл всего!). А во-вторых, она была мучительно и сладко похожа на свою мать, его юную бывшую жену, в которую он влюбился и на которой женился в ранней молодости! Давно он не испытывал таких сильных и противоречивых чувств...

И мужчина по полной программе «распустил хвост»! Театры, боулинги, аквапарки, рестораны, магазины и бутики, поездка за границу... Скромная, не избалованная шмотками и развлечениями девочка за все была ему благодарна, всем восхищалась, смотрела папе в рот, готова была слушать все, что он пожелает сказать, и со всем согласиться. Мечта любого мужчины! — «Познакомьтесь, это моя дочь!» — «Да что ты! Такая взрослая?! И такая скромная и воспитанная! И где же ты раньше прятал такую красавицу?!»

Дома благодати не было и в помине. Девочка напрямую обвиняла мать:

— Ты говорила, что мой отец дурак и мерзавец. А он — чудесный, щедрый человек с двумя высшими образованиями. На него работают полтысячи человек. У него две квартиры и загородный дом. А ты кто? Сколько ты получаешь? Почему ты выгнала его и прятала меня все эти годы? Мы с ним столько всего упустили!

— Никто его не выгонял и тебя не прятал! — в отчаянии кричала мать, срываясь на визг. — Он сам сбежал! Где он был, когда ты в три года болела крупом и месяц могла спать только у меня на руках? А когда упала с качелей, сломала ключицу, и тебя надо было кормить с ложки? А когда меня в перестройку сократили и не брали на другую работу с маленьким ребенком... А теперь — явился не запыхавшись, на все готовое. Да ты не разевай рот: он наиграется и опять тебя бросит!

— Ты все врешь! — захлебывалась слезами дочь. — Ты... ты злая дура!

Однажды, исчерпав все аргументы и не справившись с собой, мать с криком: «Ну так и убирайся к нему!» — впервые в жизни отвесила дочери оплеуху.

Девочка выбежала в коридор, схватила куртку и скатилась вниз по лестнице, дрожащими руками нажимая кнопки нового суперского мобильного — подарка отца.

— Папа, я буду теперь с тобой жить, — сказала она, выпив, чтобы успокоиться, стакан коллекционного красного вина и забравшись с ногами в кожаное кресло. — Ты ведь не против, правда?

Папа сидел, прикрыв глаза. Мысли его металась из стороны в сторону. Он не представлял, как они будут жить вдвоем. Он не понимал подростков. Именно сейчас он подумывал о втором браке и о сыне-наследнике: он уже понял, что дочку совсем не интересует его бизнес. Она хотела стать певицей или дизайнером. В конце концов, теперь можно нанять ребенку няню и гувернера. От долгих слез физиономия его дочки казалась похожей на блин. Обиженная

папина подруга громко роняла что-то на кухне. Разумеется, она ни за что не станет жить с чужой ей девушкой, которая моложе, симпатичнее... Они же будут непрерывно ругаться, призывая его в судьи своих разборок... Мужчина в ужасе помотал головой.

— Понимаешь, дочка, — осторожно начал он. — То, что ты придумала, это как-то нехорошо по отношению к твоей маме. Она, конечно, тоже погорячилась, но ее можно понять... Разумеется, мы с тобой должны общаться, но... Давай-ка я сейчас сам ей позвоню и попробую обо всем договориться.

Девочка-подросток вскочила с кресла и выпрямилась, уронив пустой бокал. Она понимала: теперь ее предали все! Ничего не осталось! И никого! Стоит ли жить, если все люди такие?!

Мама с папой пришли ко мне вместе. И наперебой пытались обвинить в чем-то друг друга. «А зачем ты?.. А вот если бы ты тогда...» — «А ты всегда...»

Оба продолжают искать виноватого. Не помощники — ни мне, ни дочери.

Объяснять девочке, что все хорошо, рассказывать о красоте мира? Не услышит, еще не минул аффект. Возможно повторение попытки. А что, если она будет «удачной»?!

Был такой уважаемый мною психолог — Виктор Франкл. Он разработал метод парадоксальной интенции, фактически доказательство от противного. Начало разработок пришлось на пребывание автора в фашистском концлагере...

Что ж? Нельзя доказать, что все хорошо, буду доказывать обратное.

— Вообще-то в твоем возрасте циклиться на проблемах с предками — уже не круто. Других дел нет, что ли?

— Я не крутая, — ответила она, подозрительно глядя на меня.

— Кстати, а что сказал твой парень по поводу той фигни, что ты устроила?

— У меня нет парня.

— Как?!.. Гм-м... Ну, а вообще, в твоей тусовке как — одобряют?

— Я не тусуюсь.

— Почему? В компьютере сидишь? А у тебя в ЖЖ сколько френдов?

— Двенадцать.

— Пф-ф! Даже у меня — старой калоши, и то — сто девяносто семь.

Она не удержалась:

— Так это ваши по жизни знакомые! А сколько взаимных?

— Ни одного! — с торжеством говорю я. — Я вообще никого не френдилла. Можешь проверить, я тебе ник скажу.

Девочка умненькая, умеет сложить два и два.

— Что вы хотите мне доказать? Что у меня вообще в жизни ничего не выходит? Что все меня лохушкой считают?!

— Не считай, что люди думают о тебе плохо. Они о тебе *вообще не думают*.

Разозлилась:

— А психолог в больнице говорила, что я еще встречу много прекрасных людей, и все у меня будет хорошо.

— О-ла-ла...

— А папа с мамой меня, между прочим, любят. У папы даже сердечный приступ был. И они сказали, что пусть я живу с кем хочу...

— Гм-м...

— И две моих подружки каждый раз, когда пускали, ко мне в больницу приходили.

— О-о...

— И Мишка Осин мне эсэмэску прислал: «Ты что, с ума сошла? Не дури больше!»

Попалась.

Дальше она мне доказывала, что мир стоит того, чтобы жить. Я иногда вяло сопротивлялась, иногда соглашалась...

Виктор Франкл — форева!

Напоследок, совет супругам с детьми — банально, но проверено. Если расстались, *никогда* не говорите дурного о втором родителе. Если не найдется доброго слова, молчите. Заново устанавливая контакт с ребенком после разлуки, не пытайтесь пустить пыль в глаза — надолго не хватит. Не старайтесь «купить» подарками. Лучше поделитесь временем и кусочком души.

Глава 8. Больной ребенок?

Это было много лет назад. Я тогда только начинала работать психологом, практически не имела опыта и потому сначала просто не поверила ни своим глазам, ни своим выводам. Уже больно дикими они мне показались. Впоследствии я видела десятки аналогичных случаев. Но запомнился — первый....

Ребенку недавно исполнилось десять лет. Его медицинские карточки (мать выложила их на стол стопкой из объемистой сумки) имели вид и толщину карт какого-нибудь очень болезненного пенсионера.

— Ничего себе документация! — воскликнула я. — И чего ж там у нас такое, если вкратце?

Мальчик выглядел абсолютно нормальным, но я ни секунды не сомневалась в том, что сейчас мне назовут одну из очень тяжелых, с осложнениями, соматических болезней. Диабет? Сердце? Что-то с почками? С обменом веществ?

— Да, вот так... — вздохнула мать, опуская глаза. — Мы во-обще-то на электрофорез пришли,

но заодно решили и к вам заглянуть. В диагностическом центре нам рекомендовали, да я и сама давно собиралась...

— Конечно, конечно, слушаю вас, — заторопилась я, испытывая искреннее сочувствие к матери такого больного ребенка. Он-то не знает другой жизни, а каково это для матери — вместо того, чтобы играть и радоваться, все время обследовать и лечить!

— Вы знаете, последнее время он стал просто невыносимо поперечным! — пожаловалась женщина. — У меня уже сил нет...

Что ж, подумала я, листая первый том медицинской саги, на подходе подростковый возраст, да и постоянные болезни характер никому не улучшают...

— А в чем конкретно это выражается?

— Я говорю: обязательно надевай шапку, на улице ветер, опять простудишь уши — мы только что пропили курс антибиотиков, — а он приходит из школы с шапкой в кармане и говорит, глядя мне в глаза, что потерял!

Я перешла ко второму тому.

— Нам прописали курс витаминов в уколах и массаж. Мы каждый год так делаем, это позволяет хотя бы половину времени нормально посещать школу. Последний год начальной школы — это же важно! Он отказывается ходить в поликлинику, можете себе представить?! Каждый раз — это бой быков, уже соседи спрашивали: что у вас там творится?

Отложив вторую карточку, я принялась за третью.

— Недавно вместо того, чтобы прийти после школы домой, ушел, не переодевшись и никого не предупредив, в соседний квартал на футбольное поле и три часа там бегал с мальчишками. Я его с трудом отыскала. Бог с ним, с футболом, бог с ними, с моими и бабушкиными нервами, но ведь он был весь насквозь мокрый! А это нам категорически противопоказано! Я притащила его домой, он отказался переодеться. До прихода отца с работы ходил в мокрой фуфайке. Разумеется, заболел...

Я честно пролистала все четыре карточки и ничего не поняла. У Игоря не было никаких серьезных заболеваний! Диатез в детстве, простуды, пара бронхитов, нарушение осанки, какие-то шумы в сердце, дискинезия чего-то, масса обследований, назначений и заключений специалистов... Может быть, мама сама врач и потому ей мерещатся всякие опасности для здоровья сына?

— Кем вы работаете?

— О чем вы? Как он родился, я не работаю и едва все успеваю. Школа, лечебная физкультура три раза в неделю, три курса массажа в год, мануальная терапия, электрофорез, процедуры, лекарства... Он болеет одну четверть из четырех. А последнее время — представьте! — стал выбрасывать в унитаз лекарства, которые мы с отцом покупаем за огромные деньги!

— А кем раньше-то были? До рождения сына?

— Окончила по настоянию родителей технологический институт. Работала по специальности года два или три. Но никогда меня это не интересовало...

— А закаливать его вы пытались? Обливать там холодной водой, еще чего-нибудь...

— Да что вы говорите, какое там закаливание! Мы просто от одной болезни до другой не успеваем...

— Можно, я поговорю с Игорем?

— Ну разумеется! Мы за этим и пришли!

— Без вас...

— Это еще почему? — насторожилась мать. — У него от меня секретов нет!

— Так положено, — уверила ее я. — А потом я с вами поговорю, без него.

— Ну ладно... — в голосе женщины явно прозвучало сомнение.

— Ну так чего ты заводишься-то? — спросила я.

— Надоело, — буркнул мальчишка.

— Лечиться? Обследоваться?

— А то... Вам бы столько...

— Вообще-то ты здоров...

— А что я, сам не знаю, что ли? Вы ей скажите!

— А чего хочется-то?

— Хочется — в футбол! И не во дворе чтобы, а по-настоящему!

Есть в психологии методика «Небесной лавки». Хорошая методика, но до встречи с матерью Игоря у меня как-то в голове не укладывалось, что в «лавке» можно выбрать не что-нибудь, а — «больного ребенка», которого потом можно будет годами обследовать, лечить, опекать, заменяя этим сложным и многокомпонентным процессом все остальные пути личностной самореализации...

Но что теперь делать-то?

Повторюсь: я была тогда почти «новорожденным» психологом. Все мои новоиспеченные коллеги отчетливо тяготели к глубинной психотерапии, азартно закрывали гештальты по Перлзу, анализировали по Фрейду, ставили якоря, искали комплексы по Юнгу и т. д. и т. п. — стремясь забраться как можно глубже в личность подвернувшегося клиента и покопаться там жадными пальчиками. Я же на их фоне чувствовала себя слегка неполноценной, так как никакого «глубинного азарта» не испытывала. Но, тем не менее, «назвался груздем — полезай в кузов».

Я решила попробовать осторожно поменять установки мамы Игоря. Объяснила: «вам тяжело его все время лечить, ходите ко мне, станет легче». Женщина охотно согласилась. Часами мы уныло обсуждали респираторные проблемы ее сына, преимущества сонографии перед УЗИ и т. п. вещи. Про каждую частность мне удавалось ее убедить, что это не очень страшно, но в целом установка не менялась — «больной ребенок», и все тут! Никакие другие интересы тоже

не проклевывались. При том мама Игоря была вовсе не глупа и однажды спросила меня напрямую:

— Так вы что, хотите меня убедить, что он здоров, а я — просто фигней занимаюсь?

Я еще не научилась уходить от прямо поставленных вопросов, пожала плечами и ответила честно:

— В общем-то, да...

— Всего доброго, — сухо сказала мама Игоря и ушла.

С теми же проблемами в поведении обратилась к невропатологу. Невропатолог прописала таблетки и курс остеопатии.

Некоторое время я числила этот случай в списке своих неудач. Потом однажды случайно познакомилась с симпатичным мужиком — тренером, энтузиастом детского хоккея. И он навел меня на мысль: хоккей, оказывается, полезен для часто болеющих детей! Потому что они как-то там рядом со льдом дышат и что-то там в их бронхо-легочной системе положительное происходит. Правда это или нет — до сих пор не знаю, да это для меня было и неважно.

У нас в поликлинике работает немолодая уже, с многолетним опытом врач-педиатр. Кроме того, она еще и — сторонник всего нетрадиционного: обливания по Иванову, гомеопатии, психосоматического генезиса большинства заболеваний (в то время это числилось в инновациях). Я часто ходила к ней консультироваться по педиатрическим вопросам.

Спросила, знает ли она Игоря и его маму?

Ответ: «А то не знаю! От чего только и чем только я их не лечила!»

Вопрос: «Парнишка и вправду больной?»

Ответ: «Да нет, там все функциональное. Мама наводит, обычное дело».

— Обычное?!

— Конечно, а вы не знали? У меня из часто болеющих чуть ли не одна треть таких...

— Подыграете мне, чтобы парнишке помочь? Он хотел футболом заниматься, но...

— Отчего ж не попробовать?

При следующем обращении авторитетный педиатр объяснила маме, что следующим методом лечения респираторных проблем Игоря будет — «дышать льдом». Устраиваем, дескать, по знакомству, как часто болеющему ребенку. Мой знакомый тренер в свою очередь сообщил женщине, что тренироваться нужно пять раз в неделю, а также необходимо купить дорогое снаряжение, участвовать в какой-то «клубной жизни», ездить на соревнования, обязательно присутствовать и «болеть» на играх для моральной поддержки детей-игроков.

Мама выполнила все рекомендации, полностью «загрузилась» хоккеем и оказалась азартной болельщицей.

А вот Игорь болеть перестал. Не только респираторными заболеваниями, но и всеми другими — тоже.

Глава 9. Ваша дочь — заяц?!

На первый прием они принесли длинную пластмассовую коробку.

— Вот! — сказал отец и открыл коробку. — Это делает наша дочь Даша.

Сначала мне показалось, что внутри — аккуратно приготовленная растопка для маленькой печки. Потом вспомнились годы, когда я была зоологом: похоже на «кузницу» дятла, «зимнюю столовую» зайцев, круговые следы бобровых погрызов... Их дочь Даша — бобр или заяц?!

— А... а из чего она это делает? — от неожиданности предъявленного «вещественного доказательства» вопроса умнее мне сформулировать не удалось.

— Из карандашей, — охотно объяснила женщина. — Кисточки тоже годятся, если ручка деревянная. Палочки для счета... но мы быстро пластмассовые купили.

— Ваша дочь их грызет, — догадалась я.

— Да, да, — женщина энергично кивнула и встряхнула коробку, забрав ее из рук мужа. — Вот этот набор — с начала четверти.

С начала четверти прошло три недели.

С карандашами непонятно. Но непонятно еще и то, что мужчина выглядит искренне расстроенным и обескураженным, а женщина — почти веселой, как будто знает что-то забавное, неизвестное мужу.

— Да-а-а, — неинформативно откликнулась я и поинтересовалась, чувствуя себя психиатром из детского анекдота. — И давно это с ней?

— С середины первого класса.

— А сейчас она в каком?

— Сейчас в третьем.

— Ваша дочь как-нибудь объясняет причину?

— Нет. Говорит, что сама не замечает, как это получается, — вступил в разговор отец. — И это правда. Я сам видел — она телевизор смотрит, увлеклась, взяла в руку карандаш, повертела его, потом раз-раз-раз, буквально несколько минут — и готово!

— Ну что ж, — вздохнула я. — Расскажите тогда о жизни вашей семьи. Состав, режим дня, кто занимается с Дашей, как дела в школе, чем болела девочка, особенно интересует, если была, неврология...

Из того, что я узнала за следующие полчаса, полная коробка карандашных щепок совсем не вырисовывалась. Даша родилась в срок, запланированным и здоровым ребенком, у зрелых и хорошо социально адаптированных родителей. Иногда, по обстоятельствам, с Дашей сидела няня, но в основном ребенком занимались мама и бабушка. С самого рождения ребенка на дому наблюдает один и тот же педиатр. «Это педиатр нам и посоветовала к вам обратиться, — пояснила мама. — В школе тоже есть психолог, но она говорит, что с Дашей все нормально... — мой выразительный взгляд на коробку. — Вот-вот, и я тоже так думаю...» — поспешно

подтвердила женщина.

Ребенка кормили по часам, закаливали и обучали всему, что рекомендовали специалисты. Процесс развития происходил бодро и успешно — педиатр и воспитатели в развивающем центре нарадоваться не могли. Папу к процессу тоже подключали. Он много работал, у него уже была когда-то семья (есть почти взрослый сын, с которым он часто общается), но — надо, значит надо — и папа садился играть с дочкой в зоологическое лото, катался на аттракционах и читал книжки на ночь.

Живущая отдельно бабушка взяла на себя кружки — сейчас Даша ходит на фигурное катание и в музыкальную школу. Учительница английского приходит на дом. Даша хорошо учится, прилежно, вместе с мамой выполняет домашние задания, у нее все получается, но, к удивлению родителей, она совершенно не хочет быть первой и добиваться хоть каких-то успехов.

Встреча с Дашей ситуацию не прояснила.

— Что ты любишь делать? — В компьютер играть.

— Какие у тебя любимые предметы в школе? — Труд и рисование. Еще письмо и физкультура. Да, еще английский.

— Что ты делаешь вместе с подружками? — Играю.

Река — Волга, поэт — Пушкин, лошади кушают овес и сено...

И только одно как-то царапнуло.

— Кому бы ты сначала рассказала о своей радости или удаче: папе, маме, бабушке или подружке?

— Всем, всем!

А о своей беде или неудаче ты...

Даша не дала мне договорить и ответила, глядя в глаза: «Кошке Матильде!»

Прощаясь, я посоветовала родителям купить Даше четки или дать в руки приглянувшуюся девочке ракушку, полудрагоценный камень — их можно крутить и перебирать для снятия психомоторного напряжения. Хотя понятно, что проблемы они не решат.

* * *

Новая встреча с папой Даши.

— Неужели, кроме этих карандашей, нет ничего, что бы вас беспокоило?

— Да я уже объяснял! — в голосе папы слышится легкое раздражение. — Она какая-то безынициативная. Если бабушка или жена не будут ее дергать, она может полдня в пижаме проходить, зубы не почистить... Так и будет слоняться от телевизора — к компьютеру, от компьютера — к кошке, от кошки — опять к телевизору. А уж чтобы сама за уроки села или вспомнила, что пора на кружок... Я вообще-то не по этой части, я — экономист, но где-то слышал или читал, что сейчас это часто у детей встречается. Честно сказать, у меня и у старшего сына... то же самое... Компьютер-телефон-телевизор. Но вы-то — специалист! Может

быть, таблетки какие-нибудь?

— Скажите, а как у вас у самого было? — поинтересовалась я. — Вас тоже родители заставляли все делать?

— Да о чем вы говорите-то?! — от души возмущился папа Даши. — Меня мама одна растила, уходила на работу в семь, приходила тоже в семь. А я сам встал, сам поел, сам в школу, сам за уроки, сам на секцию (я легкой атлетикой занимался). А потом я вообще... военное училище закончил! Нынешняя моя теща, представьте, у нас историю преподавала! Мы тогда у нее все по струночке ходили... Так что наследственность тут ни при чем. Наверное, это и вправду — болезнь какая-то, а может, они теперь все такие — от телевизора этого и Интернета... Кстати, вы знаете, жена ей всяких штук в восточном магазине накупила, как вы велели. Дашута какие-то кристаллы теперь с собой носит, вертит их — и карандаши поменьше грызет. Может, еще таблетки — и совсем хорошо было бы? Или если обследование какое надо, вы скажите, мы платно сделаем...

Встреча с мамой. Я не вижу смысла ходить вокруг да около.

— Как вы сами для себя решаете эту проблему? — спрашиваю я.

— Какую проблему?

— Ту, что «военизированные» муж с мамой пытаются вас строить. Что вы делаете?

— А! Это! — улыбается женщина. — Так я в фитнес-клуб хожу. Четыре раза в неделю. Муж одобряет, форму поддерживать — это правильно. Только я там не столько железо тягаю, сколько в бассейне плаваю, в бане сижу, травяной чаек пью, с девочками болтаю...

— Вас в кружки водили? За режимом следили?

— Мама старалась, но ей некогда было. Она пыталась звонить, контролировать, но я такая врушка была, выворачивалась всегда...

Мы, бывало, сидим с девчонками перед теликом, бублики едим, лимонадом запиваем, мама звонит, и я говорю сладким таким голосом: конечно, мамочка, вот посуду домыла, теперь алгебру делаю, задачка такая тру-удная... Девчонки в подушки утыкались, чтобы она смеха не слышала...

Мама смотрит на меня с веселым лукавством, обаятельно улыбается и наклоняет головку, явно зовет «в подружки».

— Даша еще не начала врать? — интересуюсь я.

— Н-нет... Она искренняя девочка, всегда все рассказывает. Но... Вы думаете... А что я могу против них двоих?!!

В голосе — близкие слезы. Я ей не верю.

— Вы ее сдали! — жестко говорю я. — Вы неглупый человек и все поняли с самого начала. Ей некуда сбежать, «выворачиваться» на ваш манер она не научилась, потому что три четверти генетики — от вашего «линейного» мужа и такой же бабушки. И бедная Даша ушла в полный аут, покорила все и превратилась...

У нее слезы брызнули, как из груши у клоуна.

— ...превратилась — в грызуна! — закончила я.

* * *

Поправив макияж, мама Даши изобразила на лице серьезную заинтересованность и почтение к моему профессионализму.

— Но что же нам делать, доктор?

— Приходите вместе с мужем и бабушкой.

* * *

По договоренности со всеми членами семьи в Дашино расписание внесены изменения. Теперь у нее есть один день «ничегонеделания», когда можно ходить в пижаме, пить кока-колу из бутылки, два часа болтать по телефону с подружкой и сидеть у телевизора с «кривой спиной».

Убедить бабушку и папу было нелегко. Они считали все это баловством и уповали то на ремень, то на мифические таблетки. Мама помогала мне изо всех сил и время от времени заглядывала в глаза: видите, доктор, как я стараюсь?!

Договорились на экспериментальный срок — два месяца. Через два месяца коробка для разгрызенных карандашей опустела. Папа и бабушка Даши смирились под тяжестью фактов. Мама продолжает ходить в фитнес-клуб.

Глава 10. Война у трансформаторной будки

— Вы знаете, что сейчас идет война?!

Тощий пятнадцатилетний подросток с прыщом на носу смотрел на меня пронзительно, маленькими остренькими глазками. Самой заметной деталью его внешности были огромные, высоко зашнурованные, тяжеленные на вид ботинки. В коридоре на банкетке сидела мама юноши, обеспокоенная тремя двойками и двумя неаттестациями за последнюю четверть.

— Прости, но что ты имеешь в виду? — осторожно уточнила я. По возрасту, а также личному и семейному анамнезу парня ожидать можно было чего угодно — от израильской агрессии до нападения зеленых человечков из электрической розетки.

— Вот видите, не знаете, — горько вздохнул подросток. — И вообще: никому и дела нет. И только мы...

— А кто это — «мы»?

— Я — «антифа»! — гордо вздернув прыщ, произнес юноша.

— А-а! Понятно! — искренне обрадовалась я (все-таки не зеленые человечки).

— Что это вам понятно? — подозрительно спросил он.

Внутри моего квартала есть достаточно уединенное место — две огромных кирпичных будки, расположенные рядом, через небольшую заасфальтированную площадку. Одна из будок,

кажется, трансформаторная, а другая, по всей видимости, — выход давно законсервированного атомного бомбоубежища. Я часто гуляю там со своей старой собакой. И вот на этих будках давно «переписываются» между собой две группы молодых людей. Ничего необыкновенного — свастики, националистические призывы, надписи «антифа». Впрочем, встречаются и оригинальные лозунги, например: «Убей фашиста, порадуй дедушку!» Я не без интереса читала эту переписку и вспоминала Конрада Лоренца. Такая демонстрация агрессии (тексты — заменители угрожающих поз у собак) вполне меня устраивала, ведь это такая форма сублимации.

Мой кабинет — отражение жизни окружающих кварталов. И вот — они появились вживую. И фашисты, и антифашисты, и что-то еще более хитрое и неопределенное. Война!

В основном их, конечно, приводят встревоженные родители. На войне как на войне — тут не до учебы. И книжки они какие-то странные читают... Был случай, когда отец-пролетарий подрался с сыном, найдя у него «Майн кампф», потом сын объяснил ему свою позицию: «Россия — для русских, а Гитлер — это только изучение методики, ты же не станешь злиться на учебник истории». Они помирились, купили... бутылку водки, а мама прибежала ко мне в слезах. Приходят девушки: я люблю парня, он фашист, и я не знаю, как мне быть. Несколько раз приходили сами мальчишки, как правило, из тех, которые бывали у меня раньше, в младшем возрасте: хочу услышать еще мнение, точнее разобраться, родители достали, но ведь я понимаю, что правда — на нашей стороне...

У меня в кабинете на полке, запрятанные глубоко за литературу по детской и возрастной психологии, лежит с десяток националистических брошюр, которыми меня снабдили проникнувшие доверием подростки: «чтоб вы узнали и разобрались».

Масса ужасных историй, с тайными могучими организациями, с преследованиями, с избиениями и убийствами, в детективном стиле: «Вы не представляете, что творится. И никто из внешнего мира не представляет...» Девяносто процентов из всего этого, по счастью, воспаление героической фантазии. Люди в черном, супермен приходит на помощь... Но остаются еще десять процентов.

«Антифа» недоуменно и подозрительно смотрит на меня.

— Я знаю, там, где трансформаторная будка, я гуляю там с собакой.

— Не делайте этого, там опасно, — почти просит он. — Я хочу вас предупредить, я вам добра желаю!

Охохонюшки-хо-хо! Доброжелатель!

А кто тебе-то добра пожелает? В дворовой школе — тоска, все предметы — запущены еще с конца начальной школы, учитель вполне может раздраженно бросить классу: «Вы все дебилы, и судьба вас ждет соответствующая». Профориентации ноль, мысль, что работа может приносить не только деньги, но и удовольствие, в голове не ночевала. Единственная ассоциация на слово «творчество» (проверяла) — «народное, художественное». В семье разговоры о деньгах, которых всегда не хватает, и заклинания: «Сынок, ты только водку не пей, а то будешь как...». Ходил ли в кружки, в секции? В хор до третьего класса. А потом? Да там же за деньги все... Вранье, не все и не всегда! Но кто же тебе (или хоть твоим родителям) подскажет?

Они — обычные городские дети, подростки. Нормальные, психически и соматически относительно здоровые, никем не зомбированные. Но в любой день, при стечении

обстоятельств, они могут убить. Искалечить. И искренне считать, что сделали они это не от собственной ненужности миру, от избытка никуда не направленной жизненной силы и агрессивности, а — «по идеологическим мотивам». И в любой момент любой из них, практически любой (чуть-чуть харизмы и совсем немного материальных ресурсов) может воспользоваться этими «мотивами» в своих корыстных, благородных, идеологических, религиозных, каких угодно целях. Идет война!

Но я же (лично я) должна что-то сделать? Я пытаюсь их «приручить». Обсуждаю «Майн кампф», труды «Аненербе», книги Головачева и Лимонова. Жду, когда дело дойдет до Ницше и Мальтуса. Не доходит. Чувствую себя так же, как много лет назад в зоопарке, когда подманивала и приучала к себе трусливого и озлобленного черно-бурого лисенка по кличке Шельма. Кто-то из них пугается и пропадает. Кто-то (самая любопытная часть) остается.

— Я хочу понять. Я привыкла молчать и хранить тайны. Это моя профессия. Ты это знаешь.

Долгая пауза. Потом кивок головой.

Картинка из серии «комические старушки»: ноябрьская тьма. Мокрый снег. Железные ступеньки, облезлая жестяная табличка с черепом «Не влезай — убьет!» Полуседая тетка в длинном пальто (это я) сидит на подложенной картонке, рядом — лежит огромная лохматая дворняга и стоят десятка полтора темных фигур. Речь идет о том, кого именно надо немедленно уничтожить, чтобы у нас в России настало всеобщее счастье. Вариантов, как вы понимаете, несколько.

— А что вы скажете?

Я начинаю говорить. Я вообще-то неплохой лектор. И отнюдь не кабинетного толка. Доводилось читать и в лесу (для юннатов), и на берегу Белого моря (для студентов), *и даже на борту МРС (малый рыболовный сейнер)* на Дальнем Востоке (для рыбаков — чтобы знали, кого надо поймать). Но это место и контингент, пожалуй, самые экзотические.

Ницше и Мальтуса — к черту. Чистая биология, здесь я сильна и уверена в себе. Кажется, это называется социал-дарвинизм. В каждом поколении рождается и вырастает сколько-то молодых людей, предназначенных погибнуть на баррикадах. Это нужно для выживания и в идеале для экспансивного развития данной популяции. Это можно назвать любым термином, но это нельзя отменить. Люди сложнее зверей. Этому стремлению можно придать фантик. Идеологический, классовый, религиозный и т. д. Король Артур отправлял своих рыцарей на поиски Грааля. Крестовые походы решали европейскую проблему избыточности молодых самцов в сражениях с жителями мусульманских стран. Я рассказала, что подобное происходило в Египте, на Палестинских территориях, в Грузии, в Каракалпакии... Если продолжить в будущее, открыть космос и организовать Свободный Поиск, то получится Максим Каммерер из фильма «Обитаемый остров», который долетит, шлепнется и все равно ринется на первую подвернувшуюся баррикаду. Флибустьеры, ушкуйники, «Народная воля», казанские уличные войны времен моей ранней юности, хулиганствующие стаи молодых ворон, подростковое группирование у павианов...

Слушают, развесив уши, встряхивая головами, чтобы лучше уложилось. Прямо слышу треск: пытаются встроить приводимые мною примеры и обобщения в уже имеющиеся в мозгах конструкции.

Неожиданное и даже капризное возражение от одной из черных фигурок в огромных ботинках:

— Что же, это все только для самцов? А нам, девушкам — что же? Киндер, кюхен, кирхе? У нас

— не так!

Можно списать на эмансипацию, внутренне усмехаюсь я. Но если вспомнить кое-какие эпизоды из Ветхого Завета, полотно Делакруа «Свобода на баррикадах», Софью Перовскую, то картина получается несколько сложнее...

Я говорю: не позволяйте никому собой манипулировать. Ищите интересное занятие, смысл. Свое, собственное. Кто предупрежден, тот вооружен.

Они говорят: где же его взять?

Разница между «фашистами» и «антифашистами» для меня почти незаметна. Вопрос выбора: кого надо «мочить в сортире»? Я говорю: ты понимаешь, зло неспособно к созиданию. Только разрушение. Все, что в мире создано, воплощено — это намерения и деяния добра.

— Я понимаю, — говорит фашист. — Всех хачей и черных замочить. Тех, которые перед Западом преклоняются, прибить. И строить *нашу* Россию — русскую и православную. Воплощать — это вы красиво сказали.

— Я понимаю, — говорит антифашист. — Убить всех фашистов. Тех, которые не понимают демократии и что все равны, прибить. И строить *нашу* Россию — свободную и демократическую. Воплощать — это правильно.

Я опасаясь: что же будет, если они узнают, что я — «и нашим, и вашим»?! Однажды выясняется: они знают, у них разведка во «вражеском» лагере. Я покупаю баллончик с краской и пишу на трансформаторной будке: «Да здравствуют молодые павианы! Всех видов и расцветок!» Через некоторое время внизу появляется смайлик со свастикой. И чуть позже — смайлик со знаком «антифа».

Это наши дети. Если мы будем искать «зло» вне нас, объяснять его чьими-то происками, то это зло так и останется с нами.

Глава 11. Воспитывать или не воспитывать?

— Может быть, хоть вы, доктор, на него повлияете. Митя же мальчик все-таки, ему обязательно нужно...

Я с недоумением, ничего не понимая, посмотрела на восьмилетнего симпатичного пацана, который с живым интересом осваивал коллекцию трансформеров, оставленную у меня в кабинете отъехавшим на Запад благотворителем. Как я должна повлиять на этого вполне благополучного на вид ребенка? Что именно, обусловленное его половой принадлежностью, ему «обязательно нужно»?

— А не могли бы вы прояснить свою мысль, — начала я, проследив направление взгляда Митиной мамы. Взгляд ее упирался в мужа, пришедшего вместе с ней.

Коротко стриженный блондин, муж и отец, насупившись, сидел на банкетке. На его красивом лице застыло выражение детского упрямства: а вот и не буду я есть эту вашу кашу!

Ага! — быстро сообразила я. — Разборки между мужем и женой, и ребенок как разменная монета в их отношениях. Вот, теперь она его к психологу притащила. Впрочем, то, что он согласился прийти, это все-таки очко в пользу ребенка...

— На что именно повлиять? — отреагировала я, уверенная, что проблема семьи мне уже ясна.

— Андрей полностью устранился от воспитания Мити. Принципиально, — объяснила женщина. — Когда я прошу его хоть в чем-нибудь меня поддержать или хотя бы оспорить мое решение, он всегда говорит одно и то же. Сначала: «оставь его в покое», а потом: «делай как знаешь». А ведь у Мити сейчас наступает такой сложный возраст. Ему нужно участие именно отца, мужчины. Вы не подумайте, у меня с сыном хорошие, доверительные отношения, но иногда он задает такие вопросы, на которые я просто не знаю, как ответить...

Обыкновенное дело, — подумала я. — Сначала превращает отношения мужчины с ребенком в площадку для предъявления своих претензий к мужу, а потом удивляется, что Андрей сбежал с этой площадки. Понятно, что ребенок тут совершенно ни при чем...

В следующие полчаса я осторожно, рассуждая об особенностях переходного возраста у детей, исследовала отношения между супругами. К моему удивлению, оказалось, что они не просто удовлетворительны, а — весьма хороши. И муж, и жена окончили один институт, работают в разных местах, но по одной специальности, оказывают друг другу грамотную поддержку. До сих пор в составе институтской компании ходят в походы, оставляя Митю с бабушкой. В прошлом году сплавились по какой-то реке в Испании. Андрей исправно и безропотно делит с работающей супругой все заботы по дому. Руки у него, по выражению жены, «приделаны должным образом», а когда Митя в возрасте трех лет почти год тяжело болел, отец быстро научился делать ему уколы и ни разу, в отличие от жены, не впадал в панику от серьезных прогнозов врачей.

К концу этого этапа встречи у меня имелось две рабочих гипотезы для объяснения происходящего:

1. Андрей не отец Мити (они действительно были совсем не похожи). На уровне «рацио» он измену жены простил, а вот эмоционально принять ребенка как своего не может.
2. Очень серьезные расхождения между супругами именно в стратегии воспитания. Андрей пытался отстаивать свою позицию, не преуспел и демонстративно отстранился.

Было еще и третье объяснение: нет никакого отстранения Андрея, мать Мити просто ориентируется на свои фантазии о том, «как оно должно быть». «Упертое» выражение лица мужа в начале визита вроде бы опровергало это предположение, зато, в отличие от первых двух, его можно было легко проверить здесь и сейчас.

— Андрей, а как вы смотрите на заявленную женой проблему? Существует ли она, с вашей точки зрения, вообще?

— Да, — тут же кивнул Андрей. — Я считаю, что это маразм — как-то специально воспитывать детей. Сами вырастут и воспитаются. Все эти книжки, которые жена читает, сайты в Интернете, психологи вот, извините, я не имею в виду лично вас, — все это какая-то лишняя ерунда!

— Вот видите! — всплеснула руками жена.

— Э-э-э... — я не сразу нашла, что сказать.

— Кормить, одевать, лечить, обучать, развлекать даже — вот и все, что надо, — пояснил Андрей. — И все. Меня вот никто никак не воспитывал, родителям не до того было. Я из школы приходил, еду разогревал, уроки делал, гулял с друзьями, спать ложился. Они с работы приходили, ели и в кровать валились. По выходным тоже работали, даже в кино ходили хорошо

если пару раз в год. И что же — я вырос нормальным человеком, жена, как видите, с этим согласна. И вы меня не убедите, даже время не тратьте!

Я отчетливо видела: вряд ли смогу его убедить. Но что же делать?

— Ладно, — решила я. — Раз вы полагаете, что Митю воспитывать не надо, а ваша супруга — что надо, так я с ней и буду о воспитании говорить. Значит, придете ко мне тогда-то...

Во время следующей встречи жена Андрея сама заговорила о самом важном для нее.

— Его родители, как и мы, — вместе учились, потом в одном НИИ работали. В перестройку оба разом потеряли работу. Руки не опустили, поддерживали друг друга, как могли, вместе кинулись в бизнес, попробовали организовать сначала кооператив, потом магазин. Дело долго не ладилось, были долги, какие-то разборки, наезды. В магазине проводили дни и ночи, на детей (у Андрея есть младший брат) времени не хватало совсем. А дети росли спокойные и «правильные», учились, гуляли во дворе, Андрей занимался в техническом кружке, младший в хоре пел. Но потом у взрослых как-то наладилось, младшему еще досталось внимания, с ним на юг ездили, в Финляндию на лыжах, а Андрей тогда уже в старших классах учился, потом в институте, от своей семьи отдалился, да и мы вскоре поженились... Он никогда не скажет, но я-то знаю: он им, особенно матери, до сих пор не простил. Сейчас она уже дома сидит (у отца по-прежнему бизнес), Андрей всегда все сделает, что она попросит, слова невежливого не скажет, но как это все?! Свекровь даже при мне как-то раз расплакалась: «Ира, ну за что же он злится так на меня? Что я ему плохого сделала? Ведь просто холодом от него бьет...»

— А теперь получается, что он за их ошибки меня и Митю наказывает... — расплакалась Ира. — А ведь мальчишка так к нему тянется! Хотя, конечно, все чувствует. Когда ему было шесть лет, он один раз мне сказал: «Знаешь, мама, мне кажется, что папа тебя любит, а меня — нет. Может быть, ему только тетеньки нравятся, и в магазине, где детей дают, вам надо было девочку взять?» Что же мне делать? Я уже умоляла, пыталась его убедить, даже грозила...

— Ира, так ведь Андрей просто не знает, как это делается! — воскликнула я. — Ему никто никогда этого не показал. Те ценности, которые когда-то продемонстрировала ему родительская семья — любовь и уважение супругов, взаимная поддержка перед лицом любых трудностей — он прекрасно усвоил и теперь успешно воплощает в собственной семье. А вот детско-родительские отношения... Вы же сами говорили, что мальчиком и юношей Андрей был довольно замкнут, много занимался техническим творчеством, программированием, имел приятелей, но не друзей. Он принял ту травматичную для него, но единственную известную ему (и вполне сработавшую в их с братом случае!) схему: родители детей обеспечивают материально, но практически с ними не общаются, дети вырастают сами. При этом помните, что Андрей инженер, а не психолог. Он никогда даже не думал о том, что своим примером его родители воспитали в нем все то, за что вы его любите и цените.

Ира надолго задумалась. Потом сказала:

— Да, пожалуй, все так и есть, как вы говорите. Все правильно. Но как же Митя?

— Приходите ко мне вдвоем.

Когда они пришли, я улыбнулась Андрею:

— Вы знаете, мы тут все обсудили, и я решила, что вы правы. Детей действительно воспитывать — только портить. Жизнь сама по себе лучший воспитатель.

Ира смотрела на меня, как живое воплощение античной цитаты. «И ты, Брут!» Я избегала ее взгляда.

— Но вы знаете, вот к вопросу о жизни... У Мити есть некоторые признаки сенсорной депривации.

— Признаки чего?! — насторожился Андрей. — Это что, болезнь?

— Нет. В целом можно сказать так: его развивающимся мозгам не хватает живых впечатлений. Вы согласны с тем, что школа, компьютер и телевизор — это еще не вся информация, которую должен получать ребенок в возрасте восьми лет?

— Конечно, согласен! — Андрей энергично кивнул. В вопросах информации он чувствовал себя вполне свободно.

— Так вот, я позвала вас, чтобы обсудить, какие еще блюда мы должны добавить в Митино, так сказать, «информационное меню».

В принципе я говорила ему то же самое, что до меня уже сто раз говорила Ира. Я просто поменяла термины. Травматичные для Андрея слова «воспитание, внимание, ласка» я заменила на близкие ему «информация, впечатления, обратная связь».

После двух совместных рыбалок, посещения концерта известной латиноамериканской певицы, любимой Митей, полдюжины пикников на природе с ночевкой всей семьей в одной палатке — у отца естественно включились самые обыкновенные психофизиологические механизмы. Андрей уже не выполнял рекомендации психолога, он просто свободно общался со своим сыном. И, разумеется, сам того не предполагая, воспитывал его.

Ира же, которая продолжала неустанно, в одиночестве читать психологические книги, недавно еще раз приходила ко мне и спрашивала, нельзя ли как-нибудь улучшить отношения Андрея и его матери. Но это уже совсем другая история.

Глава 12. «Вперед и вверх» или «Стоять и не двигаться»?

У этого ребенка не должно быть невроза. Однако он был. И я терялась в догадках.

Семья из трех человек — папа, мама и двенадцатилетняя дочка Арина.

Все явно, не напоказ, любят друг друга.

Все трое открыты, легко отвечают на любые вопросы и готовы к сотрудничеству с психологом, то есть — со мной.

В прошлом семьи — никаких трагических происшествий.

Арина учится в шестом классе английской школы. Почти отличница. Учиться ей нравится. Больше всего привлекают языки — английский, русский и недавно добавившийся немецкий. Впрочем, «математика — это тоже интересно. Особенно сложные задачи». Много и без понуканий читает. Предпочитает реалистические произведения про жизнь сверстников — любых времен и народов. Арина уже пятый год занимается в музыкальной школе по классу фортепиано. Любит кататься на горных лыжах. И рисует — при школе есть студия, девочка ходит туда с первого класса, и Ариныны успехи в рисовании явно больше, чем в музыке. Рисует Арина преимущественно пейзажи, и недавно у нее даже была персональная выставка — в

районной библиотеке.

Еще у Арины рецидивирующий дерматит, переходящий в экзему. Найти действующие аллергены и подобрать диету так и не получилось. Одни и те же продукты то дают реакцию, то не дают. Но если бы только это! Девочка регулярно обгрызает до мяса ногти так, что игра на пианино причиняет ей боль. Кроме того, у Арины бывают разнообразные тики, ночные страхи и иногда даже ночной энурез. К сожалению, с годами все эти симптомы, пожалуй, усилились. До школы был только дерматит, все остальное присоединилось в последние два года.

Невропатолог, к которому обратились год назад, прописал таблетки. С таблетками симптомы поутихли, но сама девочка стала такой вялой и «неинтересной», что на семейном совете было принято решение от них отказаться. Арина это решение активно поддержала. «Это была уже как бы не совсем я, — объяснила она мне. — Я, конечно, тогда глазами не моргала и ногти почти не грызла, но вообще-то тоже страшно — кто это там внутри меня поселился?!»

Потом поставили «модный» диагноз про смещение куда-то каких-то позвонков и нарушение кровообращения. Стоит заметить, что последние три-четыре года с этим диагнозом ко мне приходят все больше пациентов. А прежде, когда методика анализа кровотока не была так распространена, — этого диагноза вообще не ставили. Пробовали лечиться у остеопата. Потратили массу денег — симптомы почти не изменились. Арина очень переживала: «Лучше бы эти деньги на что-нибудь другое потратили — полезное. Собаку бы купили, что ли... А остеопат неприятный — у него руки, как корни». На смену остеопату пришел гомеопат. Аккуратная Арина быстро приучилась глотать горошки по часам между своими многообразными занятиями. Симптомы вежливо «сделали книксен» перед древней наукой гомеопатией, а потом вернулись на свое место.

Два раза Арина ходила к детскому психоаналитику. «Извините, папа и мама, но — нет!» — спокойно объявила она свое решение. Папа и мама не настаивали. «Я не знаю, конечно, — вспоминала Арина у меня в кабинете. — Может быть, их специально так учат... Но она мне такие вопросы задавала, что я подумала: у нее самой-то все в жизни в порядке?» — «А что бы могло ей помочь, по-твоему?» — спросила я на всякий случай. — «Пусть бы музыку послушала, на этюды на речку съездила. И еще щенка пусть заведет...» — без малейшей запинки ответила девочка.

Что же дальше?

Никаких сомнений с диагнозом не возникало ни у меня, ни у других специалистов. Невроз — это всегда, как правило, перешедший в соматику внутренний конфликт. Но где здесь конфликт?

— Может быть, слишком большая нагрузка? — в который раз спрашиваю я у родителей. — Нервная система не справляется... Что-нибудь убрать, хотя бы в качестве эксперимента...

— Да мы сто раз предлагали! — хором восклицают мама с папой. — Это же первое, что напрашивается! Она сама не хочет — ей все это в удовольствие, и все легко дается.

— А нет ли какого-нибудь конфликта в школе? В одном из кружков? С учителями, с подружками? В этом возрасте, знаете ли...

— Да что вы! Учителя нам на собраниях ее нахваливают, подружки телефон обрывают — Арина же всем помочь готова, успехами своими не кичится, всегда всех превозносит: «Алла намного лучше меня играет, Вадик зашибись как на лыжах катается, у Иры такие потрясающие картины, вот бы у меня такой свет был, мне еще учиться и учиться!»

Ничего не понимая, я додумалась до гипотезы о том, что кто-то из семьи тяжело и безнадежно болен... К счастью, это не подтвердилось.

Все рациональные способы разобраться в происходящем я исчерпала. Психолог в этой истории уже был. Может быть, что-то подскажут проективные методики?

Арина с удовольствием выслушала задание и принесла целую пачку рисунков — «моя семья», «я и мои друзья», «моя школа» и т. д. Рисунки хорошо и не без способностей выполненные, тщательные и светлые. Не за что зацепиться. Одни положительные эмоции! Гм-м...

Мне просто нечего было сказать пришедшим ко мне родителям. Не зная, чем их занять, я предложила нарисовать рисунок «семья» им самим. Вздыхнув, научные сотрудники взяли по шариковой ручке и принялись за дело.

Через десять минут я знала, в чем корень проблемы. Через двадцать минут это уяснили для себя родители Арины. Через полчаса был готов план действий.

Первый — это рисунок любящего папы. Очевидна задача родителей в его интерпретации — подтолкнуть ребенка вперед и вверх, к светлому будущему. К взлету готов! Он учил Арину плавать, бросая ее в воду, он поставил ее на лыжи и толкнул с небольшой горки. Он ставит перед ней задачи повышенной трудности и смеется, глядя, как она пытается их решить. Он объясняет ей математические формулы, которые класс будет проходить через три-четыре года. Арина обожает папу, он открывает ей новые горизонты...

Второй рисунок — это рисунок любящей мамы. Людей на рисунке связывают теснейшие отношения. Может ли этот (нарисованный) ребенок сделать хоть шаг вперед? Не говоря о том, чтобы взлететь? Мама до сих пор встречает Арину из школы (отвозит — по ее просьбе — папа на машине). Уходя вечером в театр с мужем, мама дает Арине от пяти до пятидесяти наставлений: как себя вести, чтобы не произошло чего-нибудь ужасного. Лечить заболевшую даже насморком Арину — важнейшее дело, в котором не может быть мелочей. Только в этом году Арине удалось убедить маму, что она способна сама вымыть себе голову. Если посоветоваться с мамой по поводу домашних заданий, она первым делом интересуется рекомендациями учительницы или учебника. Постоянно и отовсюду Арина должна звонить маме, чтобы та знала, что все в порядке... Арина очень любит маму и не хочет, чтобы она волновалась.

Она доверяет обоим родителям и считает, что они оба правы.

— Понимаете, у вас только один ребенок! — объясняю я. — Она не может быть одновременно тихим опасливым домоседом и открывателем новых путей. Но хочет угодить вам обоим... И это есть конфликт, только усугубляющийся с годами.

— А как же правильно? — спросил папа. — Так, как у меня, или так, как у жены?

— Нет ничего правильного. В обществе нужны разные люди — и такие, и этикие. Вы взгляните на саму Арину. Какая она?

— Серединка на половинку, — ответила мама. — Не такая стремительная, как Олег, но и не домоседка, как я.

Мужчина кивнул, соглашаясь.

— Вот и договоритесь между собой, — предложила я. — И не предъявляйте ребенку

противоречивых требований.

Для пары успешных научных сотрудников выработать единый алгоритм по заявленной теме — простое дело. И маме, и папе пришлось где-то «наступить на горло собственным песням». Зато невротические симптомы исчезли у Арины в течение месяца. Даже противный многолетний дерматит почти сдал свои позиции.

Глава 13. Все неловко

Люди вообще мне в принципе нравятся, поэтому к большинству своих взрослых клиентов я испытываю более или менее выраженную симпатию. Со многими из них в процессе работы мне удавалось установить весьма доверительные отношения. Но вот в личную дружбу или даже приятельство эти отношения не переходили ни с кем и никогда. Причины тому даже не анализировала особо. Так есть, и все. Могу вспомнить лишь одно исключение, о котором, может быть, сожалею до сих пор...

* * *

— Простите, что отнимаю ваше время. Вы ведь работаете с детьми, а проблема во мне. Но я бы ни за что к вам не пришла, если бы не дочка...

Обаятельная женщина средних лет, с неправильными тонкими чертами лица, не садясь, улыбнулась мне и скомкала длинными пальцами платок, на котором я как будто бы разглядела вышитую монограмму.

— Что значит, отнимаете время? — пожала плечами я. — Это вообще-то моя работа, мне за нее деньги платят. Садитесь и рассказывайте, что случилось.

— Да ничего особенного не случилось. Все это всегда было. Но дочка в этом году перешла в новую школу, хорошую, ничего не скажу, там уроки интересные, и учителя достойные люди... Но она, бывает, ночами не спит, ест плохо, все время переживает..

— Что переживает? — не поняла я. — Переход в новую школу? Расставание со старой? Увеличение учебной нагрузки?

— Да все! — воскликнула моя посетительница и тут же потупилась. — Извините, это не ответ, я понимаю. Сейчас я все объясню. Понимаете, там все новое: правила, программы, взаимоотношения. Надо бы спрашивать, узнавать, а дочке все неловко. Она говорит: «Ну почему они должны мне отвечать, объяснять, тратить свое время, силы? Кто я им?» Пытается что-то угадать сама, ошибается, конечно, расстраивается, переживает. Сейчас у нее в классе уже появилась девочка-приятельница, стало полегче. Но вообще-то это у нее всегда так было: в магазине ничего не спросит, позвонить по телефону и что-то узнать — огромная проблема, даже про Интернет меня спрашивает: мама, если я вот там, среди взрослых людей, выскажу свое мнение, это будет ничего, нормально?

— Сколько лет дочке?

— Исполнилось четырнадцать.

— А почему вы говорите, что проблема в вас? Это вы ее воспитывали такой... неуверенной?

— Да нет, я сама такая, — просто ответила женщина. — И всегда такой была. Но я-то уж приспособилась, притерпелась, а ей, может быть, можно как-то помочь?

— Уточните, пожалуйста, — попросила я. — Что значит «такая»? Вы стеснительны? Боитесь людей? Их мнения о себе? Коммуникаций с ними?

К моему удивлению, женщина отрицательно покачала головой.

— Нет, ничего из того, что вы сказали. Мне просто все неловко. Очень боюсь обидеть кого-то, загрузить своими проблемами. Если все-таки обижаю, то переживаю потом годами. Легче всего на примерах. В седьмом классе я оформляла свой фотоальбом и смея ради позволила себе очень нетактичную надпись под фотографией одноклассницы. Одноклассница увидела ее и, разумеется, обиделась. Я готова была провалиться сквозь землю, уничтожила надпись, просила прощения. Девочка была из отходчивых, мы помирились через полчаса, но я помню этот эпизод тридцать лет, и даже сейчас, когда вам рассказываю, у меня мурашки по коже... Я всегда вежливо благодарила того, кто говорит время по телефону. Мне объясняли: это робот. Я верила, но все равно говорила «спасибо», потому что думала, мало ли что, вдруг именно сейчас там живой человек, а я трубку брошу... Я никогда не могла вернуть в магазин некачественный товар, что-то выяснить с чиновниками, с людьми из сферы обслуживания. Я не знаю, кого и когда нужно «благодарить», и страшно переживаю, что обижу человека, дав или, наоборот, не дав ему денег. Я до дрожи боюсь приходящих в квартиру водопроводчиков и электриков, потому что совершенно не знаю, как с ними обходиться. Когда я была маленькой, моя бабушка после работы кроме денег подносила им стопку водки. Когда я вспоминаю об этом, меня тошнит от ужаса. Я научилась сама чинить краны и менять розетки. Если мне нужно собрать какие-то справки, у меня поднимается температура... Правда, если все это нужно не мне лично, а кому-то другому, то мои социальные способности почему-то резко повышаются... Сейчас, отнимая ваше время рассказом о себе, я утешаю себя только тем, что, может быть, вы что-то потом посоветуете дочке...

Когда я училась на психолога, нам много рассказывали о «переносах». Частный случай переноса: психолог в проблемах клиента видит отражение своих собственных проблем и реагирует соответственно. Говорили, что это случается сплошь и рядом. Может быть, это так, однако со мной подобное происходит крайне редко. Наверное, проблемы не совпадают... Но в тот раз...

— Да, да, — подхватила я. — А когда сам попадаешь в новое, да еще и непростое место, все это усиливается многократно. Когда я наконец-то поступила в университет...

— А на каком факультете вы учились? — живо заинтересовалась она. — Сначала работали, да?

— На биофаке. Я пришла туда после работы в зоопарке. Когда ходила на курсы, мне все время казалось, что от меня пахнет навозом и все это замечают. А когда уже начала учиться и увидела все эти шкафы, и статуи в здании Двенадцати коллегий на Васильевском острове, и лекции в аудиториях, про которые в книгах читала, я почти на год замолчала. Вообще. С однокурсниками еще как-то говорила и даже на кафедре уже препараты резала, но все — молча. Не могла ни вопрос преподавателю задать, ни сама ответить. Казалось, что обязательно глупость скажу...

— Да, да, именно страшно сказать глупость. А я — на историческом! Это рядом. Перевелась с вечернего. Работала в библиотеке Академии наук и исподтишка подражала там одной даме. Очень смешно ею восхищалась, но за два года так и не решилась заговорить: такой она казалась умной — писала и говорила на трех языках, представьте!

— А я и до сих пор жутко комплексую, что не знаю ни одного языка, кроме русского, особенно когда общаюсь с этими... гражданами мира... Вы понимаете?

— Да, разумеется! Всегда неловко за то, как мало знаешь, мало умеешь, ведь понимаешь, что по обстоятельствам мог бы знать и уметь значительно больше...

— Вот именно!..

Абсолютно позабыв, кто здесь психотерапевт, мы рассказали друг другу немало забавных и жутковатых историй из жизни тех, кому «все неловко», и только стук в дверь следующего клиента перебил наш то и дело прерывающийся смехом разговор. Я вышла в коридор и извинилась: «Подождите, пожалуйста, пять минут».

Надо было завершать прием. Она понимала это не хуже меня.

— Когда моей дочке прийти к вам?

— Когда она сможет. Запишите ее внизу в журнале... Но... Мелькнула мысль: чем же я смогу помочь ей?

— Я уверена, что ей будет интересно и полезно с вами поговорить. Я рада... Хотя и понимаю прекрасно: ничего не изменишь...

— Скажите, вы действительно хотели бы что-нибудь изменить в себе? Вот если бы у меня сейчас была такая волшебная палочка, я бы ею взмахнула, и р-раз — вы легко даете взятки чиновникам и подносите стопку водки пролетариату. Не благодарите по двадцать раз за оказанную услугу, а свободно и бестрепетно распоряжаетесь чужим временем и вниманием. Виртуозно ругаетесь в магазинах и шутя собираете справки...

— Да упаси бог! — рассмеялась она. — Это уже не я буду! Сама себя в зеркале не узнаю, да и друзья... Ого! Что я нащупала! Сто лет не вспоминала! Неужели права была моя бабушка?!

— А что говорила ваша бабушка?

— Мама ругала меня: что ж ты всего стесняешься, как ты жить-то будешь? А бабушка говорила: ничего она не стесняется, наоборот, это грех гордыни ее гложет. Смириться надо перед Богом и перед людьми, тогда все ловко и станет...

— Как была девичья фамилия вашей бабушки? — быстро спросила я.

— Да какая ра... — ей снова было неловко.

— Как? Из тех?..

— Милорадович, — тихо сказала она. — Из тех...

— Коллективное бессознательное? — рассмеялась я.

— Именно...

* * *

Дочка, против моих ожиданий, оказалась совершенно непохожей на мать — полная, неуклюжая, в очках и подростковых прыщах.

— Ничего мне не неловко, — низким голосом сказала она. — Ну, присматривалась в новой школе, конечно. А так, если что, я и в нос дать могу. Это мама от себя выдумывает — все-то ей

хочется меня какой-то не такой видеть, как я есть.

— То есть проблем нет? — уточнила я.

— Отчего же нет? — насупилась девочка. — Сколько угодно. На контрольных конкретно паникую, даже если знаю все, — это раз, парня у меня до сих пор нет — это два. Проблемы?

— Конечно, — согласилась я. — А скажи: если нужно на контрольной кому-то помочь, ты так же паникуешь?

— Во, это в точку! — ухмыльнулась девочка. — И как это вы угадали? Если еще кто от меня зависит, так я собираюсь как-то и сначала быстренько-аккуратненько все пишу, и время всегда остается...

Вот и решение? — спросила я себя, вспомнив мать, которая переставала бояться чиновников, когда нужно было хлопотать за других.

— В новой школе сложно, меня не знают еще, но... скоро узнают, я позабочусь...

Я улыбнулась:

— Ты как будто угрожаешь... А не может быть так, что мальчики тебя просто побаиваются, тем более, что ты можешь и в нос?..

— Вы так считаете? Кстати, может быть...

* * *

Еще несколько встреч мы обсуждали школу, мальчиков и девочек, а также то, что можно было бы назвать ее «имиджем». Пару раз говорили о ее отношениях с бабушкой.

А я на примере этой семьи с удивлением убедилась в том, что способы приспосабливаться к миру вовсе не обязательно передаются по наследству, даже если у всех одни и те же проблемы. Все члены этой семьи тонко чувствовали уязвимость своих и чужих чувств, у всех был развит альтруизм. Аристократическая прабабушка, попавшая под жернова революции, нашла в себе силы «примириться с людьми и Богом», ее дочь ставила на развитие «бойкости» в себе и детях, внучка вдруг закрылась во вновь возродившейся аристократической отгороженности от мира... И каждая из них пыталась научить детей своему способу, видя, что и у них та же самая проблема. Поэтому предлагала и даже навязывала свой способ решения. И вот правнучка снова изобрела свое — кинулась в атаку на мир, надеясь прошибить головой все стены непонимания между людьми. И заработала на этом невротическое расстройство...

* * *

Со временем наши встречи принесли пользу. По словам девочки, она стала меньше «наезжать» на парней из класса, они начали ей звонить, а один даже пригласил «погулять». Панические атаки и бессонница тоже исчезли.

Мы расстались на самой дружеской ноте.

Мне очень хотелось еще раз поговорить с матерью девочки, но приглашать ее на прием казалось неправильным. Ведь я работала с девочкой, а она на прямой вопрос прямо ответила: «Маму — не надо. Я сама».

Могла ли я сделать что-то еще? Наверное, да, но я этого не сделала. Догадываетесь почему? Я надеялась: может быть, она придет сама. Она не пришла. Теперь, спустя много лет, я почти уверена, что она тоже хотела бы продолжить наш разговор. Но — увы! — ей тоже было неловко сказать мне об этом.

Глава 14. Все по Фрейду?

— Вы, часом, не психоаналитик? — подозрительно спросил меня интеллигентный мужчина с седыми висками.

— Нет, нет, что вы! — открестилась я. — Ни в коем разе не психоаналитик. Я совершенно обычный консультант.

— А какими методами вы пользуетесь? — продолжал он допытываться.

— Да так, знаете, с бору по сосенке... — я неопределенно помахала в воздухе пальцами и перешла в наступление. — А ребенок-то ваш где?

— Я без нее, она не знает, — мужчина сгорбился в кресле. — Извините меня. Просто я уже обращался... Если я решусь рассказать, вы поймете... Мне трудно говорить словами. Я, видите ли, математик и больше привык формулами... — он мужественно пытался шутить.

— Я слушаю вас, — сочувственно произнесла я, уже видя, что его проблема и вправду не из простых.

Математик помолчал, собираясь с мыслями или с духом. Я не торопила его.

— Я плохо схожусь с людьми — это раз, — наконец сказал он. — Я был женат четыре раза — это два.

Все-таки математики очень странные люди, непрофессионально подумала я.

Первые три брака математика были недолгими. Если я правильно поняла ситуацию, мужчина попросту женился на всех женщинах, с которыми вступал в интимные отношения. Польщенные дамы выходили за него замуж, потом обнаруживали его полную незаинтересованность во всем, что не касалось формул и матриц, и тихо (или громко) уходили туда, откуда пришли в его большую, но темную и запущенную квартиру на Васильевском острове. Потом математик долго жил один. Его немудреное хозяйство вела почти глухая пожилая женщина, которая приходилась ему дальней родней. О степени тогдашней незаинтересованности математика в происходящем в обыденном мире можно судить по нижеследующему обмену репликами:

Я: «Эта тетушка... она тогда жила у вас?»

Математик: «Гм-м... Жила? Возможно. Я ее иногда видел... иногда не видел... Может быть, она куда-то уходила? Не знаю! Простите, если это важно, я боюсь вас дезинформировать».

Зато последний его брак оказался счастливым — без дураков. Надежда была сотрудницей факультета, матерью-одиночкой с трудной судьбой. Они часами разговаривали на кухне, точнее, говорила в основном она, а он просто смотрел на ее лицо и иногда подавал реплики, как в театре. Они гуляли по городу. Она обновила его гардероб, заставляла его прямо держать спину, и на него стали засматриваться женщины-коллеги. Ее одиннадцатилетняя дочка стала называть его папой через четыре месяца после того, как они переехали к нему. Он дарил ей

кукол и бантики, потому что не знал, что еще можно подарить девочке. В куклы она уже не играла, бантики не носила, но смеялась и висла у него на шее.

Возможно, Надежда была больна уже тогда, когда они поженились. Но примерно через полтора года стало ясно, что надежды практически нет. Во всех смыслах. Искать так долго, чтобы почти сразу расстаться! Он, наверное, умер бы вместе с ней, если бы не Светлана. Она спасла его. Они вместе горевали по Надежде, и вместе выжили.

Теперь Светлане пятнадцать. Она поразительно похожа на мать, но намного красивее ее. И веселее. И жизнерадостнее. Он показал мне карточку — девушка и вправду была эффектна и выглядела на фото несколько старше своих лет.

— Я — ее отец, — как заклинание, повторил мужчина. — Она — моя дочь. Надежда, умирая, просила меня позаботиться о ней.

— Вы заботитесь, — сказала я. — Красота — это от природы. Но Светлана не была бы веселой и жизнерадостной, если бы вы плохо выполняли завет Надежды.

— Почему вы не спрашиваете?! — крикнул мужчина и сжал руками виски. — Вы же учились, проходили в институте этого чертового Фрейда и уже должны понимать! Они спрашивали все время! Что я чувствую, когда она ко мне прикасается?.. Она всегда была очень ласковая, но после смерти матери ей особенно не хватало прикосновений... О чем я думаю, когда она моется в ванной? Когда она сидит на диване перед телевизором в этих своих обтягивающих трусах и этой странной майке, которая больше похожа на лифчик... Она еще ребенок и ничего не понимает. После смерти матери она просила, чтобы я ложился с ней на диване и стоял за дверью туалета — ей было страшно одной. Они просили меня описать все подробно! Они говорили, что это нормально и я не должен испытывать чувства вины! Вы слышите?! — Нормально!!!

— «Они» — это психоаналитики, к которым вы обращались? — спросила я.

Он кивнул, как-то разом обессилев, и прошептал:

— Мне пятьдесят лет. Я — ее отец. Вы понимаете?

— Да, — сказала я. — Понимаю.

Я не могла послать его еще к одному психоаналитику, хотя это и была откровенно их епархия. Я не могла действительно изменить ситуацию, ведь у девочки никого не было, кроме него. Я должна была ему помочь. Но как узнать, что на самом деле происходит?

— Не бойтесь, — на пробу сказала я. — Светлане ничего не угрожает.

— Почему вы так думаете?! — он жадно вытянул шею, глаза, как я и ожидала, зажглись надеждой.

— Потому что она — ваша дочь. Вы любили ее мать. И еще вы — умный, сильный, интеллигентный человек, мужчина. К тому же математик. Никаким инстинктам вас не одолеть.

Вот если бы Светочка была какой-нибудь хитрой формулой... — я пыталась шутить. — Он улыбнулся. — И, кстати, пришлите ко мне Свету... Да не пугайтесь вы! Я поговорю с ней о чем-нибудь нейтральном... Если что-то проявится, дам вам знать...

— Спасибо вам за поддержку, — с чувством сказал математик, уходя. — Мне было важно это услышать. Конечно, я справлюсь.

Светочка села в кресло и тихо заплакала. Тушь текла черными струйками. Я с симпатией думала о психоаналитиках: послать бы и ее к ним гоже!

— Это я во всем виновата! — сказала девочка. — Я — дрянь! А папа страдает!

— Нет! — сказала я, ожидая чего-то страшного.

— Вы ничего не знаете! — горячо возразила Светочка. — Я в блоге выкладываю, а они все мне советы дают...

Я прикрыла глаза от ужаса. Где они, психоаналитики, с их вопросами?! У меня просто не поворачивался язык.

Светочка истолковала мое молчание как однозначно осуждающее и снова заплакала. Потом начала икать.

— Я его нарочно дразню, понимаете?! — сквозь слезы и икоту выкрикнула она. — Я вообще-то дура, а теперь у меня знаете сколько в блоге френдов... Я же на маму похожа, а папа добрый и... такой... Он вчера валидол на кухне пил... А вдруг он из-за меня умрет?! Ну что вы молчите?! Вы вообще про Фрейда читали?

Только колоссальным усилием воли мне удалось сдержать нервный смех...

Со Светочкой мы поговорили по душам. Она обещала больше не дразнить папу-математика, а направить интересы своей бурно пробуждающейся сексуальности на сверстников. Даже если ей придется из-за этого расстаться со всеми интернет-друзьями, с любопытством наблюдающими за фрейдистскими перипетиями этой истории... Папа, в конце концов, дороже!

Глава 15. Вернуть сына домой

Эти две семейные истории прямо напрашиваются на то, чтобы их рассказывали парой, хотя и пришли они ко мне в разное время, с разницей в несколько лет. Я предлагаю их для обсуждения потому, что, хотя мне и удалось помочь семье в одном из случаев, я до сих пор не очень уверена в правильности моей трактовки событий. Предлагаю поразмышлять вместе.

— Я понимаю, они богатые, вот его туда и тянет все время. — Женщина не поднимала глаз и понуро рассматривала узор на ковре в моем кабинете. — Где мне с ними тягаться!

— А нужно тягаться? — удивилась я, сделав ударение на последнем слове.

К этому моменту я уже знала семейную ситуацию и проблему, с которой мать-одиночка Анжелика пришла ко мне.

Они с самого начала жили вдвоем с сыном Витей — отец мальчика оставил мать после ее отказа сделать аборт и более на семейном горизонте не показывался. Бабушка с дедушкой каждое лето забирали Витю к себе — в маленький городок в Пермской области. Анжелика работала в проектной институте и еще брала работу на дом — в раннем детстве Витя много болел, и прорва денег уходила на лекарства, массажи и консультации специалистов. На личную жизнь и развлечения времени и сил у Анжелики не оставалось категорически. Потом ситуация со здоровьем сына, по счастью, выправилась, а к пятому классу у Вити обнаружили

явные способности к математике, о чем Анжелике и сообщила классная руководительница. «Подумайте серьезно, — сказала она. — Наша школа — увы! — слабая. Надо дать мальчику шанс». Анжелика не оставила без внимания слова педагога. В седьмой класс Витя подготовился с помощью матери и, сдав сложный экзамен, поступил в престижный математический лицей.

Спокойный и вежливый мальчик хорошо вписался в коллектив, легко справлялся с программой. В старом классе болезненного в прошлом Витю считали «ботаником», не всегда принимали в компанию, могли и поколотить. Новые одноклассники разительно отличались от прежних: мальчик быстро нашел себе друзей, с которыми его связывали общие интересы, стал бывать у них в гостях. Сначала Анжелика, разумеется, только радовалась. Но потом...

Отношения матери и сына были достаточно доверительными. Витя охотно рассказывал обо всем, что видел дома у новых друзей, простодушно удивлялся уровню их семейного достатка, подробно, с горящими глазами описывал экзотические игрушки и аппаратуру (в основном, конечно, речь шла о компьютерной технике).

— Представляешь, у Артура целая отдельная комната. Совсем своя. В нее даже мама стучится. А обедают они все вместе в столовой, и такая люстра красивая над столом висит, а мама у них к обеду обязательно переодевается... А на даче у них три этажа, и у Артура есть такой маленький мотоцикл, они меня уже туда пригласили на зимние каникулы, а Артур сказал, что научит меня на нем ездить, и можно будет съездить на озеро. А папа Артура обещал, что обязательно летом покатает меня на катере. Он раньше был яхтсменом и даже в Стокгольм из Петербурга на яхте ходил. Я фотографии видел. И компьютер у Артура такой мощный, что...

Витя не был завистлив и не предъявлял матери никаких претензий. Она изводилась сама и задавала ему провокационные вопросы. Потом ловила себя на недоброжелательности к людям, которых видела только на родительских собраниях. Потом корила себя за то, что не сумела дать сыну таких возможностей, как у Артура, за то, что у него нет отца, который покатает бы его на катере, еще за что-то...

Витя что-то понял и перестал рассказывать о друзьях. Потом вообще обо всем, что происходит в его жизни. А чуть позже просто перестал приходить после школы домой — вместе с Артуром они сразу шли к нему. Возвращался он иногда за полночь и сразу ложился спать. «Мы вместе делаем уроки», — объяснил Витя. «А почему бы вам иногда не делать уроки у нас?» — спросила мать. — «Это неудобно, ведь у нас всего одна комната», — холодно возразил мальчик. — «Но, послушай, — Анжелика попыталась воззвать к хорошим манерам сына. — Это неприлично, в конце концов. Допустим, у Артура своя комната, вы никому не мешаете. Но родители Артура ведь не обязаны всю неделю тебя кормить!» — «Я понимаю, но мама Артура сказала, что ей приятно, когда на столе много тарелок, — ей всегда хотелось иметь еще детей, а мы с Артуром — как близнецы. Я не думаю, что она врет... Кстати, в пятницу я иду с Артуром и его папой на футбол, а потом мы сразу поедem к ним на дачу. В понедельник папа Артура сразу привезет нас в школу. Учебники я возьму с собой».

— Конечно, «тягаться» — это я не так выразилась. Я понимаю, они, скорее всего, хорошие люди, — в глазах Анжелики блеснули слезы. — Но лучше бы Витя оставался в той, старой школе. Там его не всегда понимали, но нас всегда было двое — я и он. А здесь... Мне кажется, что у меня отняли сына... И ничего другого у меня нет... Скажите, я еще могу что-нибудь сделать, чтобы его вернуть?

А вот другая история.

— Скажите, вы верите в сглаз или... как это говорят... в приворот? — Моложавая, стройная, дорого одетая женщина испытующе смотрела на меня.

— Если говорить на уровне газетных объявлений, то не верю, — ответила я. — Но существует эффект плацебо. И внушение. И самовнушение. А в чем, собственно, дело?

— Иногда мне кажется, что они его приворожили. Иначе это просто нечем объяснить. А у них там такая странная бабушка — знаете, с клюкой и одним зубом, просто чистая ведьма...

— Гм-м... — промычала я. (А вы бы что сказали на моем месте?)

— Мой муж очень хорошо зарабатывает. У него растущий бизнес. Мы не стеснены в средствах. У нас прекрасная четырехкомнатная квартира. Дача, компьютер последней марки, любые возможности для развлечений — путешествия, горные лыжи, бассейн, когда он только упомянул о собаке — я тут же купила ему стаффордширдского терьера с отличной родословной... Прекрасная библиотека, домашний кинотеатр, еда из экологически чистых продуктов...

— Послушайте, — мне надоело это рекламное перечисление. — Я очень рада за вас. Но в чем все-таки проблема?

— Я забрала его из этой школы. Но это не помогло. Может быть, нам переехать? Но мы столько денег и души вложили в отделку этой квартиры...

Мне захотелось помахать растопыренными пальцами перед лицом дамы, чтобы привлечь к себе ее внимание.

— Кто такой «он»? — я решила попробовать еще раз.

— Мой сын. Дмитрий. Ему двенадцать лет, — наконец-то откликнулась она. — До пятого класса он учился в школе у нас во дворе — ее вообще-то хвалят, там хороший английский, и учительница ему очень нравилась, да и нам тоже. Но контингент...

— Что не так с контингентом?

— Вы не подумайте, я не сноб, — сказала дама (поздно, уже подумала, мысленно ответила я). — Просто уж очень странная история. Дмитрий с первого класса подружился с мальчиком-одноклассником Сеней, семья которого живет в соседнем подъезде, на первом этаже. Семья многодетная, в ней не то шесть, не то семь детей, я никогда не могла их толком пересчитать. Плюс мама с папой, плюс та самая прабабушка с клюкой, плюс — дети подбирают их на улицах — две собаки и не то три, не то четыре кошки. Все это — в трех небольших комнатах!

— Семья Сени — социально неблагополучная? — спросила я. — Алкоголь, наркотики?

— Да нет, — дама слегка смутилась. — Вроде бы ничего такого. Обычные люди. Правда, я не могу понять, зачем им столько детей. Если ты не можешь им ничего толком дать...

Я не стала уточнять, что именно не могут дать Сене и его братьям и сестрам родители. В конце концов, мы занимались не ими.

— А в чем ваша-то проблема? Дружба с Сеней влияла на Димину учебу? Он научил его курить? Материться? Приносить с улицы кошек?

— Если бы... — Я удивленно подняла брови. — Фактически, Дмитрий просто переселился к ним!

— Вот как!.. Расскажите подробней.

— Да что там подробней! — дама раздраженно хрустнула пальцами. — Он проводит там все время после школы. Они с Сеней делают уроки, играют, дерутся, ходят в садик за младшими детьми, гуляют с собаками (а наша собака при этом сидит дома!). У этой семьи не всегда хватает денег на мясные продукты — они варят кашу и суп из костей и овощей в таких огромных кастрюлях — Дмитрий садится с ними есть! У них в детской комнате нет плафона — висит просто голая лампочка. Вечером я пытаюсь забрать его домой — он не идет, говорит: «бабушка Люся будет нам страшные истории рассказывать про Летучего Голландца и про руку преступника Джерри. Я хочу послушать!» Понимаете, у них уже полгода телевизора нет — они его случайно разбили во время потасовки! Там все время шум — я только загляну, у меня сразу голова раскалывается — дети орут, собаки лают, мать на всех кричит, охаживает тряпкой всех без разбора. Что удивительно: Дмитрию тоже достается не хуже всех прочих (она, кажется, в запарке своих и чужих не различает), так он не в обиде, а если я на него голос повышу, он обижается и до вечера из своей комнаты не выходит...

— Вы пытались пригласить Сеню к себе в гости?

— Да, они пришли все вместе один раз. Я угостила их чаем с профитролями. Были тихие, все разглядывали, потом смотрели кино. Но маленькие, конечно, заляпали мне вареньем диван, чем-то залили ковер. Я ни слова Дмитрию не сказала... Но больше они почему-то не приходили... Я люблю готовить, но получается, что у нас некому есть — муж работает допоздна и ест на работе, я на диете, Дмитрий наедается у тех людей. Я ему говорила: возьми вот в контейнер тортика после праздника или салата, отнеси Сене и его братьям-сестрам, пусть полакомятся, — он отказывается. Мы меняли люстры, я предложила Дмитрию — возьми одну, отнеси твоим друзьям, пусть повесят в комнате, что ж у них так неудобно, а нам все равно выкидывать... А он вдруг полез в бутылку, заорал, что я ничего не понимаю. Но я действительно не понимаю... Может быть, вы мне объясните. И... У меня нет и по медицинским показаниям не может быть других детей, я сижу дома, мужу так удобнее, он говорит: занимайся сыном. Но как?! Я понимаю, что бываю несправедлива, но ловлю себя на том, что ненавижу эту семейку! Там, у нее, уже есть семь своих детей — зачем ей еще мой?!.. Простите, — дама взяла себя в руки. — Скажите, я еще могу что-нибудь сделать, чтобы вернуть сына домой?

Глава 16. Демократ

Есть разные стратегии воспитания детей в семье и бесчисленное количество тактик. Специалисты придумали по этому поводу свои более или менее остроумные классификации, которые психолог-практик может использовать (а может и не использовать) в своей работе. Но все это бесконечное разнообразие вариаций семейного устройства может быть разделено на две большие группы, которые условно можно назвать так: воспитание авторитарное и воспитание демократичное. Первое подразумевает ясно выраженное лидерство одного из старших членов семьи, наличие семейной иерархии, четко разграниченные обязанности и чью-то фактически не обсуждаемую монополию на то, что считать правильным. Таким образом устроены практически все традиционные семьи. Второй тип семейного воспитания, демократичный, или договорной, можно считать более современным: он построен на относительно новой идее равенства всех людей. «Я хочу, чтобы у меня с ребенком с самого начала были дружеские отношения. Чтобы мы все могли обсудить и принять совместное

решение. То, чего он не понимает, я ему объясню. Я не хочу его ломать, я хочу договариваться...» — так или приблизительно так объясняют мне свою позицию сторонники демократичного воспитания.

Я сама выросла в авторитарной семье и не совсем понимаю, о каком равенстве двухлетнего ребенка и тридцатилетнего мужчины или женщины может идти речь, но не могу не согласиться с тем, что вышеприведенная программа звучит очень симпатично.

Как и бывает в жизни практически всегда, и у той и у другой стратегии есть свои достоинства и недостатки. Но наиболее удивительные случаи происходят тогда, когда для своего удобства люди пытаются приготовить из двух противоположных по смыслу стратегий «коктейль».

* * *

— Я всего достиг сам, своими силами. Мне ничего не досталось на халяву. Я — на вершине своей жизни. И у меня есть все, что может пожелать нормальный человек.

Делая данное заявление, мужчина лет сорока с небольшим сидел в кресле и смотрел на меня спокойными серыми глазами, не обнаруживая признаков невроза или психоза. В руке у него был листок с какими-то записями — возможно, вопросы к психологу, чтобы не забыть. Бывает. Я решила подождать.

— Моя семья состоит из четырех человек. Я, жена, сын и дочь. Моя фирма производит и продает электродвигатели.

Ситуация вроде бы двигалась в нужном направлении. Я решила подождать еще.

— Мой отец был талантливым, но авторитарным человеком. Моя сестра рано вышла замуж, а я уехал из дома и жил в общежитии. Я окончил Политехнический институт с красным дипломом.

Дальше молчать было невежливо, и я спросила:

— Вы пришли, чтобы рассказать о своих успехах? Или поговорить о ком-то из ваших детей?

— Нет, — сказал мужчина и с хрустом смял в кулаке исписанный листок. — Что-то идет не так. — Потом он улыбнулся и добавил из Шекспира: «Прогнило что-то в Датском королевстве».

Далее удрученный бизнесмен рассказал мне вполне фрейдистскую по духу историю о том, как он, протестно выломившись из родительской власти авторитарного отца, всю жизнь мечтал построить свою собственную семью совершенно на других принципах, как вы, наверное, уже догадались — демократических. С первой женой, которая была рядом с ним во время его бизнесменского становления, что-то не заладилось, и он женился на другой женщине — она замечательно его понимала — у них было много общих идей и интересов. Новая жена оказалась на пятнадцать лет моложе нашего бизнесмена, но, несмотря на это, сумела построить хорошие отношения с его сыном-подростком от первого брака. Иван сейчас живет с отцом и его семьей. — «Вы же понимаете: сейчас я могу дать мальчику больше, чем мать! А моя первая жена — разумная женщина. У нас с ней и сейчас хорошие отношения. Она работает бухгалтером в моей фирме». — «Сколько лет мальчику?» — уточнила я. — «Девятнадцать». А два с половиной года назад родилась Ксюша — любимица семьи.

Честно говоря, из разговора с главой семьи я так и не уяснила, что же, собственно, пошло у них не так. Естественное предположение о бунте сына не подтвердилось — Ваня благополучно учится в техническом институте, проводит много времени с друзьями, увлекается японской

борьбой и дома бывает довольно редко.

Пригласила для беседы сына. Прыщавый, несколько инфантильный на вид парнишка оказался неразговорчивым и на мои вопросы отвечал односложно, но тем не менее подтвердил все то, о чем уже говорил его отец. Искать корень неприятностей в трехлетней Ксюше не имело смысла.

Я начала склоняться к мысли, что все дело в извечной проблеме несовпадения реального и идеального. Бизнесмен так долго мечтал об идеально выстроенной семье, что теперь даже незначительные, неизбежные в повседневной жизни шероховатости заставляют его расстраиваться и волноваться.

Но для гарантии я решила отдельно поговорить с молодой женой, мамой Ксюши. Миловидная женщина вежливо и сдержанно обсудила со мной проблему грядущей адаптации дочери к детскому коллективу, проявила стандартную для современной мамы интернет-компетентность в вопросе детских аллергий и... неожиданно бурно разрыдалась после того, как я случайно упомянула то самое демократичное воспитание — мечту и возделенную цель главы семейства. Я застыла в недоумении, потом попыталась остановить бурный поток, потом просто дала чашку с водой и пачку носовых платков.

Отрыдавшись, женщина не стала молчать.

— Мы все больные от этой его демократии, — горько сказала она. — Больные в самом прямом смысле — у Вани второй год фурункулы по всему телу, у меня астма впервые после детства обострилась, Ксюша по ночам кричит и до сих пор в постель писается. Сейчас я вам расскажу, как это выглядит, и вы все поймете. Каждый вечер после ужина мы собираемся за круглым столом (он его специально купил: круглое — это для равенства, по королю Артуру). Низко над столом висит лампа под абажуром — он говорит, что это создает уют, но лично мне напоминает фильмы про допросы в гестапо и КГБ.

Наша задача — рассказать, как прошел день, и обсудить планы на завтра. Виктор высказывается последним, так демократичнее. Мы должны говорить не только о событиях, но и о чувствах, это необходимо — муж слышал об этом на каком-то корпоративном тренинге. Ваня стеснительный парень, ему вообще трудно говорить о себе. Ему нравится девушка в институте, но он скрывает отношения с ней, чтоб папа не стал «докапываться». Девушка обижается, она думает, что он стыдится ее (она приезжая, живет в общежитии) и потому не приглашает домой. Витя настаивает, чтобы Ваня говорил подробно. Ксюша к этому времени уже почти спит, ее будят и стыдят, что она не слушает брата. Потом мы с Ваней слушаем, что Ксюша ела на завтрак и кто ее обидел в детском развивающем центре. У меня одно чувство: поскорее бы это кончилось. Виктор честно рассказывает обо всех своих делах. У него хорошая речь. Мне кажется, что я смотрю сериал или читаю Карнеги. Потом еще планы. Тут Ксюша засыпает, а Ваня начинает мучительно врать...

Еще его первая жена. Она у него работает, они ровесники, много лет прожили вместе, она понимает его как облупленного и крутит им, как захочет. Он во всем с ней советуется, ездит к ней, говорит, мы цивилизованные люди, у нас демократия, я гоже могу встречаться с кем хочу, а ко мне даже подружки из колледжа перестали ходить, потому что он с ними тоже беседует, они его боятся... Вы можете с ним поговорить?! Только не выдавайте меня!

Слезы снова вскипают на глазах бедной «мученицы демократии». Я кое-как успокаиваю ее и договариваюсь о встрече с ее мужем.

Не сразу, но удастся убедить «горе-демократа», что его позиция в семье не имеет с настоящей

демократией ничего общего. Неожданную помощь всей компании оказывает Иван. Собравшись с духом (и побуждаемый, по всей видимости, своей девушкой), он выходит на разговор с отцом и отказывается участвовать в иезуитских семейных сценках, подобных описанной выше. Некоторое время бизнесмен переживает «предательство» родных, а потом приходит опять и спрашивает: где же найти золотую середину? Выясняем, что золотая середина существует лишь в мечтах человечества, а ему самому разумно быть тем, кем он, собственно, и является — сильным главой семьи, принимающим все важные решения, опорой и защитой для молодой жены, не слишком самостоятельного сына и маленькой дочери. Частные решения следует оставлять на усмотрение домашних, быть по возможности великодушным к их слабостям (сильному лидеру это позволено) и не вникать в мелочи. «Боги не суетятся» — процитировала я. По всей видимости, это как-то уравнило Шекспира, и бизнесмен ушел, удовлетворенный собственными планами грядущего самоусовершенствования. В его семье воцарился мир.

Глава 17. О ранней детской одаренности

— Кусает, бьет всех подряд, может швырнуть, чем под руку подвернется. Никакого сладу с ней нет...

— Вы — мама Светы?

Сидящей напротив меня девушке я не дала бы больше восемнадцати. Свете Габдурахмановой, которая из угла хмуро смотрела на меня маленькими черненькими глазками, уже исполнилось три.

— Нет, слава Аллаху. Я — старшая сестра. Несколько лет назад сама к вам приходила, когда с папой ругалась. Вот теперь решила Светку привести. Вдруг поможет? Матери-то не до того...

— А почему матери не до того?

— По хозяйству она.

— Большое хозяйство?

Может, они на ферме живут? К нашей поликлинике каким-то странным образом отнесли Авиагородок и пару пригородных деревень.

— Приличное, — усмехнулась девушка. — Детей много нарожали.

— Сколько ж вас?

— Шестеро. Все девчонки. Светка — последыш.

Да, действительно. Ситуация быстро стала понятной. Нормальная татарская семья. Очень хотелось мальчика, наследника. Теперь в небольшой квартире четыре девочки-подростка. От их конкурентных склок, сплетен, вражды и коалиций — только что искры не летят. Света родилась с довольно большим отрывом от сестер — последний шанс. Все ждали сына и братика. Не получилось. Света начала защищаться и нападать практически с рождения. Сейчас от нее все стонут — даже отец.

Оба родителя работают. Иначе детей не прокормить.

— А в садике как?

— Так же. Дерется, кусается. Но не сама. Только если к ней лезут.

— А что она делает, когда никто не лезет? (Хотя попробуй уединись в городской малогабаритке с пятью сестрами и мамой по хозяйству! — тут же подумала я.) Как играет?

— Она не играет вообще. Она рисует.

— А что ж вы рисунки-то не принесли! — попеняла я.

Разговаривать со мной Света не хочет («она вообще с чужими почти не разговаривает», — объяснила сестра), играть в мои игрушки не играет, так что рисунки многое могли бы мне показать. Хотя, конечно, какие в три года рисунки...

— У вас бумага есть? Дайте ей побольше, и карандаш... Она вам сейчас нарисует.

Ну ладно, мысленно вздохнула я, пусть ребенок хоть чем-нибудь займется. Положила на столик несколько листов бумаги, поставила стаканчик с восковыми мелками, попыталась показать, как ими рисовать...

— Не надо, — сказала Света, которая как-то внезапно оказалась уже сидящей за столиком. — Я знаю.

Дальше она начала стремительно рисовать. Один лист за другим. Я открыла рот от изумления. Рисунки строго соответствовали возрасту — головоноги, как и положено в три года. Но — какие головоноги! Ничего подобного я еще никогда не видела. Каждому рисунку, прежде чем его отложить, Света давала название. И какое название!

— Боже мой, откуда она их (названия) берет? — воскликнула я, обращаясь к сестре.

— А вы у нее у самой спросите, — посоветовала девушка.

— Света, как ты придумываешь эти названия?

— Они сами приходят, — ответила девочка, продолжая рисовать. Стопка готовых рисунков росла на глазах.

— Вот и дома так, и в садике, — сказала сестра. — Пока бумага не кончится.

— Послушайте, но ведь это... Это надо развивать... Художественная школа... — я чувствовала себя беспомощной.

— Какая школа?! — ребенку три года. Какое развитие? — девочка и так рисует практически при любой возможности. К тому же — работающая мать с пятью детьми...

— Может быть, вы поможете сестре, уделите ей...

— Ну уж нет! — девушка торжествующе усмехнулась. — Я через два месяца замуж выхожу. И уеду из этого бардака к чертовой матери!.. Так вы посоветуете чего? Я матери передам. Она знает, что мы к вам пошли...

— Значит, так, — я старалась говорить как можно более понятно и не терять надежды. Если эта счастливая невеста на исходе своей жизни в родительском доме притащила ко мне сестренку, значит, она все же заинтересована в ее судьбе. И в мирном сосуществовании родственников, конечно.

— Сына и братика у вас в семье не случилось. Но у вас случилась Света. А у нее — талант. И — редкий, поверьте, я видела тысячи детских рисунков, и никогда ничего подобного... Признайте ее. Признайте ее уникальность и нужность вашей семье. Возможно, она прославит вашу фамилию. Но для этого ее нужно осторожно растить. Не приставайте к ней. Давайте ей возможность уединиться — хоть в ванной, хоть за ширмой, хоть под столом.

— Да, да, она как раз любит под обеденный стол прятаться, — поддакнула сестра. — Мы ее оттуда шваброй гоняем.

— Как только она немного подрастет, — продолжала я, — обеспечьте ей возможность учиться рисованию. А сейчас — много хорошей бумаги, разных карандашей и мелков...

Ч-черт побери! — думала я. — Откуда мне знать, как правильно развивать художественные таланты! С другой стороны — а кто это наверняка знает? В голове вертелась мысль: из Светы вполне могла бы получиться вторая Надя Рушева, но я, не будучи мистиком, все-таки, на всякий случай, эту мысль старательно отгоняла (талантливая девочка-художница Надя Рушева, которой, надо сказать, создавали для творчества все условия, трагически рано умерла).

— И еще — читайте ей вслух сказки и книжки, ей надо откуда-то брать сюжеты для рисунков. Водите ее гулять в парк во все времена года...

— Да, да, это вы правы, — опять кивнула старшая сестра. — Она любит книжки слушать. Я ей тут как-то для смеха читала «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», Гуле в школе задали, так она потом даже сапоги мне почистила и Гуле, чтоб мы ей до конца прочли...

Да поможет им Аллах! — вполне непоследовательно для атеистки подумала я и спросила вслух:

— Света, ты подаришь мне эти рисунки?

— Забирайте, — буркнула Света. — Мне не жалко. Я себе еще нарисую.

И тихонько припрятала в кармашек осколок воскового мелка, который ей особенно понравился. Я не препятствовала. Должна же я была хоть как-то поспособствовать развитию таланта...

Глава 18. Доктор, вы были правы!

Родители говорили обыкновенные вещи. Я изображала вежливое внимание. Фактически с любой точки я могла начать говорить за них.

Поздно приходит домой. Врет про школьные отметки и вообще... Пачка сигарет в кармане — говорит, что приятеля. Банка джин-тоники — выяснено после тщательных обнюхиваний и долгого скандала. Четыре года занимался в лыжной секции — бросил. Грубит. Не знакомит с новыми друзьями. Школа: ну, разумеется — способный, но ленивый. Прежде учился лучше, теперь ничего не хочет, приходит домой и сразу — к телевизору, уроков никогда не задано. Что будет дальше — непонятно, пора подумать о профессии...

Почему-то у меня возникло ощущение, что родители рассказывают обо всем этом с удовольствием. На два голоса, передавая инициативу, чуть ли не попадая в ритм. Бред, не может быть! — оборвала я себя и заставила вслушаться внимательнее.

Из оригинального: начал играть на какой-то дудке (что за дудка, флейта?), рисует на компьютере каких-то страховлюдов, потом распечатывает.

— Так мальчик склонен к искусствам?

— Нет, нет, что вы! У него никакого слуха нет и не было никогда, и художественных способностей гоже. В детском саду его всегда в задний ряд хора ставили, а рисунки никогда на выставку не вешали. А после — и вовсе никаких упоминаний об «искусствах». Вот, лыжная секция, мы же говорили...

— Но, может быть, теперь способности прорезались? Знаете, в переходном возрасте бывает...

— Так мы же, доктор, слышим все это и видим. Увы! Ничего не прорезалось... Лучше бы об учебе подумал. Экзамены же в этом году! Посоветуйте, есть ли какой-то способ...

— Способ — для чего?

— Ну... — родители явно замешкались. — Чтобы его заставить... Чтобы он перестал... Чтобы он начал...

То есть они хотели, чтобы их сын перестал быть подростком, легко перевела я. Но хотели ли? Что-то меня все же смущало...

— Ладно, — вздохнула я. — Сколько лет Косте?

— В следующем месяце будет пятнадцать.

— Сам он, разумеется, ко мне не пойдет. Так вы его приведите...

Костя оказался высоким тонкокостным большеглазым мальчиком, которому я не дала бы его пятнадцати лет.

— Что за дудка? — спросила я, — на которой ты играешь?

— Это флейта, — ответил Костя. — Я, понимаете, эльф.

— Это точно, — согласилась я. — Ты — эльф. А страхолюды на твоих рисунках кто — орки? Еще кто-то?

— Ну, там много разных, — в голосе Кости слышалась снисходительность: мол, вы все равно не поймете.

— А мама с папой? Они не понимают?

— Не в этом дело. — У Кости были очень взрослые глаза. Как у настоящего эльфа. — Я ж ничего такого не делаю. Они ругаются со мной, чтобы...

— Чтобы не ругаться между собой?

— Нет. Чтобы было чем заняться после работы.

— Ты не преувеличиваешь?

— Нет, вы же не знаете...

— А мне следует знать?

— Да нет, зачем вам? Я же сказал, ничего особенного.

— Хорошо, давай тогда поговорим об эльфах. Кстати, как ты относишься к драконам? Ими когда-то увлекалась моя старшая дочь, поэтому я про них более в курсе...

— Подростки — изумительные существа, — сказала я родителям Кости. — Почти инопланетяне. Они посланы в наш мир и живут в нем недолго, на полутонах яви и сновидений, как электроны на нестабильных орбитах. В их глазах всегда горит отблеск и звучит отзвук того пласта реальности, в котором живут художники. Ведь художники тоже зависают между миром идей Платона и реальностью котировки валют и картошки с огурцами. Как и художники, подростки — посредники. Этим надо пользоваться, пока возможно. Костя явно послан вам, чтобы вы могли как-то решить свои проблемы, подготовить свой семейный мир к новому этапу существования. Ведь скорее рано, чем поздно, подростки взрослеют, сваливаются на стабильную орбиту и становятся такими обыкновенными, что трудно поверить — это было: звучал тот звук, играли те краски, передвигалось в вашем пространстве это существо со своей странно-тревожной, раздражающей, инопланетно-насекомой грацией... И уже ничего нельзя вернуть...

— Это очень странно... то, что вы говорите, — сказали родители Кости, отводя глаза. — Мы не понимаем. Мы пришли, чтобы вы нам со школой помогли, экзамены... уроки... Поработать с ним... есть же психотерапия. Мы его спросили, о чем вы с ним беседовали, он сказал: о драконах. Мы, наверное, обратимся к другому психологу...

— Разумеется, — сказала я. — Только прошу, помните то, что я вам сейчас сказала.

Мать непримиримо поджала губы, а отец неохотно кивнул.

— Доктор, вы были правы! — седой мужчина с мешками под глазами тяжело опустился в кресло.

Я не вспомнила его. Он объяснял долго и путано.

— Так в чем же я была права?

— Он, Константин, стал офисным работником. Как все. Стабильная орбита — я запомнил. Ходит такой прилизанный, говорит общепринятые вещи, много времени проводит в социальных сетях. И слышать не хочет об эльфах и драконах... — мужчина горько улыбнулся. — Мы с женой развелись в тот год, когда Костя поступил в институт. Мы не ссорились, нам просто нечего было сказать друг другу...

— Мне жаль, — я склонила голову. — Но вы пришли, чтобы...

— Год назад я сошелся с женщиной, живем вместе. У нее сын-подросток. Пятнадцать лет. Он странный, весь из каких-то углов. Я пытаюсь построить с ним отношения, у меня не все получается. Я пришел, чтобы поговорить об этом. Мне не хотелось бы упустить еще раз...

Глава 19. Дорогая мамочка...

Щупленькая, невысокая женщина аккуратно присела на краешек стула и положила на мой столик медицинскую карту. Карта легла тоже на край, я даже придержала ее рукой, чтобы не упала.

— Я хочу вас сразу предупредить, Ванечка у нас приемный, — негромко, с извиняющейся

улыбкой сказала женщина. — Мы его год назад из детского дома взяли. Восемь лет ему было.

Я быстро пролистала карточку. Несколько обычных неврологических диагнозов, что-то про среднее ухо, небольшой сколиоз — вроде бы ничего страшного.

— И теперь ваша семья состоит из вас, Вани... — я выжидательно взглянула на посетительницу.

— И моя мама еще. Бабушка, получается, — еще одна извиняющаяся улыбка. — Вы спросите наверняка, поэтому я сразу скажу: мне 47 лет, маме — 75. Я никогда замужем не была. Мы, конечно, маленького хотели, но нам сказали — лучше не надо. Ванечка — чудесный мальчик, мы его полюбили от всей души, но...

Ой-ей-ей! — мысленно воскликнула я, прикидывая, какой клубок проблем мог возникнуть за год во взаимоотношениях слегка отстающего в развитии мальчика-детдомовца и двух немолодых женщин, привыкших к замкнутой друг на друге жизни.

— Но, понимаете, он много рисует... и я не знаю, что делать...

Уфф! Я облегченно выдохнула — это было много лучше того, что я успела предположить. Неужели она пришла ко мне только за тем, чтобы узнать, как лучше развивать художественные способности приемного Ванечки?! А почему бы и нет? Откуда ей (инженеру-технологу — я снова заглянула в карточку) знать, как и где учат рисованию восьмилетних детей...

— Вы принесли Ванины рисунки? — спросила я. — Я хотела бы взглянуть...

— Да, конечно, простите, сейчас. — Женщина покопалась в старой пузатой сумке и вынула тощую пластиковую папочку.

Я просмотрела рисунки. Яркие цвета, лохматое солнце, домики, дороги, уходящие вдаль, какие-то неопределенные улыбающиеся звери с толстыми лапами — не то собаки, не то медведи. И надписи на каждом рисунке — корявыми детскими буквами: «Дарагой мамочке от сына Вани с любовью».

— Очень трогательно, — признала я. — А что ж вы так мало рисунков принесли? Говорите, он много рисует...

— А они все одинаковые. — На этот раз ее улыбка показалась мне болезненной. — И к тому же он не хочет...

— Расскажите подробней. Что у вас там происходит с этими рисунками?

Я не сразу сумела разобраться в ее рассказе, потому что она перескакивала с одного на другое, явно стремясь выговориться и одновременно опасаясь сказать что-нибудь... не знаю даже какое слово употребить... вроде бы термин «политкорректность» для внутрисемейных дел не подходит? Сказать что-нибудь лишнее — наверное, так будет правильное всего.

Ванечка учится в третьем классе коррекционной школы. Учителя им, в общем-то, довольны — мальчик к учебе малоспособный, но старательный и не агрессивный. Никакой радикальной необходимости в коррекционной школе, как я поняла, не было, но в районо маме и бабушке сказали, что там маленькие классы и «вам так будет легче на первых порах». Друзей у Вани в школе практически нет, хотя в школе он проводит много времени — до пяти-шести часов

вечера, там же обедает, гуляет, готовит уроки. Год назад он рассказал одноклассникам, что прежде жил в детдоме, а теперь его мама и бабушка «нашли». С тех пор одноклассники (большинство из них старше Вани, так как сидели в одном классе по несколько лет) зовут его Подкидышем. Ванечка, к огорчению приемной мамы, отзывается на кличку.

Ваня может долго и внимательно заниматься одним делом — клеить, вырезать, рисовать, переписывать упражнение. Любит помогать по дому — мыть посуду, пылесосить, вытирать пыль. В математике и чтении он не преуспевает, а вот его рисунки хвалили еще в детдоме — они всегда были красочные и веселые. Рисовать Ваня любит, взявшись, никогда не бросает работу на полдороге, может целый день потратить на то, чтобы раскрасить разными карандашами весь лист. Маме и бабушке рисунки тоже понравились. «Ты подаришь мне этот рисунок на память?» — «Конечно, мамочка!», «Конечно, бабушка!»

Еще в детдоме Ваню научили подписывать рисунки. Это его очень вдохновило — дополнительная возможность выразить свои чувства. Ванечка и так очень ласковый мальчик. «Я тебя люблю! А ты меня?» — он говорит приблизительно по двадцать раз в день. И обнимается, и залезает на колени. Хотя уже ростом с приемную маму и чуть выше бабушки (что, впрочем, немудрено, моя посетительница — почти Дюймовочка).

Первый Ванин рисунок мама с бабушкой повесили на стенку. Второй тоже. И третий... Ваня рисовал едва ли не каждый день, сидя перед телевизором. По два рисунка, маме и бабушке, чтобы никого не обидеть. Когда женщины решили снять старые рисунки, чтобы освободить место для следующих, Ваня расплакался: «Я вам надоел, я знаю»... Ребенка с трудом успокоили. На следующий день рисунков было в два раза больше, Ваня постарался для любимой мамочки во время «продленки». Попробовали складывать рисунки в коробку. Ваня не плакал, вздыхал и отказывался от любимых творожков. Когда его вызвали на разговор, сказал: «Я знаю, это вы по доброте, а так они некрасивые, чего их вешать»... Новые рисунки тут же отправились на стенку, а женщины вечером на кухне сами всплакнули: «он ведь сиротинка, настрадался, ему внимания хочется»...

Спустя какое-то время ситуация стала безвыходной — стенки кончились. Женщина отправилась сначала к психологу в социальную службу, потом — позвонила по телефону доверия.

Первый психолог велел перетерпеть, так как у мальчика еще не кончился переходный период от детдома к семейной жизни. Второй сказал, что женщинами откровенно манипулируют, и призвал немедленно все рисунки убрать, пока парнишка окончательно не сел приемным родителям на шею.

— И что вы теперь думаете? Что чувствуете? — спросила я. «Политкорректность» явно не давала моей посетительнице не только разрешить ситуацию, но даже увидеть ее.

Женщина опустила глаза.

— Ванечка — чудесный мальчик...

— Бросьте! Мы не обсуждаем Ванечку. Мы обсуждаем, что делать. Как вам сейчас?

— У нас в квартире сейчас как в дурдоме, — с явным облегчением призналась она. — Эти одинаковые рисунки на стенах, и подписи. Я вхожу после работы, и меня сразу тошнит. А мама там целый день... Мы не справились, да?

— А почему бы вам не призвать к разрешению создавшейся ситуации самого Ваню? — не

отвечая на ее вопрос, спросила я. — Почему вы сейчас не привели его с собой?

— Ой, да что вы! — воскликнула женщина. — Он же ребенок, он не очень здоров, он и так уже в жизни... это мы должны, раз взяли ответственность... Но получается, что... меня все предупреждали...

Она явно приготовилась заплакать.

— Вы теперь одна семья, — быстро сказала я. — Поэтому ответственность придется разделить. Вы — технарь. Основное свойство газов помните?

— Что? Газов? А... Летучесть? Нет...

— Жидкость принимает форму сосуда, а газ...

— Газ занимает весь предоставленный ему объем!

— Верно! Все дети (родные или приемные) — газообразны. От природы. Занимают весь предоставленный им объем. Весь! Много или мало, сколько предоставите, столько и займет. В норме это проверяется между вторым и третьим годом жизни.

Ване — девять. В детдоме он знал, а в семье — не знает. Вот — проверяет. Если не отвечать или поддаваться, все дети садятся на голову. Надо ему сказать, как тут все устроено. А вы... В общем, давайте приходите завтра с Ваней.

* * *

Ваня очень старается мне понравиться. Принес рисунок в подарок, держит на коленях. Интересно, написано ли там: «Дорогому психологу...»?

— Значит, так, — говорю я. — В человеческих семьях есть такой обычай: тот рисунок сына или дочери, который маме нравится, она вешает на стенку. Он там висит два дня. Потом его снимают и кладут в папку. Понятно?

— Понятно! — с готовностью кивает Ваня.

— Стены в квартире оклеивают обоями, а не детскими рисунками. Иногда вешают картины художников или портреты предков. Это понятно?

— Конечно! — торопится Ваня. — У нас как раз висит портрет дедушки Егора, в мундире, он на войне воевал.

— Именно! Дедушка Егор в мундире. Скажи, а тебе чего больше нравится — клеить или лепить?

— Вообще и то и другое, но клеить, наверное, больше, — подумав, сообщает Ваня.

* * *

Рисунки Вани не выдавали никаких его художественных талантов, а вот его необыкновенную усидчивость надо было обязательно использовать для поднятия самооценки. Тесты на интеллект показывали нижнюю границу нормы. Подумали и посоветовались, призвав бабушку (в прошлом — педагог). В результате мама Вани решилась на эксперимент: на следующий год перевела Ваню в обычную «дворовую» школу снова в третий класс и одновременно отдала в

кружок авиамоделирования. Эксперимент оказался очень удачным — тихий Ваня сразу полюбился немолодой учительнице, стал получать четверки и даже пятерки, подружился с мальчиком и двумя девочками, а модели самолетов... Ну, они, как вы понимаете, стоят на полке. Места пока хватает, потому что на каждую у Вани уходит почти два месяца.

Глава 20. Женский вопрос в России

— Я мастером на заводе работаю. Говорить не привык — уж извините. — Мужчина, похожий на медведя средних размеров, понуро сгорбил плечи. Стул под ним опасно потрескивал.

Я улыбнулась:

— А мне казалось, что мастер — по должности должен говорить, объяснять...

Посетитель на мою улыбку не «повелся», отрицательно покачал головой:

— Так то ж какие разговоры — матюги одни... Не, зря я пришел. Не выговорить мне без матюгов такое...

Я немного расслабилась: до этого я предположила, что одинокий, явно раздавленный каким-то горем мужчина, пришел в детскую поликлинику после смерти жены, спрашивать о воспитании детей. Но вряд ли он не может говорить без матюгов о кончине супруги. Хотя всякое, конечно, бывает...

— Так что у вас случилось? Ваша семья — это вы...

— Двое детей у нас, сыну четырнадцать, а доче-то — пять лет всего! Не отдам ее!

Ага! — догадалась я. — Жена, стало быть, нашла кого-то поразговорчивей и решила открыть новую страницу в своей семейной истории. Дочку хочет забрать с собой, в новую семью, а муж и отец — против. Если развод и разъезд состоится, пятилетней девочке, наверное, все-таки лучше жить с матерью и ее новым избранником. Стало быть, надо договариваться о правилах совместного воспитания, так, чтобы мужчина, который явно любит дочь, не чувствовал себя ущемленным. Но почему он пришел один, ведь жена — тоже заинтересованное лицо? А может быть — там женский алкоголизм или наркомания?! — снова взволновалась я. — Тогда девочка, конечно, должна остаться с отцом... И почему речь не идет о сыне? С ним уже все решено?

— Расскажите подробней, — дипломатично попросила я. — Где сейчас мать детей? С ней все в порядке?

— С ума она сошла! — убежденно сказал мужчина. — Может быть, хоть вы с ней поговорите, убедите ее как-то. Не может такого быть!

Психиатрия явно отметалась — при всей своей медицинской наивности мужчина не обратился бы с этой проблемой в детскую поликлинику. Вероятно, сумасшествием отец считает новую любовь матери...

— Если вы не объясните мне, в чем дело, я не смогу поговорить об этом с вашей женой, — с максимально возможной вразумительностью произнесла я.

Мужчина сжал огромные кулаки и что-то (явно нецензурное) пробормотал себе под нос.

— Ваша жена решила уйти к другому мужчине? Уже ушла? Хочет забрать с собой дочь? — мне

хотелось ему помочь.

— Если бы так! — мужчина вскочил и, споткнувшись об игрушечный грузовик, оставленный на ковре предыдущим посетителем-ребенком, едва не грохнулся навзничь. — Если бы так!

Я замерла, ничего уже не понимая. Его гневная сила полностью заполняла мой небольшой кабинет.

— К бабе она ушла! К бабе! Вы можете себе такое представить?! — заорал мой посетитель. — После того, как мы с ней пятнадцать лет прожили и в одной, извините, постели спали!!

— В том, что супруги спят в одной постели, нет ничего неприличного, — холодно сказала я. — Вам не нужно за это извиняться.

Мне нужно было время, чтобы сориентироваться. Признание мужчины застало меня врасплох. Это был вопрос, в котором я совершенно не разбиралась.

— Если на заводе узнают, мне — только стреляться, — мужчина снова сел и как будто успокоился. В этих материях (насчет стреляться) он явно чувствовал себя более компетентным. У него ведь и пистолет наверняка в ящике под бельем припрятан...

— Но-но-но! Никаких стреляться! — с испугом воскликнула я. — О сыне подумайте! Мать в лесбиянки подалась, да еще отец застрелится!

Я уже почти паниковала. Чем я могла ему помочь? Утешить тем, что на сегодняшний политкорректный момент такие вещи случаются ничуть не реже гетеросексуальных измен? Посоветовать объяснить это мужикам на заводе?

— Сын как узнал, так с ней и разговаривать отказывается, — вздохнул мужчина. — А сам-то переживает страшно — я же вижу...

— А придет она ко мне? — несколько раз моргнув, спросила я.

— Да! Да! — обрадовался мужчина. Ему явно показалось, что дело сдвинулось с мертвой точки. — Я ей скажу — для детей, она придет. А вы уж ей объясните там... Ерунда ведь все это, правда? Блажь какая-то из телевизора, да? — он с надеждой заглядывал мне в глаза. Я отводила взгляд.

Не знаю, что я ожидала увидеть, но Алена оказалась обыкновенной симпатичной средних лет теткой — воспитательницей детского сада. Она быстро и внятно объяснила мне ситуацию — с мужем жили неплохо, грех жаловаться: всю получку нес в дом, пил умеренно, с детьми помогал, дом за городом построили. Но ни ласкового слова от него не услышишь, ни цветочка не подарит, ни поговорить с ним об интересном, ни посплетничать, даже в кино в воскресенье вытянуть — взмокнешь вся и плюнешь. После рождения дочери Алена стала толстеть — почитала модные журналы, посмотрела телевизор и решила заняться собой. В фитнес-клубе появились новые знакомства — и вот, узнала вкус настоящей жизни, подлинного эмоционального сопереживания и восторга общности интересов.

— А раньше, в подругах вы всего этого не находили? — спросила я, так как в перечислении обретенных радостей интимный вопрос не звучал категорически.

— Да что подружки мои! — с великолепным презрением сказала Алена. — Дом, да мужики, да детки с их проблемами. Больше и поговорить не о чем...

— А о чем же разговаривает ваш новый круг? — спросила я.

Когда-то, во времена перестройки, я была знакома с питерскими феминистками. Они все время за что-то боролись и издавали симпатичный журнал «Все люди — сестры!»

— Про всякое... И про женский вопрос! — ожидаемо выпалила Алена.

Я действительно не знала, что делать. Алена, по всем признакам, была такой же лесбиянкой, как и я. То, что у психологов называется кризисом тридцатилетия, накрыло ее медным тазом. Ей закономерно захотелось как-то расширить свой мир, найти и освоить его новые грани. Хотелось развивать эмоциональность, тренировать интеллект какими-то задачами, выходящими за пределы рецептов приготовления пирогов и лечения детской простуды. Муж отказался ее сопровождать, и она отправилась в путешествие самостоятельно. И вот, отыскала — женский вопрос...

— Алена, — сказала я. — Когда я была много моложе вас теперешней, я работала в университете на кафедре эмбриологии, рядом с библиотекой Академии наук. Однажды в библиотеке случился ужасный пожар. Это была суббота, но у меня шел непрерывный опыт, и я в тот день дежурила на кафедре. Страшно, когда горят книги, — безвозвратно погибал бесценный опыт множества людей и эпох (компьютеров тогда еще не было). Огонь не могли остановить — сотрудники и пожарные выбрасывали мокрые и обгоревшие старинные фолианты из окон прямо во двор. Я стояла внизу и собирала преимущественно книги по естественной истории (XVIII, XIX век) из библиотеки Карла Бэра, основателя эмбриологии. Набирала, сколько могла, и тащила на кафедру. Там выкинула все препараты из термостатов (погубив свои и множество опытов своих коллег) и заставила все полки умирающими книгами — сушить. В те дни по всему Ленинграду самые разные люди стояли у столов и гладили утюгами страницы промокших фолиантов — только так можно было их спасти. На одну книгу уходило не меньше двух часов. Потом, когда все улеглось, мы возвращали высушенные книги в библиотеку. Так вот, среди прочих у меня оказалась книга с названием «Женский вопрос в России», 1893 года издания. Когда я взялась ее сушить, была поражена — страницы в ней были не разрезаны. Понимаете, Алена? В крупнейшей библиотеке Петербурга-Ленинграда за сто лет не нашлось ни одного человека, которому захотелось бы ее прочитать...

Я видела, что на глазах чувствительной Алены выступили слезы — ей было жалко книги... Как же мне объяснить этому заводскому мастеру, что нужно его жене?! — думала я.

— Вы придете еще поговорить? — спросила я. — О женском вопросе. И вообще...

— Да, — смущенно сказала Алена, утирая глаза. — Конечно, приду, интересно с вами. Я думала, вы будете уговаривать меня к Пете вернуться...

Все-таки пришла! — подумала я. — Значит, хочет, чтобы поуживались. У Пети есть шанс!

Работать с Аленой было легко. Она как губка впитывала все подряд и всему радовалась — какой, оказывается, мир огромный и сколько в нем всего интересного. А вот растолковать Пете, что именно он должен регулярно говорить жене и какие поступки совершать, помимо принесения в дом полочки и приколачивания полочек... это было затруднительно, скажем прямо.

Но однажды они пришли вместе, и я поняла, что женский вопрос в их семье как-то разрешился. А женский вопрос в России... да бог с ним совсем, сто лет ждал и еще подождет, наверное!

Глава 21. Закон джунглей сегодня

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

— Горе не мешает наказанию. Только не забудь, Багира, что он еще мал!

— Не забуду! Но он натворил беды, и теперь надо его побить. Маугли, что ты на это скажешь?

— Ничего! Я виноват. А вы оба ранены. Это только справедливо.

Багира дала ему с десятков шлепков... Когда все кончилось, Маугли чихнул и без единого слова поднялся на ноги.

— А теперь, — сказала Багира, — прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что с наказанием кончаются все счёты. После него не бывает никаких придираков.

Р. Киплинг

Симпатичный мальчишка лет трех с половиной, с упрямой складкой между светлых бровей и гипердинамическим синдромом в анамнезе быстро освоил все имеющиеся в кабинете машинки и деловой походкой отправился в предбанник, где на двух тумбочках и стеллаже тоже стояли кое-какие игрушки.

До этого мы уже успели поговорить с мамой об особенностях воспитания детей с гиперактивностью и о том, как реагировать родителям на Санькину агрессивность в садике и на площадке. Сам он обычно драку не начинал, но, если обижали или отбирали чего-нибудь — кидался с кулаками, не глядя. Девочка перед ним или вдвое превосходящий по возрасту противник — все эти мелочи значения не имели.

Мать, как ни странно, была, в общем-то, не против драк («Ну какой же мальчишка без драки вырос!»), ее расстраивала только Санина «неразборчивость», ну и, конечно, жалобы родителей и воспитателей.

— Саня, то, что на тумбочках и на полках — можно брать, а в тумбочки не лазай — там всякие предметы логопеда хранятся, это — нельзя! — крикнула я.

— Эх, — покачала крупной головой мать. — Зачем же вы так сказали?! Он бы сам, может, и не сообразил, а теперь непременно в эти самые тумбочки и полезет...

— Ну, может, еще и не полезет? — усомнилась я. — Или хоть не сразу?

— Полезет. Сразу, — вздохнула мать. — Такой вот поперечный характер!

Женщина оказалась права — мы с ней не увидели, но услышали, как со скрипом открывается дверь тумбочки. Я еще не успела никак отреагировать на происходящее, как она уже заорала:

— Что ж ты делаешь, паршивец ты этакий! Доктор тебе чего сказал, а?! В тумбочку не лезть, а ты?! Иди сюда немедленно!

Дальше произошло удивительное.

Чтобы понять это, читатель, вам надо представить диспозицию. Я сижу в кресле у стены, сбоку от двери. Что делается в предбаннике, не вижу совершенно. Мать Саньки сидит напротив меня, на банкетке у окна, к двери под некоторым углом, но, в общем, проем ей виден.

И вот я в профиль вижу, как из двери выходит Санька. Только не лицом вперед, как следовало бы ожидать по ситуации, а прежде всего появляется медленно из проема такая отключенная задница.

Я в недоумении созерцаю картинку, потом спрашиваю:

— Послушайте, мамочка, а отчего это у вас ребенок так странно в дверь входит?

— Как отчего? — удивляется моей непонятливости мать Саньки. — Нарушил ваш запрет? — Нарушил! Вот, теперь идет по заднице получить. Обормот он, конечно, обормот, но не дурак же. Закон понимает.

Немая сцена.

Довольно часто ко мне приходят молодые (или не очень) родители и спрашивают что-то вроде: «А вот если он меня довел, и я ему затрещину отвесила — это нанесло ему психологическую травму или как?», «А если я ребенка иногда по попе шлепаю, это считается, что я его бью или нет?» или даже просто: «Вот вы, как специалист, как считаете: можно детей в наказание бить (испокон же веков били!) или нельзя ни в коем случае, нарушается же структура личности — вон, мы в журналах прочли!?»

Моя позиция по этому вопросу очень простая, если не сказать примитивная. Отчасти она, возможно, обуславливается тем, что по первому образованию я — зоолог.

— Нет, — отвечаю я озабоченным родителям. — Если он вас довел, а вы его шлепнули, вы не нанесли ему непоправимую психологическую травму. Успокойтесь. Но одновременно отдайте себе отчет в том, что и к воспитанию ребенка ваш поступок не имеет никакого отношения. Это вы просто не справились с конкретной ситуацией и эмоционально разрядились на ребенке таким вот способом. Способ разрядки, надо сказать, весьма древний — древнее и некуда, пожалуй.

Традиционная порка по субботам — это действительно было такое воспитание. Воспитание превосходящей силой, почти на уровне закона джунглей. Но приемлем ли в настоящее время и для вас лично этот метод? Ведь он держался на общинном сознании и безусловном уважении права старшего. Кстати, этот метод не обязательно подразумевает битье в чистом виде. Это может быть и грозный рык, и визгливые вопли, от которых детеныш в самом прямом смысле леденеет (от страха включается в реакцию парасимпатическая нервная система), и уничтожение презрением, и наказание лишением чего-либо. Но как быть сегодня с мальчиком и особенно с девочкой-подростком, которые привыкли к целой обойме современных методов? Ведь сегодняшний социум, в отличие от древнеобщинного, довольно быстро (годам к 13 наверняка) объяснит им, что не такая уж превосходящая сила эти предки. И растущее существо однажды противопоставляет силу силе, крик крику, шантаж шантажу. И что тогда? Ведь воспитывать-то его все равно надо, и опасностей, от которых следует оберечь именно воспитанием, в этом возрасте не меньше, а может быть и больше, чем в более ранних периодах. Так не лучше ли с самого начала предпочесть другие методы воспитания и опираться на них?

Что же касается Саньки и его мамы, то для них опасность состояла в другом. Заметим, что знание «закона» ни на минуту не остановило Санькино любопытство в отношении содержимого тумбочек. Возмездие он воспринимает как закономерное следствие нарушения

запрета. Так устроен мир — ну что ж, другого мира у него все равно нет. К тому же у детей с синдромом СДВГ часто высокий болевой порог — руку отобьешь, пока «достучишься». Но довольно быстро к ним приходит догадка: если не узнают, то закон можно обойти. И в тумбочку влезть, и по заднице не схлопотать. В результате получаются люди, которые чтят, подобно Великому Комбинатору, Уголовный кодекс и не воруют потому, что боятся — посадят в тюрьму. А если твердо уверены, что не поймают, могут и украсть... Вам это надо?

Глава 22. «Защита Лужина»

— Он ничего не говорит! Последнее время мне кажется, что и не понимает, — мама была в отчаянии. — Я спрашивала у психиатра, мы же делаем все, что надо, почему нет прогресса? Так он знает что мне сказал: а вы не думали о другом ребенке? А этого куда? На помойку?!

— Замолчите! — прошипела я. Пятилетний ребенок был тут же, в кабинете, и спокойно строил гараж для машин из большого конструктора. — Будете отвечать строго на мои вопросы.

В качестве сопутствующих проявлений *ММД (минимальная мозговая дисфункция)* Никита имел гиподинамический синдром, а также очень сложный и тяжелый дефект речи. Прежде он много говорил, но на своем языке. Его не понимали даже родители. Постепенно мальчик перестал даже пытаться что-то сказать и перешел на бедную, но всем понятную жестовую речь. Речь Никита понимал, но из-за отсутствия полноценной коммуникации у него наблюдалось явное отставание в развитии. Три логопеда отказались от работы с мальчиком, потому что тот не хотел выполнять их задания, и последний посоветовал родителям обратиться к психиатру.

Психоневролог выполнил положенные обследования, но не нашел ничего особенного. От выписанных им таблеток Никита становился еще более вялым и тихо сидел в углу, перебирая какие-то тряпочки и игрушки, сортируя их по ему одному известному принципу. Психиатр дал направление в дневной стационар, сказав, что ребенку нужно общение. Мама отказалась: «там же одни идиоты!» — объяснила она мне. Раньше Никита нормально общался с детьми на площадке, принимал участие в общих играх, но в последнее время отсутствие у него речи стало вызывать заметное удивление сверстников и особенно их родителей. Никита стал играть отдельно от всех.

Ситуация явно усугублялась, и женщина просто не знала, куда кинуться.

— Я ведь все делаю! — как заклинание повторяла она. — Он родился с проблемами, это да, но ведь я никогда не опускала руки, я боролась, выполняла все рекомендации специалистов...

— В семье все нормально? — для порядка спросила я. Ребенок был явно «неврологический», с последствиями родовой травмы, но все же...

— Да-да, — подтвердила женщина. — Мы живем с мужем и мамой. Мама мне с Никитой и по хозяйству помогает, а муж по большей части на работе и в наши проблемы особенно не вникает. Но отношения у нас хорошие, никогда никаких ссор, скандалов...

— А ваш муж может общаться с сыном?

— Ну... да... — несколько неуверенно сказала мама Никиты. — Они телевизор вместе смотрят, в компьютер иногда... мне, правда, невропатолог сказал, что Никите много вредно... В выходные они обязательно гуляют — муж на скамейке с компьютером сидит, а Никита на площадке — поговорить-то с ним нельзя...

Да уж, назвать это общением довольно затруднительно...

Что-то зацепило меня в этом рассказе, но что именно — я не успела сообразить. И потому пошла банальным путем.

— Ну что ж, — сказала я. — Давайте попробуем позаниматься.

Разговаривать, играть и вообще общаться со мной Никита отказался, но глаза у него были умные — и потому я надеялась. Не слишком профессиональное наблюдение, понимаю... Не имея дефектологического образования, я почти никогда не преуспеваю в занятиях с умственно отсталыми детьми, зато аутистам, ребятам с *СДВ (синдром дефицита внимания)*, «пограничникам» и прочим «странным» ребятишкам я обычно нравлюсь, и в конце концов они идут на контакт.

Сначала Никита не слишком-то мне доверял, и наше общение было довольно странным — я говорила обо всем подряд (например, рассказывала, как в юности работала в зоопарке), а мальчик упрямо молчал, сидя в кресле и глядя в пол. Однажды я дала ему в руки сложную китайскую головоломку (большинству взрослых она не по зубам), и вдруг Никита практически мгновенно сложил ее. Я решила, что это случайное совпадение, и высыпала на ковер еще несколько аналогичных игр попроще. Мальчик впервые за все время знакомства улыбнулся, повозился минут пять, а потом вполне отчетливо произнес:

— Готово! — и знаками показал, что хочет еще.

В течение ближайшего часа выяснилось, что, если вербальный интеллект Никиты вообще с трудом обнаруживается (из-за отсутствия речи), то его невербальный интеллект «тянет» на семь-восемь лет (а по отдельным заданиям — и больше).

— Ты всех обманул! — сказала я Никите. — Все думали, что ты ничего не можешь, что ты глупый. А ты, оказывается, вот что можешь! Даже не все взрослые могут так. Ты — умный! Значит, ты можешь и говорить тоже.

— Я. Говорить. Нет. Умный. Нет, — с огромным напряжением, но опять же вполне узнаваемо сказал Никита.

— Чепуха! — возразила я. — Вот! — я кивнула на собранные головоломки. — Это — доказательство. Я тебе не верю. Ты — можешь!

Несколько секунд Никита молчал, понуро глядя в пол, а потом вдруг заговорил, захлебываясь, всхлипывая... и совершенно непонятно. Мне оставалось только ждать, когда он остановится.

— Что? — спросил мальчик в самом конце.

— Я поняла, — наобум заявила я. — Не слова. Ты сказал, что у тебя ничего-ничего не выйдет. Что ты уже пытался научиться и ничего не получилось. Что тебя все равно никто не поймет, вот как я сейчас тебя не понимаю. Так?

— Так, — удивленно кивнул Никита. Мне показалось, что на самом деле он в основном говорил что-то другое, но ради сохранения контакта предпочел убедить себя, что я все угадала правильно.

— Мы будем учиться с самого начала, — предложила я. — Вот на этих заданиях. Вот здесь нужно считать две клеточки вверх, а здесь — вниз. Ты все это сам сделал и правильно решил

задачу. А теперь скажи: вверх!

— Верх!

— А теперь скажи: вниз!

— Низ!

— Вот видишь, у тебя все получается. Главное, что мы теперь знаем: ты умный, ты все сможешь.

Я попыталась объяснить матери, как учить Никиту говорить через решение пространственных задач. Она не поняла, так как ее собственный интеллект был откровенно вербальным. Но отец Никиты — математик, преподаватель Электротехнического института.

— Ведите сюда папу, — велела я.

— Он не пойдет, он во все это не верит, — сказала она.

— Так объясните ему.

— Он меня не слушает.

И тут вдруг я поймала в их семье то, что потеряла раньше: супруги живут вместе восемь лет и «никогда не ссорились». Как это возможно?

— Хорошо, — сказала я. — Я позвоню и сама с ним договорюсь.

Папа Никиты понял меня с полуслова. «Компьютер использовать можно или только кубики-картинки?» — спросил он. — «Можно, — ответила я. — Но не злоупотребляйте. У детей этого возраста мышление наглядно-действенное. Им надо все трогать, манипулировать предметами».

Буквально через два месяца Никита уже мог говорить простыми предложениями из двух слов. Мама тут же решила принять участие в процессе и отдала сына в ближайшую «обучалку-развивалку». Сходив туда три раза, Никита категорически отказался от дальнейшего посещения.

— Они смеются, — кратко объяснил он мне.

Спустя еще некоторое время выяснилось, что мальчик легко обыгрывает обоих родителей во все логические игры. Я посоветовала маме сделать набоковскую «Защиту Лужина» своей настольной книгой. Она восприняла это как изощренное издевательство. Папа отвел сына в шахматный кружок. Три месяца пребывания в кружке Никита молчал. Потом однажды сказал:

— Не так надо! — сел за доску и выиграл из заведомо проигрышной позиции.

— Малыш, ты — гений! — сказал руководитель кружка и обнял мальчика. Никита разрыдался.

— Молчание Никиты и его никому не понятная речь — это проекция? — сказала я папе. Вопрос в конце моей реплики едва угадывался.

— Да, — согласился мужчина. — Мы давно друг друга не слышим. Но я консервативный человек и уже привык. К тому же у нас сын.

— Ваш сын годами пытался показать вам, что так жить неправильно.

— А что я еще могу? — развел руками папа. — Я с ним занимаюсь, как вы велели.

— Никиту «разговорила» я, — сказала я маме. — Представьте, что кто-нибудь научится слышать вашего мужа и хотя бы иногда говорить с ним на его языке.

— Но что же делать?! — на глазах женщины показались слезы.

— Учитесь, — пожала плечами я. — В нашей культуре чувствовать и говорить об этом — прерогатива женщин. Если хотите, есть всякие тренинги...

— Да! Я пойду! — мама Никиты приободрилась. — Я буду бороться за свою семью!

Я только вздохнула... Ох уж мне эти борцы...

Сейчас Никите одиннадцать лет. Он мало, но вполне понятно говорит, пишет с чудовищными ошибками, с трудом читает вслух (про себя он читает прекрасно, его любимая книга — трилогия «Властелин колец») и имеет твердую двойку по русскому языку. Из класса в класс его переводят только потому, что он чемпион города по шашкам среди юниоров.

Глава 23. Злыдня

— Хочу, чтобы вы сразу знали — вся проблема во мне и дети тут ни при чем, — напористо произнесла женщина весьма монументальных форм, похожая на актрису Нонну Мордюкову в ее зрелые годы.

— Тогда, может быть, вам следует обратиться к взрослому психологу в районную консультацию? — предположила я.

— А как же дети?! — весьма непоследовательно воскликнула женщина. — Они же сволочами вырастут!

— О господи, — вздохнула я. — Ладно. Сядьте сюда и расскажите все по порядку. Сколько у вас детей и что вас в них беспокоит?

— Двое — мальчик и девочка. И глядите: у дочки с детского садика есть лучшая подруга Варечка. Чудесная девочка, добрая, спокойная, очень талантливая, с пяти лет на фортепиано занимается. Варечка с дочкой в один класс пошли, за одной партой сидят, в школу, из школы — только вместе. И вот Варечка победила в каком-то конкурсе юных исполнителей. Пригласила нас с дочкой на торжественный концерт. В филармонии была вся такая красивая, в длинном платье, с локонами, играла — так хорошо, прямо до слез. А вечером вдруг моя мне и говорит: мама, я понимаю, что это нехорошо, но только я Варьку почему-то сегодня ненавидела... Каково, а?

Прежде чем я успела как-то отреагировать, женщина продолжила свой рассказ.

— Теперь сыночек... Все у него придурки. Ни про кого из одноклассников или учителей доброго слова сам не скажет, приходится клещами тащить. Потом оказывается, что Ваня все-таки дал ему контрольную списать, Дима перед учительницей заступился, а Рифкат рисует и делает чудесные компьютерные мультики... Вот видишь! — говорю. А он: ну и что, я бы тоже так мог, если бы вы мне такой комп, как у Рифката, купили.

— То есть, вас волнует, что ваши дети не умеют радоваться чужим успехам и спокойно признавать чужие достижения, — спросила я. — Правильно?

— Конечно! А только откуда бы у них что взялось, если я сама... злыдня! И ничего с этим поделать не могу!

Я, не удержавшись, широко улыбнулась. Уж очень неожиданным словом охарактеризовала себя моя посетительница.

— Вам смешно? — горько спросила она. — А мне вот не до смеха, между прочим...

— А в чем же это у вас-то выражается? — спросила я.

— Да я и сама радоваться не могу! Даже если подружка-расподружка...

— А сочувствовать, если у подруги горе?

— Ну, это конечно! Что ж мы, не люди, что ли? Вот у моей с техникума подружки в позапрошлом году у сыночка пятилетнего заподозрили онкологию на ножке, в больницу их положили. Так я только что на стены не лезла, всех своих извела, в три церкви ходила, а когда назавтра должен был главный анализ прийти, так я всю ночь не спала, сидела на кухне, чай гоняла и только все повторяла как заведенная: «Господи, ну пожалуйста! Господи, ну пожалуйста!»

— И что? — не выдержала я.

— Обошлось!.. А год спустя у той же подружки — радость. Она сыночка-то одна растила, а тут встретила мужика. И не мужик, а золото просто — руки, голова и, главное, душа на месте — сынка сразу за своего признал, и к ней так хорошо, сразу видно — любит. Думаете, я за нее порадовалась?

— Подозреваю, что — нет, — улыбнулась я. — Вот! — женщина подняла толстый палец. — То-то и оно! Наоборот, даже дружить с ней стала меньше... Чего же от детей-то ждать, если у них мать такая?.. Так вы мне скажите теперь, можно это как-то лечить, что ли... Или, как у нас бабушка говорит, только в церковь с этим идти? Я вообще-то не очень верующая, если честно...

— Вы стремитесь к религиозному идеалу? — спросила я.

— Вы что, надо мной издеваетесь? — вопросом на вопрос ответила она.

— Видите ли, в мире наверняка существует некоторое количество очень продвинутых духовно людей, которые способны радоваться радостью любого человека. Но большинство обычных нормальных людей, как правило, готовы помочь чужому горю, а вот порадоваться чужой радостью... эта способность включается только для самых близких, например, собственных детей или, наоборот, для совершенно чужих. Вот смотрите: у меня есть маленький пациент, который родился сильно недоношенным, с самого рождения почти ничего не слышит, и теперь вот стал слепнуть. Интеллект у мальчика сохранен, и есть возможность спасти зрение. Но операция очень дорогая, сейчас они собирают деньги. Вы порадуетесь, если у них все получится и мальчик не ослепнет?

— Да конечно порадуюсь! Дай им бог!

— А если бы ваш сын победил на математической олимпиаде? Радость?

— Ой, радость, — сказала женщина, и по ее тону я поняла, что математические победы мальчишке не светят совершенно.

— Если мы четко осознаем и принимаем свои чувства — и позитивные, и негативные, — то это возможность работать с ними. Важно ведь, что мы делаем в реальности. Ваша дочь не пыталась облить чернилами ноты и красивое платье Варечки? Нет? А сын смотрит и наверняка хвалит приятелям мультфильмы Рифката. Вы признаете достоинства нового мужа своей подруги...

— То есть, это все нормально, что ли? — подозрительно спросила женщина.

— Разумеется, вы придете ко мне сначала с дочерью, а потом — с сыном. Мы с ними поговорим, уточним... Но то, что ваша дочь, как и вы сами, открыто призналась вам в своих чувствах и сразу же дала им оценку, кажется мне хорошим знаком... Как она сейчас с Варей?

— Да как всегда — не разлей вода!

— Вот видите...

— Да! Вы верно говорите: правда — великая сила. Я-то так за подружкой своей скучаю, прям сказать не могу... Сей же час, как выйду, позвоню ей и скажу: Райка, да я тебе просто обзавидовалась, и все тут! Давай в воскресенье пельменей налепим!

Я улыбалась уже не переставая, представляя реакцию Райки и последующее объяснение подруг. Женщина попрощалась и пошла к выходу, но на пороге вдруг обернулась и достала из сумки кошелек.

— Так тот мальчик-то ваш... — нерешительно сказала она, разом растеряв свою напористость, — которому на операцию... Много мы не можем, но хоть что-то, вот, возьмите... Вы ведь сумеете передать?

Я кивнула и взяла деньги. «Злыдня» облегченно вздохнула и закрыла за собой дверь. Больше я ее никогда не видела.

Глава 24. Жить в отдельном домике

Женщина с виду была похожа на писательницу Оксану Робски, только нашего, петербургского разлива. Помягче черты лица, да вместо сканирующего пространство взгляда — плавающая сиреневая задумчивость в карих глазах.

Ребенок, девочка лет пяти-шести, напоминал чертика. На ней были полосатые шерстяные гетры, тяжелые, наверное, очень модные ботинки, красная с черным юбочка и какие-то странные, тугие косички, стоящие торчком по всей голове.

Поздоровавшись и уверенно назвав имя-фамилию-адрес, девочка сразу же направилась к полкам с посудой — играть. Женщина молча сидела в кресле, расслабленно опустив на колени ухоженные кисти, доброжелательно осматривалась и как будто чего-то ждала.

На мгновение мне показалось, что она что-то перепутала и решила, что находится где-то вроде спа-салона. И ждет, что сейчас я начну рекламировать имеющийся ассортимент услуг: а вот детский психоанализ Анны Фрейд, гештальт-терапия, песочная терапия по Юнгу... если пожелаете, новинки — сказкотерапия...

И девочка Надя, и ее мать Вероника выглядели вполне благополучными и, по счастью,

здоровыми людьми, любящими друг друга.

— Вы хотели бы протестировать ребенка на предмет школьной зрелости? — вежливо спросила я. Возраст девочки делал данное предположение вполне вероятным.

— Нет, — Вероника на мгновение как будто очнулась. — Дело не в этом.

— А в чем? — я не дала молчанию (которое разбивалось лишь бормотанием девочки, деятельно занимавшейся приготовлением кукольного обеда из каштанов, желудей и ракушек-каури) устояться.

— У нее волосы выпадают, — шепотом сказала женщина.

— Косички расплести не пробовали? — спросила я. На вид с девочкиными волосами все было как будто бы в порядке.

— Нет, нет, мы специально так, чтобы не видно было... А можно мне с вами наедине?..

Ага! Скелеты в шкафу! — догадалась я и, с сожалением оторвав девочку от игры, отправила ее в другую комнату смотреть тест-книжку про котов.

— Я слушаю вас.

Все тем же полусшепотом Вероника рассказала мне, что ее дочь интересуется вопросами жизни и смерти, и как-то раз хотела нарисовать, но почему-то так и не нарисовала рисунок, в котором мама, папа и она сама жили в отдельных домиках.

Я объяснила, что первые экзистенциальные вопросы: «Мама, а ты умрешь?», «А все люди умрут?», «А где теперь баба Света?» — встают перед человеком как раз в этом возрасте. Поводом (но не причиной!) для их возникновения часто служит какой-нибудь трагический случай (машина сбила котенка) или наблюдение (в случае с девочкой этим толчком стала торжественная церемония похорон патриарха Алексия II, виденная по телевизору вместе с мамой). А толковать вне контекста детские рисунки (тем более, не нарисованные, а только задуманные) я бы никому не советовала.

— Так что же вы хотели мне сказать наедине?

— Вот это и хотела, — удивилась женщина.

Я тоже удивилась и вернула Надю обратно, к ее недоваренному обеду. В книжке девочка показала мне найденных ею котов, похожих на членов семьи (такое было задание). Кошка, похожая на маму, стояла поодаль от всех и опасно смотрела через плечо.

— Так что же с волосами?

Волосы у Нади стали выпадать два года назад, на фоне полнейшего благополучия. Девочка живет в полной семье, ничем особенно не болела. Мама сидит дома и уделяет ей много внимания. Папа — довольно крупный предприниматель, но в редкое свободное время совсем не прочь повозиться с дочкой или съездить куда-нибудь развлечься всей семьей. Есть бабушка и дедушка, обожающие внуку. У девочки спокойный и легкий характер, она охотно общается с другими детьми и любит играть «в Белоснежку».

Семейный педиатр сказал: надо искать системное заболевание.

Были задействованы самые разные специалисты. Некоторые из них находили по своей части какие-то отклонения, которые были тщательно пролечены самыми современными препаратами. Волосы то вроде бы отрастали, то выпадали вновь (вплоть до образования обширных лысин).

В конце концов кто-то посоветовал обратиться к психологу. Я была четвертым по счету специалистом. Предыдущих трех вызывали на дом. Один сказал, что девочка сама тайком выдирает себе волосы (мне это тоже уже приходило в голову, но уж больно солнечным человечком смотрелась Надя) и предложил для начала годовой курс психоанализа по два-три раза в неделю, другой велел не баловать ребенка и гнать глистов, третий — настаивал на трансцендентальной коррекции биополя.

У меня возникли некие подозрения. Симптом Нади выглядел как *чужой* симптом. Но тогда чей же он? Искать его имело смысл в семье.

— А чем вы сами по жизни заняты, Вероника? — спросила я. — Кто вы по образованию и вообще?

— Ничем... Так как-то... Недавно вот курсы дизайна интерьеров закончила... А по образованию — сначала педагогическое училище, художественное отделение, а потом — институт, учитель младших классов...

— Вы работали учителем?

— Нет, нет, я детей боюсь!

— А зачем же пошли учиться?

— Мама у меня работает в образовании, она посоветовала...

— Ну а потом?

— Потом я вышла замуж, родила Надю...

— И?

— Муж сказал: зачем тебе работать? Сколько ты заработаешь? Занимайся ребенком, собой...

— У вас есть друзья? Свой круг?

— Девочки из училища как-то давно потерялись... Из института... Они все в школах работают, на полторы-две ставки, дети... Им некогда.

— С кем же вы общаетесь?

— С дочкой, конечно... Мы читаем, играем... Ну, иногда с друзьями мужа, семьями собираемся, едем куда-нибудь.

— Чего бы вы хотели сделать из того, что еще не делали?

— Я бы... я бы хотела сидеть где-нибудь и, может быть, расписывать что-нибудь или украшать. Сувениры какие-нибудь. И чтобы людям польза и радость была, для чего-то ведь я училась все-таки... А так не хватает чего-то... жизнь какая-то... не то чтобы совсем пустая, но...

— Лысоватая? — подсказала я.

Глаза Вероники расширились от изумления, лиловая муть куда-то подевалась, а на щеках вспыхнул румянец.

В этот момент я наконец поняла, почему отослали Надю. Ведь Вероника действительно говорила в тот момент не о дочкиных, а о *своих* проблемах. Это она сама, всю жизнь слушававшаяся других людей и поступавшая в соответствии с их указаниями, перестала понимать, зачем живет, и задумалась о смысле жизни и смерти. Это она сама пришла к пугающей ее гипотезе, что, если бы она смогла обособиться от опеки родных (жить в отдельном домике!), ей было бы легче самореализоваться.

Муж-предприниматель (старше Вероники на 17 лет) был готов оплачивать все потребности, развлечения и даже причуды жены и дочери, но не слишком стремился к эмоциональному общению и разговорам «по душам».

Единственный человек, с которым близко общалась Вероника последние годы, — это ее дочь Надя, которая очень любит свою маму и подсознательно чувствует ее состояние (замкнувшись в себе, опасаящаяся всего мира кошка на картинке). Дети не только чувствуют, они еще и реагируют. Надя — благополучный, любимый ребенок, у нее нет психологических проблем. Поэтому на проблемы мамы отреагировала Надина соматика — причем вполне проективно и конкретно.

Через две недели Надю отправили в хороший садик (подальше от маминых проблем). Ей там очень понравилось. Еще через полтора месяца Вероника решила: наплевала на мнение всех, кто крутил пальцем у виска, и стала работать в керамической мастерской. И одновременно по моей наводке занялась благотворительностью в детском реабилитационном центре. Там у нее что-то вроде искусствоведческого кружка.

Волосы у Нади, как вы понимаете, отросли быстро, и теперь она носит симпатичную пушистую стрижку.

Глава 25. Игры нашего двора

Наступила весна. Почти незаметно растаял снег, многократно прославленный в эту зиму средствами массовой информации, пробежали ручейки, высохли под смеющимся апрельским солнышком куски потрескавшегося асфальта. Зачирикали пережившие зиму воробьи и освободившиеся от зимних одежек ребятишки. Я иду с работы через дворы и чувствую, что в этой звонкой городской весне мне чего-то не хватает... Чего же?

После экспресс-самоанализа становится ясно: на освободившемся асфальте нет разноцветных меловых рисунков (корявые солнышки, рожицы, зайчики, буквы, которые, пыхтя от усердия, рисуют присевшие на корточки малыши). И — главное! — нет «скачков» для «классиков». Вы их помните? На первом же куске сухого асфальта в нашем дворе (центр города вблизи Александро-Невской Лавры) самая взрослая, с самым точным глазом девочка рисовала большой, геометрически выверенный неуклюжими скороходовскими туфельками «скачок». Потом он многократно обновлялся и жил до осени. В нем был «котел» (если битка попадала туда, она «сгорала»), «порог» и десять «домиков». Тонкостей сложнейших правил я уже не помню, но виртуозы нашего двора доходили в этой игре до каких-то по-истине немыслимых высот — на одной ножке кругами прыгали через две клетки, подгоняя битку, которая ни в коем случае не должна была остановиться на черте. Я — крупная, довольно неуклюжая девочка, в виртуозах «классиков» не числилась. Зато у меня имелась невероятно ценная «битка» —

тяжелая коробочка из-под старой дедушкиной сапожной ваксы, набитая песком и искореженная так, что при броске она никогда не открывалась...

Вторая весенняя игровая возможность — «школа мячиков», или «десяты». Нужно для них всего ничего: прыгучий мячик, кусок стены без окон и кусок сухого асфальта без трещин (чтобы мячик отскакивал ровно). Всем двором играли часами (здесь и мальчики принимали участие), уровней запланированного правилами совершенства было больше, чем наших возможностей, но — двойной поворот с закрытыми глазами и поймать; кинуть назад об стенку и перепрыгнуть — а вокруг, замерев с открытыми ртами, подружки желают тебе успеха и поражения одновременно...

Много было и игр с «правилами». Кроме стандартных прятков и пятнашек — «штандер-штандер». Там нужно было высоковысоко бросать мяч и разбежаться. Забавно и урбанистически модифицировалась у нас в Ленинграде игра «белка на дереве». Мы росли в заасфальтированных проходных дворах старого центра, в которых деревьев почти не было, и потому играли в «белку на железе» — «домики», в которых водящий не мог «пятнать», у нас были на канализационных люках, на водосточных трубах, на пожарных лестницах. «Белка на железе» — чаплинский такой немного юмор...

Еще были «стрелки». Носились по темным проходным дворам команды, преследуя друг друга и ища на асфальте и стенах стрелки, второпях нарисованные обломком кирпича.

Разумеется, прыгали через скакалку. Двое крутят, третья прыгает. Но эта школа в мое время уже, кажется, умирала, старшие рассказывали о каких-то чудесных «скакалочных» подвигах, которые в мое время уже никто не мог повторить.

Зато прямо на моих глазах появились и захватили все «резиночки». Две девочки вставали напротив друг друга, надев на ноги и растянув обыкновенную бельевую резинку — третья прыгала между ними. В «резиночки» играли не только во дворах, но и в школе.

Были и «ножички», не слишком одобрявшиеся взрослыми. Ножей не давали, не покупали, поэтому брали из дома и методично втыкали в землю напильники.

Силу и ловкость развивали игры в «вышибалы» и «Али-баба? — О чем, слуга?».

Нечасто, но бывали игры, отражавшие исторические и культурные события. Еще били «фашистов» и «беяков», летали в космос на фанерной ракете, помню, как в детском саду играли в «Майора Вихря» (одноименный героический фильм о разведчике). Интересно, играли кто-нибудь в Штирлица?!

Имелись в нашем дворе и игры, способствующие одновременному развитию физических и приблизительно интеллектуальных способностей: «съедобное-несъедобное» «Я знаю пять имен девочек» (тоже с мячом, на быстроту реакции), «Где мы были, мы не скажем, а что делали — покажем».

К этому традиционному и передававшемуся из поколения в поколение игровому пиршеству добавлялось все прочее: качались на досках, цепочкой ходили, раскинув руки, по всем барьерам и ограждениям, лазали по сараям, пожарным лестницам, гаражам и строили «домики» на деревьях. Под чахлыми кустами шуршали чисто «девчоночьи» игры — в консервной банке варили суп из цветков мать-и-мачехи, ходили в гости облезлые куклы в самодельных платьицах, которым и не снилось гламурное великолепие «барбей». В углу за водосточной трубой мальчишки втайне обсуждали опасный набег на закрытую заводскую помойку.

Что я еще забыла? Сверстники — напомните!

Обобщая, можно сказать, что дворовая игровая субкультура готовила нас, молодых павианчиков, к взрослой жизни — развивала силу, ловкость, равновесие, быстроту реакции, сообразительность, умение подчиняться правилам и умение работать в команде.

Что же теперь? Недавно в блоге был материал о том, что дети больше не гуляют во дворах. У нас, в том районе, где я сейчас живу и работаю, — вполне гуляют. Много красивых детских и спортивных площадок (нам и не снилось!) с малышами и младшими школьниками, на лавочках и школьных крыльцах сидят и стоят компании подростков.

Но они практически не играют! Может быть, я просто не вижу?

Расспрашиваю тех, кто приходит ко мне на прием. Первым делом называют футбол (у каждой школы — хорошее поле), подумав, вспоминают еще две-три игры. Все.

А что же вы делаете, когда гуляете? — Да так все как-то... Разговариваем. В магазины заходим. В приставки играем. И вообще...

Давно не видела домиков на деревьях. На асфальте нет «скачков» или они какого-то одноразового и совершенно дегенеративного вида. Никто не ходит по загородкам. «Школу мячиков» не встречала уже лет семь-десять.

Я ошибаюсь? Молодежь — возразите!

Меньше всего я склонна причитать: ах-ах, как все испортилось! Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно. Если их тушат, этому тоже есть какая-то причина.

Игры детенышей у млекопитающих имеют совершенно отчетливый и никем вроде бы не оспариваемый смысл: они готовят зверят к взрослой жизни, развивают необходимые в ней навыки и умения. Олененок, рысенок и выдренок играют по-разному. Думаю, никому не надо объяснять, почему это так.

Давайте думать. Двор моего детства готовил сильных, ловких, способных к самоорганизации приматов с очень низкой степенью специализации. Последнее подчеркнуть. Мы не пахали как бы землю и не пасли как бы скот, как крестьянские дети. Не изготавливали маленькие бумеранги, как австралийские аборигенчики. Не гоняли игрушечные олени стада и не запрягали собачью упряжку, как дети чукчей. Не играли в «Монополию». Друзья моего дворового детства — это дети служащих и городского пролетариата, которому, как известно, «нечего терять, кроме своих цепей. А приобретут же они весь мир». Приобрели. Что могли, в нем построили.

Дальше. Перестройка. Модернизация et cetera. Смотрим, что делают теперешние дети, к чему они готовятся. Разговаривают (куда лучше, чем мы, в их возрасте мы были почти бессловесными), в игры с правилами играют только по инструкции (компьютер) или под руководством взрослых (это удобно, легче будет ими управлять). Знают языки и вообще больше и разнообразнее информированы (мы ничего толком не знали о мире, а железный занавес считали естественным предметом международной обстановки). Любят посещать магазины (естественно, если не вырастим потребителей-маньяков, кто же все это избыточное барахло покупать станет?). Не пережевывая, могут проглотить невероятное количество информации (кино, музыка, телевизор, реклама и т. д.) Трогательно привязаны к своим гаджетам, а к реальным, неадаптированным контактам относятся достаточно настороженно (даже на тот двор, где и должно вроде бы проходить их «обезьянье» становление, их родители то и дело не

пускают, загружая всякими кружками, секциями и т. д.).

Что же имеем на выходе? Вербально (иногда говорит на нескольких языках) развитый, с подавленной агрессией, общающийся с миром через «коробочку», для самореализации ждущий инструкций извне, со страстью к приобретательству и потреблению (все равно чего — от кастрюль до выставок по искусству), способный длительно (почти до старости) обучаться индивид. Собственно игровая деятельность была сублимирована в иных занятиях и часто проявляется в более позднем возрасте — ролевые игры по книгам, системные компьютерные игры, историческая реконструкция и т. д.

Добро пожаловать в будущее, дамы и господа?

Глава 26. Как воспитать чудовище?

— Доктор, мы воспитали чудовище! И теперь не знаем, что нам делать!

Немолодые, интеллигентные люди. По трудно описываемой, но легко улавливаемой синхронности движений, мимических гримасок и взглядов — явные супруги. Причем женаты уже много лет. Трагический излом бровей, готовность к поражению. С такими людьми работать обычно нелегко, они заранее, до похода сюда уже все решили и вынесли какой-то приговор. Как правило, самим себе. Но иногда, как в нашем случае, и ребенку. Впрочем, никакого ребенка при них не наблюдается.

— А где же чудовище? — спрашиваю я, стараясь придать своему голосу некое легкомыслие, ослабить трагический напор супругов. — Сбежало по дороге?

— Нет, он даже не знает, что мы здесь, — отвечает женщина.

Мужчина молча и достойно страдает. Знакомо.

— Сколько чудовищу лет?

— Тринадцать.

Что ж — возраст самый тот. Подростковый протест, все возможные формы девиантного поведения. Консервативные даже на вид родители явно не могут понять и уж тем более разделить современных увлечений сына, наверняка пытаются что-то запретить, растет раздражение с обеих сторон... Ну и что ж он, в конце концов, натворил, чтобы на красивом в общем-то лице отца появилась вот эта безнадежность?

— Наркотики? — сразу спрашиваю я. Если уже зависимость, то это не по моей части. Здесь я помочь — увы! — не смогу... Но рановато — в тринадцать-то лет! Может, просто попробовал что-нибудь достаточно безобидное? Интересно, они еще клей нюхают? Что-то мне в последние годы не попадались... Не то что в перестройку — пачками, начиная лет с десяти...

— Нет, нет! — оба синхронно мотают головами. — Что вы! Какие наркотики?!

Так, уже хорошо. Все остальное — в принципе решаемо.

— Напился, что ли? В милицию попал?

— Нет, нет!

— Дерется? Покалечил кого?

— Нет, он у нас вообще не дерется. И не дрался никогда.

— Сбежал из дома? Бросил школу?

— Нет!

— Украл деньги?

— Нет!

— Хамит? Оскорбляет вас, матерится?

— Нет, что вы, у нас в доме это невозможно... Мы никогда...

— Гм-м...

Что ж там еще остается? Неужели они нашли у парня в кармане сигареты и из-за этого устроили такое парное показательное выступление?!

— Ладно. Не будем больше в угадайку играть. Рассказывайте, что там чудовище натворило?

Рассказывает, вопреки моим предположениям, отец. Голос его слегка дрожит. Руки сжаты в кулаки на коленях. Костяшки пальцев побелели. Глаза полуприкрыты тяжелыми веками. Вправду достало, не играет...

Счастливы женаты почти двадцать лет. Ребенка родили не сразу. Сначала работали, развлекались, жили для себя. Да и время было не слишком располагающее к рождению детей — начало девяностых. Потом мама отца вышла на пенсию, поставила вопрос внуков ребром, они посоветовались между собой и решили — пора. Сразу родился мальчик — крупный, здоровый, спокойный, как по заказу. Бабушка жила с ними, охотно оставалась с внуком, не могла нарадоваться на вновь открывшийся смысл жизни. Они много работали, открыли свое дело, старались укрепить его, заработать побольше денег, правильно их вложить — теперь им было для кого стараться. Мужчина получил второе высшее образование — финансово-экономическое. Женщина окончила курсы бухгалтеров. Сын мало болел. Они заваливали его подарками, он говорил «спасибо» и целовал их в щеки теплыми губами. Казался совершенно беспроблемным. Впрочем, они его мало видели. Но бабушка-то видела его каждый день и тоже ни на что не жаловалась.

Бабушка, бывший педагог, хорошо подготовила внука к школе. Он пошел с удовольствием и первый класс окончил на отлично. Потом стал лениться, но ничего криминального до сих пор нет — четверки, пятерки, тройка по русскому языку и почему-то по географии, наверное, не нашел контакта с преподавателем. Бабушка провожала и встречала из школы. Кормила обедом. Бабушка же водила в кружки. Увлечения часто менялись: теннис, потом танцы, потом шахматы, потом карате, потом вдруг неожиданное — кружок керамики в районном клубе, где он с увлечением лепил, расписывал, обжигал, вроде неплохо получалось...

— Так, хорошо! Но что все-таки произошло теперь?

Почти полгода назад у бабушки случился тяжелый инсульт. Высокое давление, возраст... Сын с невесткой честно сделали все возможное — консультации лучших специалистов, лечение, массажи, реабилитационный санаторий. Что-то удалось восстановить. Голова, по счастью,

почти не пострадала, но моторика — увы! Ходить бабушка уже не могла. И, скорее всего, не сможет. Впрочем, руками она вполне пользуется. Может читать, писать, смотреть телевизор. Пробует вязать — с молодости этого не делала, но не привыкла к безделью, и вот...

— Алексей! Не тяни резину! Ты скажешь или нет?!! Или скажу я! — голос женщины почти сорвался на визг. Все-таки я была права: она решительней своего супруга.

Мужчина совсем закрыл глаза и замер на стуле. Женщина говорит короткими фразами, на выдохе:

— С каждым может случиться. Это жизнь. Мы ухаживаем. Когда сами. Иногда приходит сиделка. Витя уже большой. Бабушка его вырастила. Теперь она беспомощная, стесняется. Ничего не говорит. Вите скажешь — он сделает. Недавно Алексей подглядел картинку: наш сын Витя выносит за бабушкой судно, а она... — женщина всхлипнула. — Она дает ему десять рублей! И он — берет! Спокойно и привычно, как будто так и должно быть! Вы понимаете?!

— Да, неприятно, — соглашаюсь я. — А что говорит Витя?

— Ничего. И бабушка тоже. Алексей просто не смог говорить с ними об этом. Мы сразу пришли сюда. Проблема в Вите и еще в Алексее: после этой сцены он просто не может видеть сына, он им... брезгует...

— Гм-м... Вот так, да? Брезгует, значит? А позвольте спросить, сударь... Алексей, я к вам обращаюсь: за оценки платили? Ну, принесешь пятерку — получишь... сколько?

— А откуда вы знаете?! — вскинулась мама Вити. — Да, действительно... Это было в прошлом... нет, в позапрошлом году. Витя ленился, успеваемость падала, нам кто-то посоветовал, или мы где-то прочли... Попробовали, сначала вроде действовало, потом перестало, ну, мы и бросили... Но... Но при чем тут это?..

— Моя мать носила его на руках! Она убирала и мыла за ним, пока он был маленьким и ходил под себя! — прорвало наконец папу. — Она его любила и любит больше, чем меня! Совершенно бесплатно! Много лет! Это же нельзя сравнить — оценки и больной человек, родная бабушка!

— Это вам кажется, что нельзя, — вздохнула я. — А Витя думает иначе. Причем думает он так именно благодаря вам. Дети не рождаются со знанием о том, что именно можно мерить деньгами, а что нельзя. Это воспитывается, как и многое другое. С самого Витиногo рождения вы подменяли внимание к нему подарками, объясняя всем (в том числе, наверное, себе и ребенку), что вам некогда, что вы зарабатываете деньги. В позапрошлом году вы показали Вите, что даже внутри семьи возможны денежные взаимозачеты: ты мне услугу (хорошие оценки, которые так нужны зачем-то папам и мамам, но зачастую совсем не нужны детям), я тебе — денежку. Почему вас удивляет, что Витя усвоил этот урок? К тому же я совсем не уверена, что Витя изначально просил эти деньги за вынесенное судно. Я думаю, бабушка, впервые оказавшись беспомощной и тоже усвоив ваш семейный урок, сама предложила ему платить. Поговорите с вашей мамой... И приведите ко мне Витю.

* * *

Витя оказался пухлым очкариком из старых мультфильмов (по рассказам родителей я представляла его себе по-другому). Он пальцем поправлял очки и деликатно шмыгал курносый носом, то и дело прикладывая к нему белый платок.

— Я хочу керамистом быть. В «Муху» (Художественное училище им. Мухиной в Петербурге. —

Прим. авт.) поступать, а после девятого — в лицей. Мне с глиной нравится работать. Но сейчас надо рисунок подогнать и композицию, я с репетитором занимаюсь... Правда, папа говорит, что это все баловство и я должен, когда вырасту, его дело продолжить. Но мама меня поддерживает. И бабушка...

— Бабушку жалко, конечно. Она всегда такая шустрая была... Помочь ей? Да конечно, только что я могу, если даже врачи... Поговорить? Так это само собой, я теперь специально у нее в комнате уроки делаю — ей веселее, да и подскажет когда, она же учительницей работала. Подать, принести? Ну конечно... Судно? Деньги?... А откуда вы знаете?! Папа видел? И... и что?!

Я, как могу, живописую подростку реакцию родителей на подсмотренную сцену.

— О господи! — по-взрослому вздыхает Витя. — Так вот, оказывается, в чем дело! А я-то думаю, чего они меня сюда потащили? И не объяснили ничего... Конечно, бабушка сама предложила! Ну а я... Что, деньги не пригодятся, что ли? И ей вроде бы так проще... Но если б я знал, что их это так палит, так не связывался бы... Ну, разумеется, не буду, я же понимаю вообще... Да с бабушкой-то я всегда договарюсь, она лучше всех меня понимает. Вы знаете, — говорит оживленно. — Меня же она, в сущности, и вырастила... А они только подарки носили...

* * *

Мама Вити на приеме одна, вытирает глаза платком.

— Алексей не пришел. Ему... ему стыдно. Он понял, что вы во многом правы, что мы сами... но он не умеет признавать... вот так, вслух... Ему еще надо наладить отношения с Витей. Он старается... Но скажите! Я все время думаю: неужели детям нельзя дарить подарки? Если есть возможность? Это же нормально! Или: если ребенок хорошо учится, или еще что-то — должно же быть поощрение?

— Разумеется, подарки дарить надо! Но они должны дополнять, а не заменять внимание родителей. И поощрение должно быть. Вы можете сказать своему ребенку: «У тебя хорошие оценки за четверть, намного лучше, чем мы ожидали. Ты явно старался. Мы с папой решили купить тебе роликовую доску, которую ты хотел». Это — поощрение за успехи. Но нельзя сказать так: «Если кончишь четверть без троек, купим доску. Будешь убирать кровать — пойдем в цирк. Станешь гулять с собакой, будем ходить по воскресеньям в „Баскин Роббинс“». Это уже подкуп, из существования которого ребенок делает свой вывод. И кстати, что вы пообещаете такому ребенку, когда ему исполнится 16 лет и вам захочется, чтобы он тщательно готовился в институт, не посещал дурных компаний и приходил домой вовремя?

— Я как-то не думала об этом специально, — вздохнула мама Вити. — Мне казалось, все так делают. Но теперь мы постараемся...

Глава 27. О пользе глянцевого журнала

Родители были очень молодыми и симпатичными. Правда, слегка встревоженными.

Ребенку на вид исполнилось года два с половиной. Он крутил круглой, коротко стриженной головой, с лукавым любопытством поглядывал на меня и с явным вожделением — на большую машину-бетономешалку, стоящую на полке. На лбу у ребенка, ближе к правой стороне, имелась большая шишка.

— Как тебя зовут? — спросила я у ребенка.

— Денис Игоревич Страхов, — четко ответил малыш, грассируя на букве «р». — А машину можно?

— Можно, — улыбнулась я. — А где же это ты так стукнулся-то, Денис Игоревич? На горке упал?

Ребенок посмотрел на меня с недоумением и потянулся к машине.

— Он не падал, — поспешно сказала молодая мама. — Это как раз та проблема, с которой мы к вам пришли.

Я еще раз, внимательно, взглянула на шишку (Денис уже насыпал в бетономешалку желудей и теперь увлеченно выкручивал их оттуда). Шишка не была похожа на кисту и всякие другие страсти — явно травматическая природа.

— Дениса кто-то ударил? — спросила я, заранее проникаясь неприязнью к обидчику такого славного малыша. — В яслях? Дома? На площадке?

— Нет, он сам, — твердо произнес молодой папа и посмотрел на жену, взглядом оказывая ей поддержку. — Неоднократно.

— Так... — я быстренько прикидывала на Дениса все известные мне диагнозы, которые приводят к хронической аутоагрессии: аутизм, задержка развития, органическое поражение головного мозга, длительная сенсорная депривация, слепота, глухота... Ничего не подходило!

— Хорошо. Расскажите мне как, когда и в каких обстоятельствах это происходит. Как часто это бывает?

— Бьется головой об стену, — сказал папа, который явно не отличался болтливостью. — Раз в день. Или чаще.

Ситуация нравилась мне все меньше.

— Когда это началось? Что может вызвать такое поведение? Опишите какой-нибудь случай подробно, чтобы я могла себе представить...

Говоря все это, я лихорадочно листала тоненькую карточку Дениса, отыскивая и рассматривая вердикт невропатолога, ожидая от него чего-то совсем нехорошего. О чудо: невропатолог считал ребенка совершенно здоровым!

— Говорите вы! — я невоспитанно ткнула пальцем в маму Дениса.

Мама начала свой рассказ. Через десять минут я с трудом сдерживала смех. Денис полз по ковру с деревянным грузовиком и вез кубики на стройку. Стройка была в углу под раковиной.

Несмотря на молодость, родители Дениса серьезно относились к вопросу рождения ребенка. Когда будущая мама забеременела, они стали читать соответствующую литературу и посещать соответствующие сайты в Интернете. В Интернете нашлось много всего интересного. В киосках продавались красивые глянцевые журналы про кормление, уход и воспитание маленького ребенка. Они прочитали все, что нашли. Стали очень информированными и чувствовали себя готовыми к ответственному шагу.

Денис родился в срок — здоровым и крикливым. Бабушки старались помочь, но они обе тоже

были молодыми и еще работали. Молодой дедушка скрывал от своих друзей, что у него есть внук. Отец работал, молодая мама воспитывала Дениса. Когда папа приходил домой, он подменял супругу, чтобы она могла отдохнуть и даже сходить в гости к подружкам. Она предпочла бы остаться дома с любимой семьей или сходить куда-нибудь вдвоем (оставив Дениса на пару часов с бабушкой), но муж настаивал: в одном из журналов было написано, что такие походы к подружкам нужны молодой маме для сохранения семейной гармонии.

Они все делали как надо. У них все получалось. Ура! Денис рос здоровым и хорошо развивался.

В одной статье, которой оба супруга уделили особое внимание (автор — некая Е. Мурашова, психолог), был подробно описан кризис «установления границ». Это когда ребенок пробует на прочность все «можно» и, главное, все «нельзя», которые выдают ему родители и другие близкие люди. «А что будет, если я нарушу запрет?» В статье было сказано, что когда ребенок орет и падает на пол, пытаясь добиться своего, это — чистейшей воды манипуляция. Не надо «вестись» на нее — и все будет нормально, ребенок усвоит границы и перейдет к следующему этапу развития. Главное: единая позиция всех воспитывающих ребенка людей.

Начало кризиса планировалось где-то на возраст полтора-два года. Родители ждали и внимательно приглядывались к Денису. Все произошло как написано: приблизительно в этом возрасте Денис начал устраивать скандалы и перестал реагировать на обычные увещания.

Мама и папа были готовы и выступили единым фронтом: хочешь — ори, но все будет так, как мы сказали.

Денис поорал пару месяцев, повалялся на ковре и в коридоре и быстро сообразил, что все это ни к чему не приводит. Потом — парень сильный и агрессивный, с сильным типом нервной системы (в отца!) — попытался добиться своего прямой атакой. Пару раз ударил маму, поднял руку на отца. Литература не понадобилась, реакция молодого папы была жесткой и лаконичной: не будешь тут руками махать, а чтобы на мать наехать — не смей и думать! Денис заметался: ну неужели никак не удастся «подвинуть границы»?

«Креатив» подвернулся неожиданно: видимо, случайно, в пылу борьбы за что-то ребенок стукнулся головой об стенку. Мама с папой недоуменно и с опаской взглянули друг на друга: это же опасно! Голова — тонкий инструмент... И главное: про «стучаться головой» в статье ничего не было написано! Вдруг это симптом чего-нибудь ужасного?!

Денис получил требуемое. И мигом — сообразительный детеныш! — усвоил урок.

Теперь, когда Денису что-нибудь запрещают или не дают, он, не говоря дурного слова и даже не убирая с лица дружелюбной улыбки, идет к ближайшей стене и со всего размаху бьется об нее своей круглой башкой. Болевой порог у таких детей (крупных, здоровых, с сильной нервной системой), как правило, высокий, поэтому стук от этого удара идет по всей квартире. Испуганные родственники, естественно, уступают...

Интересно, — подумала я, взглянув на адрес на карточке (семья по прописке относилась к нашей поликлинике). — Знают ли они, что автор той самой статьи, психолог Е. Мурашова — это как раз я и есть?

— Мы все понимаем, — удрученно закончила свой рассказ мама Дениса. — Он нас построил и пользуется. Но что же теперь делать-то? Голова все-таки... И шишка... Нас даже на улице бабушки спрашивают.

— Ребята! — с бодрой убежденностью в голосе сказала я. — Ваш ребенок стучится головой об

стену раз в день или чаще. Это — решительно не дело. Конечно, мозг маленького ребенка эволюционно повышенно устойчив к ударам, он как бы немного плавает в некоей жидкости. Но все равно — это безобразие надо прекращать. Ваш ребенок сильный и хорошо развит интеллектуально. Вы ему говорите: «Мы разгадали твою уловку. Ты стучишься головой, чтобы получить вот эту коробочку. Этого не будет. Ты можешь постучаться, но коробочку не получишь».

Он, конечно, попробует — раз, другой, третий... А потом сообразит — и вы избавитесь от этой шишки!

— Правда? — робко улыбнулась мама. — Вы уверены, что это... ну, так и будет? Это... бывает, чтобы головой? Где-то написано?

Не знают! — поняла я и решительно сказала:

— Конечно, бывает! Есть такая специальная... кхе-кхе... статья! В специальном журнале, для врачей. Там про это написано... А вы все сделаете, как я сказала, и зайдете ко мне... ну, через две недели.

— Ой, спасибо! — обрадовалась мама. — Я немного успокоилась теперь. И думаю, что он и вправду поймет, он же у нас умный... Деничка, убирай игрушки. Мы пойдем пока...

Папа с любовью обнял молодую жену за плечи. Денис поставил бетономешалку на место, помахал мне рукой и сунул свою ладошку в мамину руку.

* * *

Через две недели молодые родители не пришли. Я позвонила им домой. Мама долго смущенно извинялась и благодарила: шишка у Дениса почти исчезла, головой он больше не бьется, но пробует противно ныть — научился у двоюродной сестры Леночки.

— Но про нытье мы читали! — отрапортовала мама. — Это у нас не пройдет! Спасибо вам, вы нам так помогли!

Ну, в конце концов, это немного и моя вина, — пробормотала я себе под нос, положив трубку. — Это же я ту статью написала... могла бы и про голову упомянуть.

Глава 28. Как в романе

За одну короткую летнюю ночь на пустыре за моими окнами вырос городок аттракционов. С вечера выгрузили из огромных, пестро раскрашенных фур какие-то забуревшие железяки, и к утру собрали из них уже вполне узнаваемое и обычное — качели-лодочки, карусели с лошадами для малышей, машинки, тир, комната смеха с ее покореженными зеркалами. Одна только взрослая карусель выглядела чуть оригинально — огромные белые жутковатые лебеди со страшным скрежетом поднимались на высоту третьего этажа и там важно плыли, догоняя друг друга...

И, конечно, генератор раздражения и головной боли — грянула ярмарочная музыка из динамиков! И замигали гирлянды огоньков. И все это — буквально под моими окнами. И негде гулять с собакой... Короче, уже на второй день я от всей души ненавидела это милое народное развлечение.

А еще примерно через неделю ко мне через хозрасчетное отделение (за плату) пришел

высокий, цыганистого вида парень с очаровательной дочкой — светленькой девочкой лет пяти-шести.

— Она вообще-то веселая, играет, но бывает, вдруг, словно закрывается, как в коробочке, — объяснил он. — А если я начинаю ее спрашивать, в чем дело, тормозить, пытаться развеселить или еще что — плачет. Да так горько, не унять ничем... Вот, мне мамочки здешние про вас рассказали, я и пришел к вам спросить, отчего это и как мне себя правильно вести, когда она так...

— Здешние мамочки? — переспросила я. — А вы сами-то откуда?

— А вот карусель-лебедей видали? — усмехнулся парень. — Там я и работаю, там мы и живем.

— То есть девочка тоже кочует с вами и этим... бродячим балаганом? А где ее мать?

— Мама у нас умерла, — вздохнул парень. — Сразу после Настинного рождения. Она ее не помнит, конечно. А ездит она со мной полгода, когда тепло. Зимой у матери моей живет, в деревне. Но ей бы волю дать — все время с нами ездила. Тут ей раздолье, балуют все, а бабушка у нас строгая...

Я подумала, что при таком экзотическом образе жизни нарушения у девочки минимальны, отослала Настю в другую комнату рисовать и играть в куклы и попросила отца рассказать подробнее. Подробности оказались намного более прихотливыми, чем я могла себе представить.

Как ни странно, но это оказалась не последняя моя встреча с родственниками Насти. Еще приблизительно через неделю на белом «мерседесе» приехал вполне новорусского вида господин средних лет (не то бандит, не то предприниматель — в то время они еще не очень различались) и с порога выпалил:

— Вы ее видели? Скажите, этот образ жизни, эти люди... это ее калечит? Непоправимо?

Для начала я попросила его представиться. Он оказался более близким родственником девочки, чем тот цыган.

После этого я уверила его, что Настя — дружелюбный, вполне адаптированный ребенок, растущий, по всей видимости, в атмосфере любви и приятия. Что же касается ее кочевой жизни, то это нам она кажется странной. Настя живет так с рождения, и, конечно, эта жизнь воспринимается ею как единственно возможная.

Я попросила бизнесмена рассказать всю историю девочки со своей стороны.

С тех пор как разбогатели, его жена никогда не могла ужиться с прислугой. Все-то они делали не так. В тот раз со скандалом выгнала очередную девицу и потребовала от мужа немедленно найти кого-то. Он тоже разозлился (на жену) и, будучи по делам на какой-то фабрике (то ли покупал ее, то ли продавал), увидел невзрачную бледненькую девушку, которая драила полы в обшарпанном коридоре.

— Сколько тебе здесь платят? — недолго думая, спросил он. — Я буду платить втрое, только учти: жена у меня — мегера!

Удивительно, но Настя прижилась в доме бизнесмена и вполне приспособилась к сварливой хозяйке. Сначала ездила на работу из общежития, а потом и вовсе переселилась в просторную,

двухэтажную квартиру новых хозяев. Неожиданным оказалось и влияние тихой девушки на двадцатилетнего оболтуса — сына бизнесмена. С появлением в доме Насти он стал меньше пить и шлаться с компанией, часто оставался вечером дома посмотреть видик и даже выразил согласие доучиться последний год в техникуме, который бросил два года назад. Часто заходил на кухню, рассказывал какие-то истории, вызывающие тихий Настин смех...

Настя вела себя скромно. Лишний раз не попадалась на глаза, не курила и не брала в рот спиртного. Родственников не имела, так как выросла в детском доме. С подружками встречалась редко, но довольно часто отпрашивалась к врачу (у девушки были какие-то проблемы с почками, но насколько серьезные — никому не приходило в голову спросить). Развлечения любила незамысловатые — кино посмотреть, книжку прочесть «про любовь», на карусели покататься...

Удивительно ли то, что за всем этим последовало?

Настя все честно рассказала хозяйке. Хозяйка поговорила с сыном. Оболтус явно испугался ответственности: мало ли с кем она могла... Тогда мать поставила перед Настей вопрос ребром: аборт или убирайся. Настя собрала вещи и ушла. Бизнесмен, обнаружив исчезновение девушки, устроил скандал, выяснил подробности и выговорил жене и сыну все, что он о них думает. Мысль о Насте и неродившемся внуке или внучке мешала спать по ночам. Спустя два месяца отыскал девушку. Она отказалась вернуться и денег не взяла. Бизнесмен, на неделю забросив дела, ушел в жестокий запой. Выйдя из него, продолжал поиски. Из роддома позвонили и сказали страшное: девочка родилась маленькой, но здоровой, однако у роженицы отказали почки и остановилось сердце... Врачи сделали все что могли.

Бизнесмен пинками поднял с кровати похмельного, полубессознательного от ужаса происходящего сына и повез его в роддом. Готовясь: везем внучку! — бросил он жене.

В роддоме встретил цыганистого карусельщика. «Это моя дочь!» — спокойно заявил парень.

— Вот видишь, папа, я же тебе говорил... Она... — облегченно заблеял бизнесменский сынок. Отец отшвырнул сына в сторону, как ненужную ветошь.

— Да ты знаешь, кто я?! Да ты... да я тебя... — приступил к парню, растопырив пальцы веером.

— Не-а, — помотал головой карусельщик. — Мы с Настей последние три месяца вместе жили. Все я про вас и вашего сына знаю. Она *меня* просила: если что со мной случится, ребеночка не оставь. Не оставлю. Я — Миша Поляков. Моя дочь — Анастасия Михайловна Полякова.

Бизнесмен ушел — не скандалить же в роддоме, над гробом матери новорожденной Насти!

За истекшие годы сын бизнесмена стал жить отдельно, в купленной папой квартире, и женился на дочери компаньона отца («такая же тусовщица, как он сам, да что говорить...»). Детей молодые не хотят: зачем они, только жить мешают.

Один раз бизнесмен специально приехал в Псков, «в ихний балаган» посмотреть на подросшую Настю-младшую. Убедился, что с цыганистым Мишей она не имеет ничего общего, а похожа — увы и ах! — на его собственного лоботряса и на него самого (оба — белобрысые, со светлой кожей). Двухлетняя Настя была общительна, приветлива, Миша тоже не смотрел больше зверем. Бизнесмен крепко пожал карусельщику руку, спросил опять:

— Деньги на девочку возьмешь?

— Она — счастье мое и память, — ответил Миша. — Как деньгами померить?

— Тогда положу деньги на ее счет в банке за границей, — решил бизнесмен. — Вырастет, воспользуется, как захочет.

— Воля ваша, — беспечно улыбнулся Миша.

* * *

— Забрал бы ее к себе, — говорит мне бизнесмен. — Да жена против категорически, а меня-то дома и не бывает. А Миша этот и мать его в деревне... любят ведь они ее... Я в деревне той водопровод провел и газ... Смешно вам?

— Почему же смешно? — удивляюсь я. — Хорошо, люди наверняка рады. И вам приятно доброе дело сделать... для Насти и для других.

* * *

— Я по натуре бродяга, — говорит Миша. — Люблю деревню свою, но поживу немного хоть где — и в дорогу тянет. Ничего сделать не могу. Отца не знаю, может, меня мать от цыгана родила? Настена в школу пойдет, в деревне, конечно, я скучать стану... У матери хозяйство, она не может иначе, старая уже... Делать-то чего?

— Миша, вы добрый и семейный по природе человек, вы не думали...

— Думал, — на полуслове поймал мою реплику Миша. — Решиться не могу. Есть у меня в деревне подружка, с детских лет еще, в школу вместе бегали. Таней звать. Говорит: бери меня, Мишка, замуж, Настене мать нужна, и еще я тебе рожу... Я бы и не прочь, да как же я, карусельщик бродячий...

— Миша, не обязательно все время кочевать, — говорю я. — Есть много профессий, связанных с вечными разъездами. Можно выбрать, выучиться, даже заочно. И возвращаться домой, к Насте, к Тане, к семье...

— Это какие же? — жадно спрашивает Миша. — Я вообще-то учиться даже люблю...

Я, вздохнув, иду к полке за справочником про техникумы и училища.

* * *

А спустя еще неделю так же, за одну ночь, аттракционы были разобраны, погружены в фургоны. Огромные лебеди надменно гнули шеи над бортами грузовика. Взревели моторы. К полудню лишь ветерок гонял бумажки над вытоптанной и смятой травой пустыря, а мой пес жадно принюхивался, ловя исчезнувшие запахи.

Я не особенно-то сумела помочь им. Но все же почему-то эта печально-оптимистическая история, в которой одновременно присутствовало что-то от бродячей средневековой легенды, сентиментального английского романа и старого доброго Голливуда, осталась в моей памяти.

Глава 29. Ковер с длинным ворсом

Начало этой истории совпало с разгаром перестройки.

Немолодая круглолицая женщина самого простецкого вида привела на прием подростка, оставила его в коридоре и уселась на стуле (проигнорировав удобное кресло) в позе кучера, неоднократно описанной в русской классической литературе. Я приготовилась выслушать претензии и прочесть матери краткую лекцию об особенностях подросткового кризиса.

— Я туточки ни при чем, а он — мальчонка хороший, — сказала женщина, не выпуская меня из ассоциаций, связанных с критическим реализмом. — Вот мамка его — совсем пропащая. Отца и вовсе не видали. Из школы его гонят, не понимает он там ничего. Чего теперича делать-то?

— Гм-м... А вы, собственно, кто?

— Соседка я ихняя, в одной квартире с ими живу, — женщина говорила на каком-то неопределенном диалекте, который выдавал давно прижившуюся в Петербурге «лимитчицу». — А он — мальчонка хороший, — упрямо повторила она. — Вы поговорите с ним, может, чего и выйдет. А мне на работу надо...

— Хорошо, — вздохнула я, — попробую. Как его зовут — Саша? Зовите...

Для подростка из социально неблагополучной семьи Саша оказался неожиданно контактным и дружелюбным, охотно отвечал на все мои вопросы. Но по поводу профорientации наш диалог оставался — увы! — совершенно бесплодным.

— Тебе нравятся какие-то предметы в школе?

— Не-а.

— А какие-то увлечения есть?

— Не-а. Телик люблю смотреть.

— А что у тебя хорошо получается?

— На велике кататься. А так — ничего не получается.

— А чем бы ты хотел заниматься?

— Не знаю. Ничем.

— Может быть, тебе техника нравится? Машины там, руками что-то делать?

— Нет, я это не умею.

Есть в психологии такой прием — направленная визуализация. Я иногда использую одну из его модификаций для профорientации подростков с небольшими когнитивными возможностями.

— Представь, что ты уже стал взрослым и у тебя все хорошо. Где, с кем, среди чего ты оказался? Что ты там делаешь? Опиши картинку.

— Там ковер! — сразу сказал Саша и чиркнул себя по щиколотке ребром ладони. — Вот с такими волосьями.

— Ковер?! — изумилась я. — Какой ковер?

Ситуация прояснилась почти сразу и оказалась трагикомической иллюстрацией ко «времени

перемен». В прошлом году Саше и его брату, как детям из социально неблагополучной семьи, выделили бесплатные путевки и отправили их на месяц в пансионат, который только что отобрали у какой-то крупной партийной организации. Обстановку и инфраструктуру пансионата еще не успели поломать, и уличные мальчишки очутились среди совершенно невозможной для них роскоши. В магазинах и у них дома не было никаких продуктов, все распределяли по талонам, которые мать к тому же меняла на водку, а в пансионате два раза давали даже бутерброды с икрой и ломтики ананаса, которого Саша до той поры вообще никогда не видел. Но наибольшее впечатление на мальчика произвел все-таки лежавший в холле ковер...

— Так, — сказала я и надолго задумалась. — Ты хочешь очутиться в атмосфере внешней роскоши — это ясно. Но этот ковер — он должен быть у тебя лично, в твоей квартире?

— Нет, нет, — Саша протестующе замахал руками и попытался объяснить: — Куда такое одному-то?! Просто чтобы красиво... Для всех, вокруг... И я там...

— Ага, поняла, — согласилась я. — Ты хочешь работать там, где красиво.

Гостиничный бизнес, к примеру... Осталось выяснить, что бы ты мог там делать... Ты еду готовить не любишь? Кулинарное училище...

— Не-а, — уже знакомо сказал Саша. — Не умею я это.

— Послушай, но ведь за что-то же тебя в жизни хвалили, благодарили... Вот соседка тебя привела, потратила свое время, говорила о тебе хорошо, значит...

— Да, у меня руки... — вдруг сказал Саша. — Когда у тетки Зины голова болит, я так делаю, — подросток вытянул кисти и как-то странно пошевелил пальцами. — Она говорит, помогает. И еще детей ее, и другой соседки... когда они плачут или бесятся там, могу успокоить...

— Поиграть с ними?

— Нет, так... Тоже руками... Не знаю... И когда у Борьки спина после драки год болела, я мог...

Через полчаса вытягивания информации мы с Сашей решили, что он будет массажистом. Я уговаривала его пытаться поступать в медучилище, но он не хотел об этом даже и думать — слишком плохие отношения со школой и образованием в целом. По счастью, в перестройку было полным-полно всяких более-менее сомнительных курсов, а тетя Зина обещала помочь — Сашка отработает ей по хозяйству и присматривая за детьми...

Честно сказать, я забыла об этой истории. И когда спустя лет десять через хозрасчетное отделение ко мне на прием пришел высокий, ухоженный, щегольски одетый парень и назвался Сашей, я его не вспомнила и спросила, где же ребенок, по поводу которого он желает обратиться.

— Ковер! Ковер с длинным ворсом — помните? — воззвал мой посетитель и коснулся пальцами фирменной кожаной туфли. — Его увидел уличный мальчик в коммунистическом пансионате..

— О! Конечно! — обрадовалась я. — Ковер... Но ты прекрасно выглядишь! Где ты теперь? Что делаешь? Как твои дела?

Саша работал массажистом в гостинице «Европа» — первой ленинградской гостинице с пятью звездами. Кроме того, у него был круг частных клиентов, в основном немолодые люди с

проблемными позвоночниками и семьи с не очень здоровыми детьми. Он много зарабатывал, купил и обставил квартиру, его руки ценились едва ли не на вес золота. Он не женат, но у него есть невеста — девушка-инструктор по физкультуре в фитнес-клубе.

— Младший братеньник в этом году техникум закончил, на ноги встал, — с гордостью сказал Саша, и я поняла, что это именно он, своими силами и средствами, «поставил на ноги» младшего брата. — Программист он — вот как!

— Я рада, честное слово, рада за тебя! Ты — молодец, Саша! — искренне сказала я. — Ты пришел, чтобы рассказать мне о своих успехах?

— Не-а, — прозвучал знакомый ответ. — Что я — совсем, что ли? Мне это... совет нужен... Я опять увидеть хочу...

— Что увидеть, Саша?

— Понимаете, там, в «Европе», эти ковры лежат... Точно такие... Мне 26 лет... Я хочу еще чего-нибудь...

— Ты хочешь двигаться дальше? Но это же естественно. Что тебе мешает?

— Так вы что думаете... я же не поумнел с тех пор! — с силой воскликнул молодой человек. — То, что прикид дорогой, и деньги, и прочее, так это же... Я же книг не читаю, только журналы иногда с картинками, и фильмы, которые умные, смотреть не могу — засыпаю, мне надо, чтобы боевики — гонки и взрывалось все время... А девушка моя говорит — мужчина должен развиваться, иначе сопьешься, да я и сам знаю, вы ж помните, где мы выросли...

— Что у тебя с документами об образовании? — деловито спросила я.

— Реально — корочки с курсов и восемь классов. Но я в по-затом году купил диплом медучилища, дорогой, хороший, — не менее деловито ответил Саша.

Я послушно начала шаманить — зря он, что ли, пришел?

— Что ж — представь, что все получилось. Ковров больше нет. Где ты? Что делаешь?

— Лечу людей, — твердо сказал Саша. — Руками. Детей, скорее всего. Тетки с целлюлитом и эти, оздоравливающиеся после бани... надоели уже...

— Остеопатия, — сказала я. — Мануальная терапия. Очень популярно. И прибыльно. Слышал о таком?

— Да что ж я, по-вашему, совсем деревянный, что ли? — обиделся Саша.

— Угу. Но это — мединститут. Нет ни вечернего, ни заочного, шесть лет как минимум. Наймешь репетиторов, зарабатывать на жизнь будешь на частных клиентах. Невеста что скажет?

— Да она только рада будет! Но я же тупой по жизни...

— У тебя здоровая и честная душа. Ты вылез из помойки, помогая людям. Ты хочешь расти. Теперь ты знаешь, зачем тебе учиться. Ум подтянется к твоим целям, смысленная невеста тебе поможет, и у вас все будет хорошо.

Саша ушел от меня с намерением поступать в Педиатрический институт. Мне хочется верить, что у него и на этот раз все получилось.

Глава 30. Кому нужны дети?

— Я пока одна зайду, можно? Хотелось бы сначала без него...

Симпатичная женщина средних лет. На лице — некоторая потерянность и надежда. Надо думать, сын-подросток «зажигает» по полной программе...

— Конечно, можно. Проходите, пожалуйста...

— Я прочитала вашу книгу, она мне очень понравилась. Я подумала, может быть, вы сможете...

— Сколько лет вашему сыну?

— Двадцать шесть.

Оп-па! Это еще что такое?! Моя книга, о которой идет речь, адресована родителям детей и подростков. Единственное, что приходит мне в голову: у сына умственная отсталость или иное психическое заболевание, умственный возраст не соответствует календарному. Но любящая мать не потеряла надежду на прогресс состояния, читает литературу, пытается что-то еще узнать и сделать...

— Где сейчас ваш сын?

— Да здесь, в коридоре сидит...

Воображение тут же нарисовало картину: одинокий великовозрастный debil в коридоре, по которому бегают маленькие дети. Кто знает, какой у него характер, что может вызвать его раздражение или даже вспышку агрессии...

— А он?..

— Да у него с собой такой маленький компьютер. Ему кроме него и не нужно ничего.

Я немного успокоилась. Если парень способен пользоваться компьютером, пусть даже чисто играть в «тетрис», значит, все не так уж страшно.

— Слушаю вас. Чем я могу вам помочь?

— Он не желает иметь детей. Я хочу, чтобы вы его переубедили.

Поистине, сегодня у меня день сюрпризов!

— Ну, по крайней мере попробуйте, пожалуйста! — в голосе женщины появляются умоляющие нотки. — Ведь дети — это же такое счастье и единственный смысл...

Версия с дебилом трещала по всем швам, но один вопрос у меня все же остался: почему двадцатилетний сын пришел с ней в детскую поликлинику?! Задавать этот вопрос женщине было бессмысленно.

— Что ж, расскажите о вашей семье, — вздохнула я.

Вполне благополучная картина. Папа в бизнесе, мама-домохозяйка, сын с высшим экономическим образованием, работает — что-то такое неопределенно-офисное, в чем я не разбираюсь. Но семью заводить не хочет, и детей, соответственно, тоже. Декларативно. А женщине хочется внуков — она почти не помнит детства сына. «Сначала все работали без продыху: служба, садик, магазин, плита, уборка. Потом, когда с деньгами стало получше, я домом занималась, ничего ведь не было, все надо было обустраивать, да и собой — здоровье уже было ни к черту, нервы. А потом он уже стал подростком и сам отстранился». Теперь дама желает пережить нечто волшебное, что, как ей кажется, упустила в своей жизни.

— Но послушайте, — я стараюсь быть убедительной. — Даже если ваш сын женится и родит детей, это будут его дети, а не ваши. У них будет мать...

— Да, да, конечно! Но я бы помогала, развивала, ездила с ними на море... Молодым ведь надо иногда побыть одним, отдохнуть от детей, — торопливо перечисляет женщина, у нее явно все давно продумано. Может быть, даже маршруты путешествий и список кружков.

Я окидываю ее оценивающим взглядом зоолога-эмбриолога (это мое базовое образование). Дама сохранила фигуру, моложава, энергична в движениях.

— Но если вам так уж хочется, вы бы могли родить еще одного ребенка. Сейчас это довольно популярно — рожать в зрелом возрасте...

— Увы! — женщина достает платочек и аккуратно прикладывает его к накрашенным глазам. — Два года назад мне удалили фиброму вместе с маткой. Сейчас я на заместительной гормональной терапии.

— Позовите сына, раз уж вы его сюда привели, — я внезапно почувствовала, что как-то странно и сильно утомилась от эмоций этой дамы. — А сами подождите в коридоре.

* * *

— Да, все правильно, не хочу! — энергично подтвердил внешне похожий на даму молодой человек, ассоциирующийся у меня со словом «яппи». — Маленьких детей, вы знаете, я, пожалуй, и сам люблю. Они славные и забавные. Но из пробирок по заказу их пока не выдают. А вот жениться не желаю категорически. Это все убивает. У мамы с папой хороший по современным меркам брак. Они много лет вместе, заботятся, понимают друг друга... Сейчас я, конечно, живу отдельно. Но как вспомню... Годами ходят с серыми лицами и говорят про мои оценки, про какие-то покупки, какие-то обиды, все время им что-то не так, то папа слишком много выпил, то мама что-то не так сказала... Мне нравятся женщины, мне нравится приятно проводить время. А дети... Людей на земле и так слишком много...

— Слушайте, Сергей, а как матери удалось уговорить вас сюда прийти?

— Да папа попросил. Она только недавно из клиники выписалась. Нервы лечила и заодно полная очистка организма. Там ей кто-то вашу книжку и дал почитать...

— Возьмите ребенка из детского дома, — сказала я даме. — Подберите себе по цвету, по размеру. Он будет только ваш.

И воспитайте, как захочется. Это тоже сейчас модно, судя по шоу-бизнесу. Заодно сделаете доброе дело.

Я понимала, что мои слова звучат почти оскорбительно, но дама почему-то не обиделась.

— Вы полагаете? — задумчиво сказала она. — Что ж, может быть, это действительно выход...

Я была уверена, что больше никогда не увижу ее.

Но она пришла и рыдала в кабинете, куда-то задевав платок и размазывая слезы по сразу постаревшему лицу.

Она поговорила с мужем об усыновлении ребенка. Муж отказал ей в самой оскорбительной форме. Он сказал: мне не жалко денег, или времени, или еще чего. Он сказал: вспомни, как я просил тебя родить мне дочку, когда мы были еще молоды. Тогда ты отказалась, и теперь — обойдешься! А если все-таки будешь настаивать, я с тобой разведусь и женюсь на какой-нибудь из брошенных Сережкиных пассий. Они, я знаю, будут не против...

— Он действительно просил вас?

— Да... Он даже стоял передо мной на коленях... Но это был девяносто первый год, мы жили буквально в нищете, на съемной квартире, пустые полки, на моей работе не платили зарплату, деньги на начало бизнеса он взял в долг...

— Вы не смогли тогда поверить в него... А потом?

Долгое молчание, редкие всхлипы.

— Нет смысла врать. Когда у мужа дела пошли в гору, деньги и новые возможности застили мне глаза... Путешествия за границу, шопинг, новые, невиданные в Союзе развлечения... Перерыв на беременность, кормление казался каким-то неуместным, ведь у нас уже был Сережа... Но и муж больше не возвращался к этой теме... Но что мне делать теперь? Я не могу уйти от мужа, у меня фактически не осталось специальности, я не сумею одна воспитать приемного ребенка. Для меня все кончено, да?

Она сумела быть честной — это дорогого стоило.

Я попыталась помочь — продиктовала телефоны, адреса и мейлы, которыми располагала. Она прилежно записывала.

Спустя полтора года она поздравила меня с Новым годом.

— Ну, рассказывайте! — велела я.

— Я хочу пригласить вас на рождественский концерт! — торжествующе сказала она. — Валечка играет Баха!

— А кто она такая? — резонно поинтересовалась я, понимая, что никакая матримониальная резвость сына Сережи не смогла бы обеспечить появление музицирующей Валечки в такие сжатые сроки.

Из дальнейшего выяснилось, что Валечка — десятилетняя воспитанница интерната для слабовидящих детей. Именно она оказалась идеальным объектом попечительства для моей сентиментальной дамы с искусственным климаксом — белокурая сиротка с ангельским личиком и абсолютным музыкальным слухом. Дама успешно занимается всеми ее делами — от школьного обучения до внешнего имиджа и будущей карьеры. На Валю уже обратили внимание в школе при консерватории, и в школе у нее теперь всего две четверки — остальные пятерки. Заодно дама ввязалась в три благотворительных программы помощи «особым» детям,

а в одной из них даже стала координатором.

— А что, Валя совсем не видит? — сочувственно спросила я.

— Нет, нет, она в очках даже читать может, если шрифт крупный, — поспешно сказала дама. — Но Вениамин недавно узнавал — можно сделать операцию в Германии, зрение улучшается больше чем на тридцать процентов. Мы планируем годика через два, когда Валечка подрастет, окрепнет...

— Вениамин — это ваш муж?

— Да, да, конечно! Они с Сережей сначала косо смотрели, а теперь оба так Валечку полюбили! Да и как ее не полюбить, она такая ласковая! Вениамин специально для нее в гостиной рояль поставил... Вы знаете, он сказал: если хочешь, давай оформим усыновление, пусть она у нас живет. Но мы посоветовались с администрацией и решили: она привыкла к школе, к ребятам, к обстановке вокруг. В обычной школе ей тяжело будет, все-таки она почти не видит, в незнакомых местах ее надо за руку водить. Договорились, что будем решать после операции... И еще Сережа недавно с Валечкой в лото играл и как бы между прочим сказал, что если уж жениться, так только для того, чтобы дети были... Так что я все-таки надеюсь... — дама хихикнула. — Так вы придете на концерт?

— Вообще-то я Баха не люблю... — задумчиво протянула я. — Но взглянуть на Валечку... Ладно, бог с вами, приду!

Глава 31. Личная жизнь гастарбайтеров

Когда близко Рождество и Новый год, хочется историй счастливых и странных. Вы согласны? Такие в моей практике тоже случаются, хотя, может быть, и реже, чем мне бы хотелось...

То, о чем я расскажу сегодня, каким-то удивительным образом замалчивается всеми на свете статистиками и общественным мнением. Хотя, в общем-то, вещь вполне очевидная, если взять на себя труд хоть немного об этом подумать. У меня, как и у всех, времени не находилось до тех пор, пока я не столкнулась с проблемой вплотную. Да и то, когда встретила с нею в первый раз — подумала: надо же, как забавно, не увидев явления и тенденции.

А вот когда почти такая же история была мне рассказана на приеме в пятый раз, тут я и задумалась...

Немолодая, некрасивая и очень простая на вид женщина вяло и очень тривиально жаловалась на сына-подростка. Вот бы на него повлиять, чтобы он учился получше, все-таки девятый класс, и экзамены сдавать, и о профессии пора подумать — чего в школе еще два года штаны просиживать, а ему и дела нет — лишь бы с друзьями шлаться и на компьютере...

Я уже знала, что отец ее сына давно затерялся где-то в алкогольном тумане.

Мальчишка сидел тут же — отвечал на мои вопросы спокойно и без всякого интереса. Впрочем, и без всякой агрессии. Кажется, чувствовал себя в мире неплохо, к матери обращался вполне (для мальчика-подростка) дружелюбно.

Понятно, что сами они к психологу никогда бы не пришли — посоветовала классная руководительница, по поводу профориентации. Учительница согласна с мамой — оставлять парня в десятом классе нет никакого смысла, надо выбирать училище или техникум. Сам Леня

вроде бы тоже так считает, но никаких конкретных пожеланий и интересов не выражает. Немного странно, что мама-одиночка вообще не предъявляла обычных жалоб: хамит, огрызается, курит, один-два раза пришел домой навеселе... Парнишка слишком вял для всего этого? Незамысловатой пролетарской маме (работает приемщицей в химчистке, до этого 15 лет на заводе) все это представляется в порядке вещей и даже жаловаться не приходит в голову?

Договорились, что мальчишка придет ко мне тестироваться по профориентации (*ДДО — дифференциальный диагностический опросник*, абсолютно неинформативная вещь, но вполне может служить завязкой для разговора). Когда он узнал, что это можно сделать в четверг с утра и я дам справку для школы, — даже слегка оживился. Я улыбнулась.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — сказала я засобиравшейся вместе с сыном маме. Мне нужно было выяснить кое-что о семейных ресурсах. Допустим, в училище его запишем. Так ведь там тоже учиться надо! И хотелось бы полное среднее образование — мало ли как дальше жизнь сложится, вдруг в нем однажды проснутся какие-нибудь познавательные интересы или надобности, и он захочет в институт, пусть даже на вечерний или заочный...

— Имеются ли у Лени какие-нибудь авторитеты среди мужчин? — напрямик спросила я. — Хотя бы на горизонте. Дедушка, ваш брат или другой родственник, муж подруги, сосед — мастер на все руки, тренер спортивной команды, все что угодно. Состав вашей семьи — это вы, Ленья... все?

Женщина откровенно засмущалась и даже слегка похорошела, зарумянившись.

— Еще... это... сожитель у меня... два с половиной года уже.

— Отлично! — обрадовалась я (подумалось — лишь бы не алкоголик!). — Как отношения сожителя с Леньей? Они вообще общаются? Чем занят сожитель? — и тут все-таки вырвались опасения (известный психологический феномен — настрадавшиеся бывшие жены алкоголиков впоследствии часто опять сходятся с пьющими людьми). — Он не пьет?

— Нет, нет, — замотала головой женщина. — Совсем не пьет. Ему по вере нельзя, и желания нет. По строительству он работает.

— Гм-м... А как его зовут?

— Фарид.

— Ага. Туркмен? Киргиз? — в закавказских национальностях я за последние годы поднатаскалась, а среднеазиатские мною еще не освоены.

— Таджик он.

— А с Леньей как?

— У нас с ним договор был, и он сперва вообще не вмешивался. Так, спросит когда про школу или там иногда телевизор вместе посмотреть (они за футбол оба переживают). А потом, как Леньке четырнадцать исполнилось, он по возрасту борзеть начал и однажды на меня с кулаками полез... тут Фарид вышел и сказал: «Я тебе мать обижать никогда не позволю. Не будет этого!» Ленька тогда кричал ему... всякие вещи нехорошие, по национальной теме... из дому убежал... Я хотела бежать следом, искать его, а Фарид тогда сказал: «Не надо тебе, нелегко стать мужчиной, многое понять придется, вашим мальчикам тяжелее, чем нашим,

наших с самого начала воспитывают». Потом Ленька вернулся, конечно. И стал вправду как-то к Фариду прислушиваться, что ли, хотя тот никогда напрямую и не скажет, все исподволь как-то... Вот про выпивку: люди от века пьют, это правда. Выше людей — Бог. Нет Бога, который одобрял бы людское пьянство, потерю облика человека, принятие облика скотины. Будем всех богов дураками считать?

Ура, ура, — радовалась я, догадавшись, откуда ноги растут у тихого взаимопонимания матери и сына-подростка. Некрасивая приемщица химчистки, оказывается, счастлива в личной жизни, а Ленька имеет умного и ненавязчивого советчика по жизни в лице таджика Фариды.

— Умница Фарид! А у вас с ним как... серьезно?

— У Фариды в Таджикистане семья, — спокойно сказала женщина. — Он ее не бросит никогда, им есть нечего будет. Он мне с самого начала сказал: так и так, если ты не против, станем с тобой жить. Я денег сколько надо буду давать, по хозяйству буду тебе помогать и то, что нам обоим надо.... ну, вы понимаете... Блуд по случаю, без приязни, по пьянке — оно же хуже, так?! — почти с вызовом спросила женщина.

Я согласно закивала и задала ей следующий вопрос:

— Вы верующая?

— Да, я в церковь хожу, — с достоинством ответила женщина. — И Ленька бывает, со мной. Крещеный он, не противится...

— А Фарид?...

— Фарид — мусульманин, в мечеть-то ходить у него времени нет, раз только или два в год... Но так, что нужно, все соблюдает. Когда у нас праздник, Пасха там или что, мы еду готовим, когда у него — он. Любит это дело. Едим вместе, конечно, — улыбнулась женщина. — Его друзья, бывает, на праздник придут, два-три человека, Ленькины приятели тоже, они же голодные всегда, а Фарид лучше меня готовит, пирожки их особенно, прямо во рту тают... Ему нравится очень, что мы — верующие, в церковь ходим. Говорит: достойные люди всегда веру своих предков соблюдают...

Поистине, эклектика XXI века! — подумала я, но, конечно, промолчала.

Впоследствии я выслушала еще несколько похожих историй. Не слишком молодые (но и не старые!) среднеазиатские гастарбайтеры, оказавшись вдали от родных мест и семейного тепла, с трудом привыкают к коммунальному бытию соплеменников. Тяжелый физический труд, трехъярусные нары в вагончиках, случайные связи с дешевыми проститутками, быстро появляющееся в среде молодых людей пьянство и отсутствие хоть каких-то развлечений — все это выматывает, загоняет в депрессию... Но на родине совсем нет работы, и на питерский заработок сорокалетнего мужчины в Таджикистане (Узбекистане и т. д.) живут семь-десять человек его родни...

Женщин они выбирают обычно «простых», почти всегда с ребенком. Держатся предельно откровенно. Живут «по договору». Никто не загадывает, что будет дальше. В воспитание детей вмешиваются по минимуму, но никогда не позволяют подросткам обижать матерей. И сами держатся уважительно, произнося слова «твоя Мать» с отчетливой прописной буквы, что, конечно же, имеет соответствующее воспитательное значение.

И женщин можно понять — немолодые, без образования, на-тяжелой работе (надо кормить

ребенка или детей), годами без малейшей поддержки, отчаявшиеся получить простое женское счастье... И вдруг — передышка: трезвый, спокойный, нетребовательный в быту мужчина, поможет по хозяйству, принесет в семью какие-то небольшие, но верные деньги, охотно ходит вместе с женщиной в ближайший кинотеатр, охранит от хамства подрастающего сыночка, приласкает в постели...

Что ждет эти своеобразные семьи в будущем?

Глава 32. Любить своего ребенка

— Я пришла без ребенка, потому что у него все в порядке, — сказала женщина и замолчала, сложив руки на коленях и глядя ку-да-то внутрь себя.

Я попыталась ей помочь:

— Но поскольку вы пришли в детскую поликлинику, а не обратились к взрослому психотерапевту, то, по всей видимости, все-таки...

— Да! — согласилась женщина и опять замолчала. Я решила дать ей время «созреть». — Мне стыдно сказать, — наконец призналась она.

— Да ладно... — я легкомысленно махнула рукой.

Ни на какие страшные прегрешения эта серьезная немолодая женщина явно не тянула. Может быть, разъярившись на что-то, съездила своему сыну-подростку по наглой морде? Или назвала его дебилом? Или наконец решила создать семью, а сыночек избранника матери категорически не принял? Все это вполне обыкновенные, жизненные вещи...

— Видите ли, все дело в том, что я не люблю своего ребенка, — сказала женщина.

— А сколько ему лет?

— Двенадцать.

— Это ощущение возникло у вас только сейчас?

— Нет, я его никогда не любила.

Мне показалось, что она произносит это с удовольствием. С облегчением, по крайней мере.

— Мне кажется или?... — тут же уточняю я.

— Нет, — спокойно подтверждает она. — Я действительно испытываю облегчение, сказав это вслух. Я никогда никому этого не говорила. С самого начала чувствовала себя какой-то... неполноценной, но таила внутри. Потом однажды не выдержала и призналась матери. Она всегда была самым близким для меня человеком, во всем меня поддерживала, всегда была на моей стороне, когда я родила Андрея, помогала мне стопроцентно. Без нее я не справилась бы... Услышав мое признание, мать отвернулась от меня, назвала «кукушкой» с холодным сердцем. С тех пор у нас отношения почти формальные, а Андрея она всячески балует и кудахчет над ним так, словно он — несчастная страдающая сиротка, этакий Оливер Твист. Не могу передать, как меня это раздражает. Но при этом умом я понимаю, что она права: ведь ребенка должен кто-то любить...

— Расскажите мне подробнее о своей семье.

Женщина по имени Регина называет свою жизнь благополучной. Родилась в семье служащих, была единственным ребенком, которого все любили. Получила высшее образование, сразу и по своему желанию была ориентирована на карьеру. Делала ее успешно. Вышла замуж за сослуживца. Прожили вместе три года. Развелись без скандалов, остались хорошими знакомыми. Детей в браке не было.

В общем-то, Регина всегда знала, что дети (или по крайней мере один ребенок) у женщины должны быть. Не помнит, чтобы эту мысль ей кто-то навязывал. Когда перевалило за тридцать, она воспринимала как должное нараставшее на нее давление родных и подруг. Умер отец, и на похоронах убитая горем мать позволила себе упрек: «Ушел и так и не увидел внуков, о которых мечтал...» Отец никогда не делился подобными мыслями с Региной, он вообще был человеком немногословным. Регина ощутила режущее чувство вины.

Спустя полгода в почти случайном для Регины романе вдруг наступила беременность. Что делать? За советом женщина обратилась не к мужчине, а к матери. Мать высказалась однозначно:

— Не пьяница? Не безумец? Тогда, конечно, — рожай! Чего еще ждать? Пока я на ногах, ребенка поднимем.

Регина недолго подумала и согласилась. Вроде бы все было как надо: во время беременности соблюдала все советы врачей, правильно питалась и ходила в бассейн. Легко родила здорового мальчика.

Друзья и подруги радостной толпой встречали из роддома. От фирмы подарили чудо-коляску. Бабушка взяла на руки новорожденного Андрюшу и заплакала светлыми слезами.

— Понимаете, все говорят про какой-то материнский инстинкт. Так вот, он у меня так и не включился. Я делала все, что положено делать с младенцем, но ничего не чувствовала. Хорошо, что моя мама могла с ним сюсюкать, ласкать его. Иначе — я читала в Интернете — у него были бы какие-то необратимые изменения. А так он совершенно нормальный. Я кормила его до года. Моя подруга неделю плакала, отлучив дочку от уже пустой груди: «как мне этого не хватает!» А мне терапевт сказал: да хватит, пожалуй. Я тут же уехала на два дня к тете, а мама стала кормить его из бутылочки. Вернулась, забыла про грудь... Я чудовище?

— Андрюша вас раздражает?

— Иногда, как все дети, наверное. Но в целом я к нему равнодушна.

— Вы проводите с ним время?

— Конечно. Занимаюсь математикой. Ходим на каток, в бассейн. Катаемся на горных лыжах. Делаю то, что мальчику нужно, а бабушка не может ему дать. В театр, в музеи, дача, поездки к морю, на юг — это все моя мама. Я только оплачиваю.

— Так было все двенадцать лет, — начала я. — Вы уже должны были приспособиться и, несомненно, приспособились. Жизнь вашей семьи организована, Андрюша учится, развлекается, общается с друзьями. Почему вы именно сейчас решили обратиться к специалисту? Что вас тревожит? Ваши отношения с мамой?

— Нет... — Регина снова замолчала, но я видела, что она просто подбирает слова. —

Понимаете, он уже скоро совсем вырастет... уйдет... я видела, как это происходит в семьях моих друзей, подруг... А я так и не узнала, не поняла, что это было. Я действительно чудовище с холодным сердцем? Просто урод? Но почему так получилось, ведь я-то сама выросла в обыкновенной семье?

— А что вы такого необыкновенного в себе-то увидели? — немного наигранно удивилась я. — Не было особого желания сюсюкать с ребенком? И что с того?

— Но я же должна его любить, — нерешительно возразила Регина. — Везде написано...

— Любовь по долженствованию — бред и чепуха! — отрезала я. — А когда я росла, везде было написано, что мы всей страной вот-вот построим коммунизм. И что же? Есть вещи, которые вы, раз уж родили ребенка, безусловно, должны были делать: кормить его, обувать-одевать, лечить, если понадобится, учить и обеспечивать ему всякое развитие. Вы это делаете?

— Конечно. В полном объеме, я же понимаю...

— Есть, напротив, то, чего вы не должны делать: бить ребенка, унижать его достоинство, выгонять его из дома...

— Да что вы... — Регина неуверенно улыбнулась. — То есть вы хотите сказать, что это... то, что я ничего такого не чувствую... Это нормально?

— А вы и вправду ничего не чувствуете? — уточнила я. — Когда у Андрюши есть какие-то успехи? Когда он терпит неудачу? Когда он болеет?

— Ну, я же нормальный человек. Конечно, чувствую. Радуюсь или, наоборот, огорчаюсь. Или беспокоюсь. Но это же... это же не то! Это я чувствую и когда друзья, знакомые... Здесь же особое, он мой ребенок, я же должна... ну, то есть, я могла бы его любить, — настойчиво повторила Регина.

— У двадцати процентов современных матерей этот самый инстинкт не работает или работает извращенно, — сообщила я. — Одна пятая.

— Правда?! — Регина, кажется, обрадовалась. — Спасибо. Я теперь понимаю, и мне стало спокойнее. Хорошо, что есть мама...

— О маме! — прервала я. — У меня к вам предложение. Можно сказать, эксперимент. В этом году на юг с Андреем поедете вы.

— Ой, вы знаете, я один раз с ними поехала, мне было так плохо, да и Андрей привык только с бабушкой, я ведь гораздо строже...

— Вы не поняли. Никакая бабушка не поедет! Только вы и сын.

Ситуация выглядела достаточно ясной. Регина, родившая ребенка «по стечению обстоятельств», и вправду не была психологически готова к материнству. Инстинкт в таких случаях включается не сразу, а как бы постепенно «подстраивается» к изменившейся ситуации. Но на пути этой «подстройки» встала бабушка Андрюши, которая с самого начала восприняла внука как «своего» детеныша, посланного ей судьбой взамен ушедшего мужа. Настойчиво и уверенно она оттесняла Регину от эмоционального общения с сыном, оставляя ей важную роль «добытчицы». Эта роль была для Регины понятна и привычна, и она не особенно сопротивлялась. А потом «чистосердечное признание» волнующейся о происходящем (и

подсознательно догадывающейся о роли матери) дочери позволило бабушке закрепить ситуацию. У ребенка почти официально образовались «холодная» мать и любящая бабушка. Андрюша, никогда не знавший ничего другого, естественно, приспособился к этому положению вещей. Бабушка фактически потеряла дочь, но зато обрела внука в практически безраздельное эмоциональное пользование.

Всех все устраивает? Нет. Все эти годы Регину гложет беспокойство. Она читает книги и материалы в Интернете, пытается понять происходящее. И в конце концов приходит к специалисту.

Если моя гипотеза верна, то стоит хотя бы на время убрать из уравнения бабушку, и подавленная эмоциональность Регины сама, в обход разума, проложит дорогу к ее единственному сыну.

* * *

Я собиралась позвонить им осенью. Но, естественно, забыла. Снова вспомнила только следующей весной. Проснулось любопытство. Нашла и набрала номер.

— А Региночка замуж вышла, — проворковала бабушка. — Хотите, дам ее новый телефон?

— Погодите, а Андрюша? Андрюша-то где? С кем?

— Андрюша с мамой, конечно. У него с Региночкиным мужем на удивление хорошие отношения получились. Два мужика все-таки. А ко мне он каждые выходные приезжает. Так я не поняла: вам кого нужно-то?

Да в общем уже никого, подумала я, записывая номер Регины. По всей видимости, эмоциональный поток, в одночасье смывший барьер между матерью и сыном, оказался сильнее, чем я думала. Разбуженной силы освобожденных эмоций хватило и на устройство личной жизни женщины.

Оставалось только пожелать им всем удачи.

Глава 33. Машенька и баскетбол

Очень высокая мама в белых кроссовках — явно весьма дорогих и фирменных. Колени и прочие сочленения складываются, как звенья столярной рулетки. Какая-то общая, едва уловимая нелепость в фигуре и даже — в выражении лица.

Девочка с круглой добродушной физиономией, кроссовки — уменьшенная копия маминых.

— Как тебя зовут?

— Машенька.

— Отлично, так и записываю. Ты в каком классе?

Смотрит непонимающе. Глаза с поволокой. Неужели отстаёт в развитии? Мама белозубо смеется:

— Ей пять лет. Скоро будет пять с половиной. Из-за роста ее многие сначала дурочкой считают. Даже на детских площадках. Она в нас пошла. У нас и папа — высокий.

Ну и ничего же себе! Если меня не обманывает глазомер — Машенька приблизительно на полторы головы выше среднего сверстника.

— Да, вы с Машенькой действительно... — заметные люди, — дипломатично говорю я и обращаю внимание на то, что мама из-за своего роста совершенно не комплексует. Даже обычной в этих случаях сутулости — нет. Почему, интересно? Из-за того, что счастливо нашелся «тоже высокий» папа? И где это он, собственно, нашелся? — А чем вы по жизни занимаетесь?

— Мы оба — баскетболисты. Профессионалы. Почти все время на сборах, тренировках...

— Ага, — догадалась я. — А Машенька, значит, скучает?

— Нет! — опять белозубый смех. — Не скучает. Потому что мы возим ее с собой. Это наш ребенок, и она всегда с нами.

Решительный поступок. Я проникаюсь уважительной симпатией к нелепой молодой великанше. Решиться родить ребенка в профессиональном спорте, на взлете карьеры, вернуться обратно, да еще и не сбросить дочь на родственников, как балласт с гондолы дирижабля, а убежденно таскать ее с собой под лозунгом «наш ребенок»...

— Гм-м... — сдалась я. — Рассказывайте, что вас ко мне привело.

В рассказе молодой мамы, в общем-то, не было ничего для меня неожиданного. В коммунальной тусовке баскетболистов Машенька с самого начала была чем-то вроде живой куклы. Ее обожали, тискали, баловали три (или больше?) десятка не особенно обремененных интеллектом бездетных великанов. Всегда находился кто-нибудь, кто соглашался с ней посидеть, поиграть, почитать сказку. Жизнь была веселой, но нестабильной. Случалось такое, что Машенька засыпала в одном городе, а просыпалась — в другом. В последнее время появились сложности. Здоровый, дружелюбный ребенок, который неплохо переносил кочевую жизнь первые три с половиной года своей жизни, вдруг начал часто болеть какими-то неопределенными заболеваниями («то головка заболит, то животик, то сопли потекут...»), бояться темноты, одиночества и каких-то фантастических созданий, которые могли подкараулить и напасть... Последние два месяца у Машеньки периодически дергалось веко на левом глазу.

Невропатолог, к которому обратились встревоженные родители, закономерно выписал таблетки, посещение детского сада и жизнь у бабушек.

Я мысленно подписалась под всеми его рекомендациями.

— А что бабушки?

— Бабушки есть, и они готовы Машеньку взять, но мы не хотим, — мама упрямо мотнула коротко стриженной головой. — Она же наша, понимаете? Мы хотим видеть каждый день, как она засыпает, как она растет, сразу отвечать на ее вопросы и все такое... Вы понимаете? А в садике она была, там дети ее дразнили, и даже воспитательница смеялась, она выше всех в группе чуть не на две головы, ей не понравилось...

Понимать-то я понимала... И про садик тоже: не так-то легко быть выше всех на две головы, а вот по уму... Но то, что у ребенка от кочевой жизни уже развился невроз, тоже нельзя игнорировать... Решила схитрить: мама решительно объединяет свою позицию с позицией отца Машеньки, но на самом деле он может думать иначе. Тогда мы с ним вместе, при поддержке

бабушек и невропатолога...

— Приходите с папой. Будем вместе думать, как вам помочь...

О! То, что я удивлялась росту Машеньки и ее мамы, так это потому, что я тогда еще папы не видела! Склонив в дверном проеме голову, парень втиснулся в мой небольшой кабинет и сложился на банкетке, выставив в мою сторону коленки. «А у кузнечиков на коленках — уши!» — невпопад вспомнила я.

Мои надежды не оправдались — отец Машеньки во всем решительно поддерживал супругу. Видно было, что дочь он обожает. Так же как и она — его.

— Ладно, — решила я. — Сказку про Машеньку и трех медведей знаете?

Родители молчали. «Я знаю!» — Машенька дисциплинированно подняла ручку. «Ага! Ага!» — закивали папа с мамой. Я засмеялась. В юности я работала в зоопарке с жирафами. Доподлинно знаю: поговорка не врет — они ничуть не глупее, предположим, коров, но информация до них действительно медленнее, потому что — в другой ярус по высоте. Расход энергии больше. Как у электрона, когда ему нужно на другой энергетический уровень перейти...

— Помните, у Мишутки случилась истерика, когда он увидел смятую Машенькой кровать, опрокинутую табуретку, сдвинутую мисочку? Почему он так бурно отреагировал? Он жадный? Трусливый?

Постепенно мы все вместе выяснили: Мишутка так завелся оттого, что привычный мир, где стоит его стульчик, его мисочка и другое, вдруг неузнаваемо изменился, а значит, стал опасным...

— Ваша Машенька растет, умнеет, у нее развивается фантазия, — объясняла я. — Чтобы идти вперед, ей нужен островок стабильности, безопасности, что-то, на что она могла бы опереться. А вокруг все непредсказуемо и неуправляемо меняется...

— Да вот цыгане всю жизнь кочуют, и ничего, — проявил эрудицию папа. Голос у него был на удивление тонкий для такого огромного существа.

— У цыган есть их кибитка, — сказала я, и тут же на меня снизошло вдохновение. — Послушайте: мы создадим Машеньке островок безопасности и посмотрим, что выйдет! Если симптомы и страхи не уйдут, придется отдать бабушкам...

Через несколько дней Машенькин «островок безопасности» состоял из набора, помещавшегося в огромном синем бауле. Там имелись: одеяло с розочками, ночник в виде месяца, подушечка, три плюшевых котенка, кружечка и тарелочка, салфеточка, рамочка с фотографией смеющихся мамы, папы и Машеньки и еще много приятных мелочей. Где бы ни оказывалась Машенька, все это сноровисто, за несколько минут раскладывалось вокруг, создавая некий «микрокосм», в котором ребенок чувствовал себя уютно и безопасно.

Через два месяца симптомы ослабли настолько, что таблетки от невропатолога стали не нужны.

— Но вы понимаете, что, когда Машенька пойдет в школу, придется что-то решать? — спросила я.

— Понимаю, — грустно ответила мама. — Жалко, что я не смогу ее сама учить... читать, писать, считать... Это же так здорово!

«Вот ведь упрямая какая!» — думала я, но почти против своей воли продолжала симпатизировать необыкновенно развитому материнскому инстинкту этой огромной доброй женщины.

Глава 34. Между добром и злом

— Скажите, вы согласны с тем, что понятия добро и зло — относительны? — агрессивно спросила сидящая напротив меня дама.

— Гм-м... Ну, в общем-то, да, — ответила я.

Я совершенно не разбираюсь в брендах одежды и бижутерии, но что-то в облике и повадках дамы подсказывало мне: она не из того социального слоя, к которому принадлежит большинство посетителей моей поликлиники. А огромные переливающиеся камни в ее крупных ушах, возможно, — настоящие бриллианты.

— Вы просто так это говорите, это методика, вас так учили — соглашаться, — обвинила дама. — Я знаю, я много книг по психологии прочла.

— Ну вот видите, у нас с вами много общего — мы обе читаем книги, — дружелюбно сказала я, демонстративно применяя еще одну методику. Одновременно это был тест, причем в обе стороны — облик дамы чем-то смущал меня, и это смущение впоследствии могло мне помешать помочь ей. Если это действительно бриллианты, то зачем она надела их в детскую поликлинику?!

Дама прошла тест на отлично — она улыбнулась, уловив иронию, но не приняв ее за издевку.

— Но вы действительно так считаете — про добро и зло? И знаете примеры? — теперь в ее голосе появились почти жалобные нотки, и я разом поверила, что этот странноватый вопрос действительно для нее актуален, а не является зачином разговора.

— Знаю, — сказала я. — Вот, из последних. Много лет между двумя поселками в Ленинградской области был отвратительный, весь в колдобинах асфальт, по которому не всякая машина проедет. Те, кто решались ехать, ползли с черепашьей скоростью, объезжая ухабы и рытвины. Многочисленные жители этого участка, у которых не было другой дороги, жутко возмущались. Наконец дорогу отремонтировали. Машины понеслись. Но за прошедшие годы в окрестных домах выросло поколение собак и кошек, которые привыкли к медленно едущим машинам и из этого рассчитывали свое передвижение по дороге. Все они погибли под колесами в считанные дни. Буквально в каждом доме вдоль дороги воцарился траур по погибшим любимцам, и все — взрослые и особенно дети, и старики — дружно проклинали отремонтированную дорогу.

— Вот! Вот! — неожиданно возликовала моя дама. — Именно это я и имела в виду! Ведь из рассказанной вами истории не вытекает, что не нужно ремонтировать дороги?!

— Ну разумеется, нет, — вздохнула я. — Но, может быть, перейдем от философии к конкретике? Сколько лет вашему ребенку? Детям?

— У меня один сын. Ему двадцать, — сказала дама.

— Рассказывайте, — я вздохнула еще раз.

— Я росла средней из трех сестер. Старшая была художественно одаренной — прекрасно рисовала, вышивала, делала чудесные поделки из природных материалов, младшая — была совершенно очаровательным ребенком, который вызывал приступ сентиментального умиления у любого, кто ее видел. Несмотря на всю свою ревность, я сама почасту ею любовалась. Я же была никакой — меня просто не замечали. Училась средне, не имела никаких четко выраженных интересов. Родители не требовали от меня ничего особенного и ни о чем не спрашивали. Мы жили не в нищете, но довольно бедно — я все детство донашивала вещи старшей сестры (надо признать, что она была очень аккуратной и одежда мне доставалась в хорошем состоянии). Для младшего ангелочка, конечно, покупалось все новое. Я много читала и, несмотря на то, что наша семья состояла из шести человек, постоянно примеряла на себя судьбы литературных сироток.

Уже тогда я решила: у меня будет только один ребенок, и я сделаю все, чтобы его жизнь была насыщена моей любовью и всякими интересными делами. Наверное, это был зародыш зла...

— Миллионы «никаких» девочек по всему земному шару каждый день думают о чем-то подобном, — возразила я. — Правда, у большинства впоследствии ничего не выходит...

— У меня все получилось. Я удачно вышла замуж... Не по расчету, не подумайте. Мы все прошли вместе. Наш первый кооператив развалился из-за ссоры компаньонов. На вторую фирму наехали рэкетиры, и мы почти год скрывались... Потом все наладилось. Дела у мужа резко пошли в гору. Появилось много денег, возможностей...

А потом он бросил ее с ребенком, попробовала догадаться я, поменяв на молодую модельку и откупившись теми самыми бриллиантами и прочими материальными ценностями. Но тут же поняла, что подобная бытовая пошлость ниже заявленного дамой посыла.

— Муж ни в чем меня не ограничивал, и я старалась обеспечить Эдуарда (я поняла, что это имя сына — дань прочитанным в детстве сентиментальным английским романам) только самым лучшим. У него были развивающие игрушки, театр, путешествия, встречи с интересными людьми, все, о чем когда-то мечтала я сама. Но ему очень быстро все надоедало... Может быть, потому, что и в своих потугах я оставалась «никакой»?

— А что стало с вашими сестрами?

Она пропустила мой вопрос мимо ушей.

— Муж хотел еще детей, но я не согласилась, мне не хотелось лишать сына полного внимания. А Эдуард все больше пугал нас — примерно с тринадцати лет он начал открыто хамить мне, тяготел к странным компаниям и увлечениям, в старших классах поменял три школы, потом два платных института...

— Что стало с вашей младшей сестрой? Где она теперь?

— Откуда вы знаете?! — выкрикнула она. Ее лицо покрылось красными пятнами.

— Я ничего не знаю. Я задаю вопрос как раз для того, чтобы узнать, как реагирует ваш фамильный генотип на режим максимального поощрения.

— Любочка умерла пять лет назад, — дама закрыла лицо руками.

— Что с вашим сыном? Алкоголизм, наркомания, секта?

— Наркотики...

— Послушайте, — я искренне сочувствовала ей, но есть ведь и объективная реальность. — Здесь детская поликлиника. Я не училась и не умею работать с наркозависимыми. Насколько я понимаю, их лечение и реабилитация — это комплексная вещь, включающая в себя медикаментозную терапию. Есть профильные центры и опытные специалисты...

— Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... — вдруг совершенно по-девчоночьи заканючила она. — Ну поговорите с ним хотя бы разочек. Он вообще-то хочет жить нормально, как все. А в этих центрах... Где мы только не... Даже в церковном каком-то приюте... И ничего... Но он же не колется... Почти... Эти препараты...

Я поняла, что все курсы лечения, экстрасенсов и церковные приюты она проходила вместе с сыном. И мне стало ее жаль.

— Ладно, приходите, — ни на что не надеясь, сказала я, почти с чувством вины наблюдая оживление несчастной дамы (вот, совершенно напрасно обнадежила человека!). А потом не удержалась и спросила:

— А эти, у вас в ушах, настоящие?

— Да, — кивнула дама. — Муж подарил на двадцатилетие свадьбы.

— А зачем вы их сюда-то надели? Или носите, не снимая?

— Нет. Надела как раз от страха, для куража. Я очень боялась, что вы и разговаривать со мной не станете.

Эдуард оказался именно таким, каким я его себе представляла. Полубогемный, полуготический юноша с отчетливо выраженной энцефалопатией, вызванной длительным употреблением различных психоактивных веществ. Вполне контактный.

— Все ску-учно, — говорил он. — Все одинаковое.

— А наркотики — весело? Разное? — спросила я.

— Не. Сначала — интересно немного, а теперь — тоже скучно. Но — привык уже.

Я прекрасно понимала происходящее, но — увы! — от этого никому никакого толка. Всеми позабытая средняя бесталанная сестра, начитавшаяся «Маленького лорда Фаунтлероя» и «Без семьи», попыталась устроить своему сыну ту жизнь, которую хотела бы прожить сама. Но он-то не был тихой мечтательной девочкой... К несчастью, ее возможности были очень велики, и мальчишку довольно быстро затошнило от англолитературного сиропа, которым его, взращая, усердно поливали. Он пытался сопротивляться, но члены этой семьи не умели бороться (к этому времени я уже знала, что красавица Любочка приняла смертельную дозу снотворного, поссорившись с очередным любовником) — и он сдался, как и мать когда-то, уйдя в свой псевдомир. Он просто не мог последовательно и конструктивно идти поперек и гнуть свою линию — его слишком много развлекали, но почти ничему не учили и ничего не заставляли...

Ну и какой прок мне и, главное, матери и сыну, от всех этих психоаналитических изысков?

— Тебе надо делать что-то простое, — сказала я. — Заставлять себя. Рубить дрова, носить воду, мыть полы, варить суп. Заведи собаку и сколоти ей будку. Сама жизнь все лечит, привязывает к миру.

Он скептически улыбался, потом не без юмора рассказал про свой опыт пребывания в церковном приюте для наркоманов. Я понимала: не то, не то!

Я размышляла, а Эдуард благодушно и вполне бессвязно нес какую-то чепуху — не то готическую, не то сатанистскую, не то тантрическую. За что зацепиться? Спасти его теперь могла бы только какая-нибудь штука из разряда «вечных ценностей». Но какая? Религия ими уже испробована, да она и сама — «опиум для народа», источник великих иллюзий. Семья? — Какая наркоману семья! — Родина? — Какая, к чертям собачьим, Родина! Какая-то неопределенная цепочка ассоциаций (Эдуард — Англия — Ирландия — ирландская сентиментальность — «Унесенные ветром» — Скарлетт О'Хара — желтая земля Тары) заставила меня задать вопрос:

— Эд, у твоего отца есть земля?

— Что? Земля?! — удивленный юноша очнулся от своих грез. — Не знаю. В собственности? Есть, кажется. А зачем вам?

— Значит, так, — сказала я ему. — Земля — одна из базовых ценностей. Ты возьмешь в собственность участок земли (пусть отец его на тебя перепишет), не очень большой, но и не очень маленький, прочтешь соответствующие книги и по всем правилам, собственноручно (это обязательно!) посадишь там яблоневый сад. Будешь ухаживать за деревьями несколько лет, пока они не примутся как следует, — подкармливать, укутывать, красить, лечить, поливать — что там с ними еще нужно делать. Пока они не дадут плодов. И даже если ты потом сдохнешь от передоза или окончательного размягчения мозгов, этот яблоневый сад останется, будет цвести каждую весну и давать плоды каждую осень. Эго будет красиво, понимаешь? Синее небо и бело-розовые лепестки, кружащиеся по воздуху, или первый иней и красно-желтые наливные яблочки. Твой след в этом мире.

Мать ждала в коридоре.

— Ну, ну... — не могла утерпеть она. — Что тебе сказали?

— Я должен посадить яблоневый сад, — загипнотизированно сказал Эдуард, глядя куда-то в пространство.

Он посадил этот сад. Своими изнеженными руками. И изучал агрономические пособия, и возился с каждой яблоней, как с ребенком. Но яблони, они как дети — слишком медленно растут. Это потом кажется, что они быстро выросли. Эдуард не выдержал, не успел, сорвался. Его откачали в реанимации, отправили в какую-то загородную лечебницу. Мать пришла сказать мне об этом:

— Я больше не буду вас мучить, спасибо, вы сделали все, что могли. Знаете... — грустно добавила она. — В бреду он все беспокоился об этих яблонях...

Прошло несколько лет. Я уже выходила из поликлиники, когда пожилая регистраторша проворчала мне вслед:

— И все ведь вам, Екатерина Вадимовна, психи какие-то звонят. А я что — нанялась на второй этаж бегать? (У нас в кабинетах нет телефонов.)

— Не нанялись, — мирно согласилась я. — А чего психи хотели-то?

— Да и верно, — смягчилась регистраторша. — Я так и подумала: чего доктора попусту беспокоить? Дай да подай ей Мурашову. Я говорю: на приеме, занята. А она тогда: ладно не беспокойте, но передайте, пожалуйста — на яблонях в саду появились первые плоды... Вот ведь новость, правда?

— А мальчик, Эдуард? С ним что? — воскликнула я.

— Про мальчика ничего не было, — уверенно сказала регистраторша. — Заплакала и трубку бросила. И то сказать — сколько ненормальных на свете...

Я неаккуратно веду записи, и просмотр старых журналов ничего мне не дал: я не нашла их номер телефона. Но я могу хотя бы надеяться? Ведь яблони — они как дети.

Глава 35. Муза по наследству

— Я прошу вас помочь мне сохранить семью!

Крылья породистого носа мужчины нервно раздувались. Казалось, у него там жабры и он ими дышит.

— Ага, — сказала я несколько обескураженно. Интересно, кто на его семью нападает-то? Пришел он один.

— Вы ведь всегда работаете из интересов детей, так? — я кивнула. — У меня их двое — сын и дочь. Они любят меня, а я люблю их...

Мужчина вел себя весьма демонстративно, и я мысленно сформулировала самую простую гипотезу: злоупотребляет алкоголем, жене надоело, и она велела ему убираться. Но зачем он пришел убеждать в своей необходимости в семье меня? Если действительно хочет решить проблему с алкоголем, есть специальные службы... Разве что его жена уже была у меня на приеме раньше...

— Меня подводит наследственность. Я не могу сопротивляться...

— Ага, ага, — снова покивала я, укрепившись в своем мнении. Все они так говорят. Кто-то виноват. Знакомо...

— По крайней мере, выслушайте меня! — в голосе мужчины зазвучали умоляющие нотки.

— Ну, разумеется, я вас слушаю, — твердо сказала я.

— И не смейтесь, пожалуйста!

Я насторожилась. Тема алкоголизма и алкоголиков, конечно, обыгрывается во множестве анекдотов, но обычно на приеме в детской поликлинике ее юмористическая сторона не просматривается. Что он имеет в виду?

— Рассказывайте!

Игорь оказался прекрасным рассказчиком. Несколько раз я с трудом удерживалась от смеха, но крепилась, поскольку обещала.

Отец Игоря (он и нынче жив и здоровствует) — человек творческой профессии. Мама — бухгалтер, но подолгу не работала, вела домашнее хозяйство. Советское детство мальчика было теплым и безоблачным — уютный дом, любовь родителей, пироги по воскресеньям и старая дача с речкой в курортном поселке. Подростковый возраст мальчика совпал с кризисом среднего возраста у отца. В семье начались проблемы. Однажды (Игорь все слышал из соседней комнаты) отец прокричал матери буквально следующее:

— Пойми, я — творческий человек, а ты убиваешь во мне все то, что я сам в себе ценю! Ты хорошая жена и мать, но рядом с тобой я не могу дышать, я задыхаюсь! Мне давно скучно и затхло в твоём уютном мире, я уже перестал надеяться, но тут я встретил ее! Она — моя Муза, тебе не понять!

Мать от ужаса потеряла себя, валялась у мужа в ногах и просила его не уходить, пожалеть ее и Игоря. Отец был непреклонен и вскоре после этого разговора собрал чемодан и отбыл. Естественно, к Музе. Мать переживала страшно, целыми днями лежала лицом к стене, на Игоря не обращала никакого внимания, не готовила еду. «Мы прожили с ним тринадцать лет, и все это время он, значит, не дышал!» — рыдала она в ответ на увещевания приятельниц. По контрасту с прежним благополучием теперешняя их жизнь стала ужасной. Парнишка возненавидел обоих взрослых, которые его так жестоко обманули. Потом мать сходила к какому-то врачу, который прописал ей таблетки и задумчиво сказал: «Вы знаете, мне почему-то кажется, что он — вернется...» Мать не поверила, но таблетки помогли, она начала возвращаться к жизни, и все стало понемножку налаживаться.

Через год отец и вправду вернулся. С тем же чемоданом. Она оказалась не музой, а стервой. Домашние борщи и надежный уют оказались для творчества не менее важными компонентами...

Прошло года два. Забытые было скандалы забушевали с новой силой. Однажды отец пришел непривычно тихий и сказал: «Раиса, нам надо объясниться». — «А! Снова Муза? — сказала обо всем догадавшаяся мать. — Не надо объясняться. Сейчас я соберу тебе чемодан». — «Но как же?!» — оторопел отец, явно настроившийся на долгие рассказы о своем творчестве и новой, плодотворной в этом смысле любви. — «А вот так!» — сказала мать и полезла на антресоли.

В этот раз поход за Музой продолжался всего около полугода. Мать снова пила таблетки и казалась вполне уравновешенной. Игорь встречался с отцом, познакомился с Музой и глядел на нее с подростковым недоумением — она имела ноги полтора метра длиной и все время хлопала глупыми накрашенными глазами.

Удивительно, но обучаемость отца Игоря на ошибках была явно ниже средней: в дальнейшей жизни семьи имелось еще два эпизода, причем последний пришелся на период, когда Игорь служил в армии. Письма от матери и отца пришли в часть практически одновременно. Отцовское начиналось словами: «Мне кажется, ты поймешь меня, сынок...» А в материнском письме, после советов по лечению простуды и вопросов, что прислать в посылке, следовало: «Из наших текущих новостей: твой папаша слинял к очередной Музе...»

Когда Игорь вернулся со службы, родители опять были вместе. Впоследствии дело не шло дальше скандалов по поводу «духовного вакуума» в семье и материнских вопросов: «Что — опять Муза? Чемодан доставать?»

Игорь, от души насмотревшийся на весь этот идиотизм, давал себе страшные клятвы: «Никогда! Ни за что!»

Со своей женой Лидой Игорь познакомился еще в институте и вполне благополучно прожил семнадцать лет. Отношения не были идеальными, но при обострениях всегда удавалось как-то найти компромисс. Сейчас дочке пятнадцать, сыну — десять. Полгода назад он встретил ее. Отношения в семье резко ухудшились. Ровно неделю назад Игорь поймал себя на том, что кричит жене те же слова, что четверть века назад кричал отец его матери. Жена плакала. Дочка вопила: «Вы оба — идиоты! Достали своими скандалами!» Сын спрятался в своей комнате. Игорь ушел в ванную и там тоже заплакал, стыдясь своего бессилия. Жена, отрыдавшись, подошла к двери ванной и твердо сказала: «Если ты сейчас уйдешь, как твой папаша, то знай, что я — не твоя мать, и обратной дороги для тебя не будет!»

— Чем вы занимаетесь? — спросила я.

— У меня строительный бизнес.

— То есть ни о какой стимуляции творчества речь не идет?

— Нет, конечно, — Игорь тяжело вздохнул. — Но, вы знаете, иногда мне кажется, что дома я действительно в самом буквальном смысле задыхаюсь... Я все понимаю!

— Не понимаете, и это очевидно, — вздохнула в свою очередь я. — Вы хоть раз пытались разобраться, что же, собственно, происходило четверть века назад с вашим отцом и что происходит с вами теперь?

— Н-нет... А как я мог разобраться? Спросить у отца? Но мы никогда не были с ним особенно близки и сейчас разговариваем только на самые нейтральные темы...

— Есть такая вещь, как возрастная психология. И есть у любого нормального человека вашего возраста такая потребность, как потребность в расширении границ... А вопрос, возникающий в это время у многих мужчин при обозрении устоявшихся семейных горизонтов: «И это что же — на всю жизнь?! И больше ничего?!» — довольно часто сопровождается субъективным ощущением удушья, — я улыбнулась, но уже видела, что Игорь все принял всерьез.

— Ага! — сказал он с видимым удовольствием. — Это, значит, все где-то описано, и ничего страшного. А что же делать?

— Это каждый решает сам. В самом общем виде так: в качестве лекарства от удушья надо иметь еще какой-нибудь кусок жизни. У вас хобби нет? Альпинизм там? Или машины?

— Нет, — Игорь поморщился. — Я технику не очень люблю. И риск тоже. Я... Я, вы знаете, всегда хотел писать... И почему-то — не что-нибудь, а пьесы. Для театра. Может быть, это тоже наследственность, ведь отец всю жизнь связан с искусством...

— Ну вот и напишите, — обрадовалась я. — Прекрасная сублимация. Рассказчик вы, кстати, прекрасный. И история, в общем-то, и актуальная, и оригинальная одновременно. А пьесу так и назовите...

— Как? — удивился Игорь.

— Муза по наследству, — засмеялась я.

Глава 36. Надень тапки!

Все понимают, что детей надо воспитывать. С этим все согласны, вне зависимости от рас, религий, возрастов и полученного образования. Но вот по вопросу, как именно их следует воспитывать, уже наблюдаются существенные разногласия.

Довольно часто, особенно в последние годы, ко мне приходят молодые (и не очень молодые) родители и требовательным тоном заявляют:

— Вы — специалист, стало быть, вам виднее. Вот у нас ребенок. Ему два (три, десять, тринадцать) года. Скажите, как правильно воспитывать ребенка такого возраста? Мы постараемся все сделать...

И каждый раз я чувствую себя неловко, ибо мне нечего им ответить.

Что такое сегодня «правильное воспитание»? Бог весть!

Раньше, еще лет 100–150 назад, наверное, можно было бы, не слишком боясь ошибиться, признать правильным воспитание традиционное, характерное для этого народа, этой религии, этой местности и социальной прослойки. Ведь, в самом общем случае, вполне можно себе представить, как воспитывали ребенка в русской купеческой семье в XVIII веке и в немецкой крестьянской семье в XVI...

Но сейчас? Приходящих ко мне родителей не очень интересуют туманно-исторические русские купцы и немецкие крестьяне. Они задают конкретные вопросы:

— Надо ли заставлять убирать свои игрушки?

— Если я разозлилась и его шлепнула, не нанесло ли это ему психологическую травму? Вообще — детей бить можно или нельзя?

— С какого возраста они должны сами делать уроки?

— Сколько можно сидеть за компьютером ребенку пяти с половиной лет? А телевизор сколько можно смотреть?

— Вот вы говорите: главное — определить, что у нас можно и что нельзя, и сообщить об этом ребенку. Хорошо. Но как это определить на практике? Где об этом можно прочитать?

Последнее — особенно трогательно и тревожно. Взрослые люди ищут какой-то устный или письменный источник, инструкцию, где по пунктам изложат, как им обращаться с *их собственным* ребенком. И — самое парадоксальное — они готовы следовать этим инструкциям!

Сразу становится понятно, что с воспитанием в их собственной семье было не все в порядке...

Так как же все-таки их воспитывать?!

Не имея в голове инструкции по «правильному воспитанию» и даже не веря в ее существование, своим клиентам я предлагаю очень простой подход. Для иллюстрации, как всегда, расскажу историю из практики.

Немолодая, но весьма успешно молодящаяся дама с усталыми глазами пришла ко мне вместе с

очаровательной, одетой как ребенок с рекламы какого-то бутика, девочкой. Девочке годика два. Яркие игрушки на полках ее совершенно не заинтересовали. Она уселась даме на колени и болтала ногами, глядя на меня с доброжелательным любопытством.

Интересно, дама — это мать или бабушка? — подумала я и решила пока помолчать.

— Я — мама Ларисы, — тут же, оправдывая мои ожидания, отрекомендовалась дама. — Поздний ребенок. Родила одна, можно сказать, для себя. Готовилась, читала литературу. Вашу книгу в том числе. Потому и пришла. Люблю дочь безумно. Но делаю что-то не так.

— Гм-м... А что именно — не так? И почему вы так решили?

— Не знаю. Чувствую. Хочу разобраться.

— Вы раздражаетесь и кричите на нее? Слишком много требуете? Слишком балуете? Все позволяете? Бьете?

— Нет... Нет... Нет!

Признаюсь сразу, мой диалог с дамой не получился, хотя она, вроде бы, ничего от меня не скрывала. Я узнала, что она не придерживается никаких радикальных взглядов на воспитание, что ее собственные родители всю жизнь работали в проектном институте. Они много ездили в командировки, а двое детей (сама дама и ее брат) были фактически предоставлены сами себе... Потом я узнала, что бизнес дамы связан с индустрией моды... что у Ларисы очень много игрушек, но она с ними почти не играет... что Лариса за два с половиной года своей жизни не болела ничем, кроме простуд и отита... что дама хочет сама наблюдать за развитием своего ребенка, а не спихивать ее на няню, по крайней мере до трех лет.... Что мама и дочь спят вместе в одной кровати... по вечерам они рассказывают друг другу сказки... Все это ничего не объясняло.

Лариса сползла с колен матери, нашла в ящике громко щелкающее реле и радио-магнит и стала увлеченно играть с этими предметами.

— Я делаю что-то не так! — упрямо твердила моя посетительница. — Я это чувствую. Я боюсь неправильно воспитать свою дочь. Вы должны помочь мне разобраться.

Отчаявшись разорвать этот круг и подозревая в ситуации некую легкую паранойю, я предложила даме следующее: в течение дня она записывает все коммуникации, происходящие между ней и дочкой, а потом приходит с этими записями ко мне. Мы вместе смотрим и решаем: есть ли там повод для беспокойства.

Дама согласилась и ушла. В ближайший месяц никаких известий от нее не поступало, и я благополучно забыла об этом случае, списав все на повышенную тревожность, обычную в случае рождения позднего ребенка и одинокого воспитателя, которому не у кого получить обратную связь. Но тут медсестра из регистратуры хозрасчетного отделения передала мне записку: «Звонила такая-то, извинялась, что не пришла, просила сказать, что она все поняла и исправила, и у них с дочерью теперь все в порядке».

Мне стало любопытно: что ж она такое «поняла и исправила»?

Я нашла телефон дамы в журнале регистрации и позвонила.

— Вы знаете, отличный метод, — бодро сказала дама после приветствий и изъяснения

вежливой благодарности. — Вы его сами придумали? Я все записала, как вы велели, и сразу все поняла! Даже смешно стало, до чего просто!

— И что же вы поняли?! — с некоторым нетерпением спросила я, ибо, в отличие от дамы, ничего не понимала. Что она там такое говорила двухлетнему ребенку, сама того не замечая? Матом, что ли, ругалась? Или Аристотеля цитировала?

— Вы знаете, за день я 127 (сто двадцать семь) раз сказала дочери: надень тапки! — торжественно провозгласила дама.

Я не смогла удержаться от улыбки. Конечно! Маленькие дети действительно часто скидывают тапки и бегают босиком. Им так удобней. Наша дама стремилась все делать правильно, врач советовал, чтобы ребенок ходил в тапках, ведь пол холодный, а Лариса уже болела отитом...

— И что же вы сделали с этим?

— Я надела на нее шерстяные носки!

— И ощущение неправильности происходящего ушло?

— Совершенно! — счастливо засмеялась дама.

— Но в следующий раз...

— Не-ет! Теперь я понимаю, о чем вы пытались сказать мне при нашей встрече. Ребенок приходит в мир, не зная, как он устроен. Он может родиться и в королевском дворце, и в юрте посреди степи. Он готов приспособиться к тому, что встретит. А наша задача, задача родителей, рассказать и показать ему, как тут все устроено. И исходить мы при этом должны сами из себя, а вовсе не из того, что где-то прочли или услышали.

В наше время для каждой семьи правильными могут быть разные вещи. У кого-то ребенок ходит в тапках и рисует на стенах (пример про рисунки на стенах приводила я, когда пыталась убедить даму, что именно то, что она делает, повинаясь своим собственным представлениям о воспитании, вполне правильно). А у меня на стенах рисовать нельзя, зато можно бегать в носках...

Глава 37. «Нам не дано предугадать...»

— Можно, я зайду пока одна, без него?

Невысокая женщина с печальным незначительным лицом прошла в мой кабинет. Худощавый юноша, сидя на банкетке в коридоре, проводил ее недобрым взглядом. Маменькин сынок, навскидку предположила я. Растила мать-одиночка. Вложила всю душу. Теперь он вырос, отдалился и хочет свободы. А маменька все таскает его по детским поликлиникам...

— Вы нас не помните? — спросила женщина. — Игорь Масаев? Мы были у вас два раза. Первый раз, когда он учился во втором классе и к нему приставали два пятиклассника. А второй, когда Игорьку было тринадцать и мы с ним совсем не могли понять друг друга, ругались из-за учебы, его гулянок, и все такое. Я помню, вы тогда сказали так: «Разумеется, бывают сыновья более умные, более послушные, более благодарные и т. д. Но у вас *этот* сын и другого, по всей видимости, уже не будет». Ему сказали другое: «Само собой, бывают родители более понимающие, более богатые, более снисходительные или равнодушные к тому, что выделывают их дети. Но тебе досталась *эта* мать и никакой другой не будет уже наверняка. Так

попытайтесь же, если не понять, так хотя бы принять друг друга». Не знаю, как на него, а на меня это тогда произвело впечатление. И мне стало как-то легче с ним договориться...

Их подросткового визита я не помнила, так как подростково-родительские проблемы в самых разных семьях обычно похожи друг на друга, как шампиньоны в магазине, да и, что греха таить, говорю я им всем приблизительно одно и то же.

А вот тщедушного второклассника, которого, избрав жертвой, последовательно изводили два дурака из пятого класса, я вспомнила. Мальчишка уже попробовал все: убежать от них (они бегали быстрее), жаловаться учительнице (они подкарауливали его одного и следили, чтобы рядом не было взрослых), драться (они, разумеется, были сильнее). Никаких серьезных повреждений, с которыми можно было бы обратиться в соответствующие инстанции, малолетние мерзавцы мальчишке не наносили — так, по мелочам: то вытрясут на пол ранец, то запрут в шкафу для швабр, то покидают от одного к другому на манер ручного мяча... В конце концов парнишка стал отказываться ходить в школу. Родители думали о переводе в другое учебное заведение, но рассуждали резонно: а не найдется ли и в следующей школе кто-то, кто опять изберет их сына жертвой? И что тогда?

— Ты должен их удивить, — сказала я мальчишке. — Они глупые, как собачки Павлова. У них на тебя образовался рефлекс — дергаешь за веревку, звенит звонок. Если ты сделаешь что-то, чего они совсем не ожидают, они испугаются и отстанут.

— А что я могу, чтоб они испугались? — деловито спросил мальчишка. — Они вон какие здоровые.

— А что у тебя получается хорошо? За что тебя хвалят?

— За стихи, — усмехнулся он. — Я стихи здорово читаю. С выражением, лучше всех в классе. На пять с плюсом.

— Отлично, — я «отзеркалила» его кривоватую усмешку. — Значит, будешь читать им стихи...

Тогда, я помню, мы выбрали для декламации юным идиотам «Смерть поэта» Лермонтова. Но чем все это закончилось?

— Сколько лет Игорю сейчас?

— Девятнадцать, — сказала женщина и заплакала, как осенний дождь. Тихо и безнадежно. Впереди зима. И от ее плача у меня почему-то побежали по коже мурашки. — У них там вроде бы есть психолог. Но он согласился только к вам, потому что помнит, как мы к вам ходили. Мы все время боимся, как бы он с собой чего-нибудь...

— Давайте пригласим Игоря, я поговорю с ним, — сдерживая дрожь, предложила я. Где это — «у них там»? В сумасшедшем доме? Точно нет, ведь я — хороший интуитивный диагност, психиатрию обычно вижу на семь футов под килем. У Игоря ее не было...

— У меня — прогрессирующая мышечная дистрофия, — сказал Игорь. — Знаете, что это такое?

Я кивнула.

— Ну и чем вы можете мне помочь? — он с вызовом вскинул подбородок.

— Не знаю, — призналась я.

Мы помолчали.

— Через несколько лет я стану глубоким инвалидом, прикованным к креслу, — сказал юноша. — Еще через несколько лет не смогу дышать и умру.

— Никто не знает, когда и от чего изобретут лекарство, — сказала я. — Да и болезни, даже самые страшные, у всех протекают по-разному. И... Игорь, вы слышали про английского физика Стивена Хокинга?

— Ну разумеется! — ухмыльнулся юноша (мне показалось, или я действительно узнала эту кривоватую улыбку затравленного второклассника?). — Вот уже полтора года мне все подряд говорят то же, что и вы. И про Хокинга. Одна беда: я не гениальный физик, и никогда им не стану — у меня по физике и математике всегда были тройки... Да и все безумные технические средства, которые обеспечивают сейчас жизнедеятельность этого англичанина, моим родителям не по карману. Может быть, это к счастью...

— А что у вас получается? Чем вы увлекаетесь?

— Вы хотите спросить: чем увлекался? Что получалось? — он голосом подчеркнул прошедшее время.

— Да нет. Я хотела спросить именно то, что спросила. Что вы вообще сейчас делаете? Просто сидите дома и жалеете себя? Или еще что-то?

— Я учусь в колледже на программиста. Все вокруг решили, что в моем положении это самое разумное. Типа инвалид на колясочке у компьютера, хоть одним пальцем... Жалко только, что мне совсем не нравится писать программы, да и способностей у меня к этому нет... Что я люблю? Мне нравится общаться с людьми, нравится этнография, я люблю путешествовать, если бы не болезнь, я, наверное, хотел бы работать в индустрии туризма... А? — он явно провоцировал меня. Я его понимала.

— Никто ни черта не знает, — зло сказала я. — Кто-то собирается прожить еще лет пятьдесят, но вот уже выпил свою водку придурок-водитель или неубранная вовремя сосулька начала отваливаться от крыши...

— Ага, Аннушка уже разлила масло... — он улыбнулся чуть теплее.

— О'кей! Допустим, что мы точно знаем: осталось три дня, потом — конец. Как провести эти три дня? — вот вопрос. Можно все три дня молиться в храме, пытаюсь установить мир в своей душе. Можно пить водку и трахаться в борделе. Можно закрыться в комнате и написать прощальную новеллу, поэму или симфонию, которая потрясет (или не потрясет) оставляемый мир. Можно посетить всех друзей и родных, всем сказать о своей любви, если надо, попросить прощения. Можно просидеть эти три дня на берегу реки, глядя на воду и шевелящуюся от ветра листву. Очень много всего можно сделать... Надо только определиться, чего вы хотите.

Он заговорил не сразу.

— Пожалуй, вы правы, — сказал он. — У меня ведь больше, чем три дня. Я должен сам решить...

— Разумеется. К черту программирование одним пальцем!

— К черту! — с энтузиазмом подхватил Игорь и спустя время улыбнулся печально. — Вот чего

мне жаль, так это того, что я так и не узнал любви... Я ведь никогда...

Черт! Черт! Черт! — на глаза мне навернулись слезы. Если он заметит, что я плачу от жалости к нему, он просто встанет и уйдет. Зачем ему сопливый психолог?!

— Вам никто не говорил, что любовь — это не только «трахнуть»? — огрызнулась я и, смягчившись, добавила: — Я мало знаю о вашей болезни... Это... уже невозможно технически?

— Нет, почему же? — удивился Игорь. — Пока у меня с этим все нормально. Просто я не хочу никого обманывать и не хочу, чтобы со мной из жалости...

— Вот чепуха! — сказала я. — Вы знаете, что этот расслабленный физик не так давно развелся с женой и женился на своей сиделке? Как вы думаете, зачем ей это было нужно?

— Наверное, это из-за денег и его известности? — неуверенно предположил Игорь.

— Болван! — припечатала я. — Вы ничего не понимаете в женских чувствах! Всю историю женщины только так влюблялись в убогих, юродивых, нищих непризнанных художников, умирающих туберкулезников и прочих маргиналов. Тоже из-за денег? Вам никогда не приходило в голову, что женщины любят жалеть — вот что! Им это удовольствие доставляет!

— Ого! — Игорь закрутил головой, как бы укладывая в ней новую мысль. — Значит, если вы мне не врете, и у меня еще может быть...

— Еще как! — сказала я. — Особенно, если научитесь торговать своим состоянием, как Хокинг. Он же теперь уже не столько физик, сколько бренд...

— А помните, как вы послали меня во дворец пионеров в литературную студию? — спросил Игорь.

— Не-а, — честно ответила я. — А ты что писал — стихи или прозу?

— И то и другое. Только у меня там ничего не вышло, мне стало скучно, и я ушел.

— Ну и ладно. Лучше скажи: чем кончилась та история со стихами и пятиклассниками?

— О! Ха-ха-ха! — Игорь расхохотался. — Они испугались, как вы и говорили. А я сам бегал за ними по школе и кричал: «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...» Теперь уже они прятались от меня. Наверное, они решили, что я сошел с ума. И больше никогда ко мне не приставали. Нашли себе другую жертву...

В кабинет заглянула по-прежнему тихо плачущая мама Игоря.

— Что вам нужно? — весьма нелюбезно поинтересовалась я.

— Простите. Но я первый раз за полтора года слышу, как он смеется...

— Если захочешь, можешь прийти еще, — сказала я Игорю.

— Нет, я не приду, — ответил он. — Потому что я сейчас понял: в этот раз вы сказали мне то же самое, что и тогда, во втором классе: я должен сделать то, чего от меня никто не ожидает. И тогда все будет хорошо. В данном случае — я должен полноценно прожить эти условные три дня. Кажется, я даже уже начинаю понимать, как мне это сделать...

Недавно моя дочь обратила мое внимание на одного блоггера в Интернете. «У него очень интересные и оригинальные материалы и подборки, — сказала она. — С ним можно совершать настоящие путешествия. Но странное впечатление: всего этого слишком много, как будто бы он боится куда-то не успеть и занимается всем этим по 18 часов в сутки. И еще — материалы разные, но во всех них присутствует какая-то светлая печаль. Он что — прикован к этому компьютеру?» — «Возможно», — ответила я и сходила по указанной дочерью ссылке. Материалы были действительно интересно подобранными и осмысленными. Отзывы читателей — благодарными. Картинка, которая представляла автора, изображала какого-то чертика с рожками. Но — почему мне показалась знакомой его улыбка?

Глава 38. «Не говори с тоской: их нет»

Женщина была беременна на небольшом сроке и очень плохо выглядела — серое лицо и безжизненные глаза. Я мысленно высказалась в адрес того, кто довел ее до такого состояния: отец ребенка? Свекровь? Работодатель?

— Два с половиной года назад моего сына Кирилла сбила машина, — сказала женщина. — Ему было десять лет. Милиция и свидетели подтвердили, что водитель не виноват — он ехал по правилам и не превышал скорости. На гололеде занесло прицеп, знаете, бывают такие огромные машины, а сын стоял на бордюре тротуара... Водитель вызвал скорую, держал его на руках, но Кира умер еще в машине...

— Сожалею, — сказала я (а что еще можно сказать в таком случае?!).

Женщина беззвучно и страшно плакала. Мутные слезы катились по ее лицу, как по стене.

— Но сейчас вы ждете другого ребенка, — я решила прервать этот процесс, ведь Кирилл наверняка был оплакан раньше.

— Да, но я не могу.

— Что значит, не можете? — изумилась я. — Ведь вы УЖЕ беременны.

— Мне все говорили: муж, мама, психиатр в больнице — это лучший выход. Но, мне кажется, я не имею права...

— Что за чушь?! — патетически воскликнула я, но после упоминания психиатра в моей голове родилась ледяная мысль: «Неужели гибель сына спровоцировала у матери большую психиатрию? В этом случае она рассуждает вполне здраво: что ждет еще не родившегося малыша? Но зачем же она пришла ко мне? Не доверяет мнению лечащего врача?»

— Со дня гибели Киры я все время думаю: «Почему он? Почему именно с нами это случилось?»

— Этот вопрос не имеет ответа, — быстро сказала я.

— Да, я знаю. Мне советовали ходить в церковь, молиться. Говорят, многим помогает. Все в руках Божьих. Но я не смогла молиться тому, кто держал жизнь моего сына в своих руках и... распорядился ею таким образом.

— Давайте оставим Бога в покое. Поговорим о вас и вашем будущем ребенке.

— Вы... вы не верите в Бога? — впервые женщина взглянула на меня с каким-то живым чувством.

— Да, я атеистка, — подтвердила я.

— Хорошо. Тогда вы, может быть, поймете. Каждый отвечает сам за себя, без богов и чертей. После смерти ничего нет. Все здесь. Я — чудовище. Мне нельзя больше иметь детей.

Я чувствовала, что беседа идет по краю. В любой момент она могла встать и уйти. Куда?

— На каком основании вы делаете такой вывод? Вы не можете винить себя в гибели Кирилла. Его смерть — трагическое стечение обстоятельств.

— Речь не об этом. Я смотрела на живых детей, его школьных друзей, которые приходили ко мне со словами сочувствия, на славных соседских ребятишек во дворе... Я всех их ненавидела за то, что они живы, понимаете?! Я думала: лучше бы любой из них! Я готова была послать на смерть чужого ребенка, чтобы жил мой собственный! Я никому об этом не говорила, потому что это ужасно, но... я даже рекламу в телевизоре смотреть не могла, если там были дети. Я представляла себе...

— Хватит! — прикрикнула я.

Хорошее воображение может быть и благом, и проклятием, в зависимости от обстоятельств, я это хорошо знаю по себе.

— Давайте так: мухи — отдельно, котлеты — отдельно. Вы пережили тяжелейшую трагедию. Некое помутнение сознания в этом случае почти нормально.

— Меня лечили в больнице, всеми способами, вплоть до инсулинового шока, — вставила женщина.

— Вот видите. Теперь дальше. Как мы уже условились, мы с вами не верим в богов, а верим в объективную реальность, данную нам в ощущениях. В этой реальности вы никого никуда не посылали. Более того: обо всех своих воображаемых кошмарах вы говорите в прошедшем времени, стало быть, сейчас вы массовую гибель дворовых азербайджанских, а также рекламных детей на завтрак, обед и ужин себе не представляете...

На лице женщины мелькнула тень улыбки. Я мысленно поаплодировала сама себе.

Дальше наш разговор был уже не таким критическим.

Уходя, женщина задумчиво сказала:

— Но, вы знаете, я все время думаю: зачем это было? В чем смысл? Ведь Кира уже все понимал, но только начинал жить...

Я поняла, что аплодисменты были преждевременными.

— Вы придете еще, и мы поговорим об этом.

— Поговорим? — удивилась женщина. — А мне все говорят, что надо уже перестать задавать бессмысленные вопросы и думать о будущем...

— Вот пусть они сами и... Что такое осмысленные вопросы? Сколько будет стоить нефть к концу года? Поженятся ли Галкин и Пугачева?

Женщина улыбнулась еще раз.

— Я приду, если можно, — сказала она. — Бессмысленные вопросы.

— Пожалуйста.

* * *

У женщины по имени Ирина родился мальчик. Прямо в роддоме она удочерила брошенную девочку и выписалась из роддома с двумя детьми.

Я увидела всю семью, когда детям исполнилось по три месяца.

— Я теперь могу вспоминать и думать о нем, о Кире, — сказала Ирина. — Наконец-то. Без злости и отчаяния. С благодарностью. Я поняла: он жил не просто так — вот, они тоже всегда будут его благодарить.

Она приласкала взглядом почти одинаковые кульки с младенцами.

— Я хотела, чтобы вы тоже их увидели, потому что из наших разговоров я многое поняла. Бессмысленные вопросы имеют ответы.

Я не знала, что сказать. Могла только процитировать для Ирины стихотворение Жуковского, которое когда-то помогало мне самой:

*«О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были».*

Глава 39. Не своя жизнь

— Хотя бы вы ему скажите... Может быть, он постороннего человека, специалиста, послушает. Нельзя столько жрать!

Стройная женщина лет тридцати с небольшим говорила с нескрываемым раздражением. Ее чувства были обращены к присутствующему здесь же сыну — мальчику лет десяти, очень похожему на медвежонка Винни-Пуха.

Внешность самой женщины легко описывалась фразой: видно, что человек много собой занимается. Зато почти не просматривалась индивидуальность. Мне показалось, что я много раз видела ее по телевизору, на обложках журналов и в интернет-заставках. Разумеется, это была не она, а ее клоны. Я уже знала, что женщина — адвокат. Преуспевающий, умный, жесткий.

— Мне кажется, что он просто живет возле холодильника! Это не считая четырехразового, поверьте, вполне полноценного по калориям и витаминам питания! И всякой засоряющей желудок дряни, которую он покупает на свои карманные деньги...

— Понимаете, я очень люблю сухарики, — проникновенно объяснил мальчик, обворожительно улыбнулся мне и, тихонько сопя, стал собирать башню из больших деталей детского конструктора.

Мальчик мне нравился. Он выглядел вполне здоровым. Естественно, его звали Миша.

Мама продолжала метать громы и молнии.

— Ты хотел бы похудеть? — спросила я Мишу. — Тебя в школе не дразнят?

— Не-а, — безмятежно ответил он. — Мне и так нормально. Диету — ну ее! Я покушать вкусненькое люблю. А которые мальчишки дразнят, так их девчонки колотят. Они — за меня. Но я и так не обижаюсь. Надо ж им кого-то дразнить...

— И вот это еще! — снова взвилась мама. — Он всех прощает, всех понимает, со всеми договаривается... Никогда не даст сдачи. Девчонки и учителя его действительно любят за незлобивость, но ведь надо понимать, в каком мире мы живем...

— Скажите, ваша семья — это вы, Миша...?

— Еще моя старшая дочь Ева и мой муж.

— Сколько лет дочери?

— Девятнадцать, она учится на юридическом факультете. Между прочим, отличница. А этот, — она ткнула пальцем с устрашающим накладным ногтем в Мишу, — получит тройку и даже не расстроится!

Я поняла, что здорово ошиблась с возрастом своей клиентки. Не могла же она родить старшую дочь в 13 лет!

— Какие отношения у Миши с отцом?

Дама как-то замешкалась, и ответил сам Миша:

— Очень хорошие! Мы в кафе ходим, в театр, и в морской бой он со мной играет!

— Я хотела бы поговорить с вашим мужем.

— Вы уверены, что это нужно? — в голосе дамы ясно звучали сомнения, которые только укрепили мое намерение.

— Да, совершенно уверена.

Молодому человеку я не дала бы и тридцати. Впрочем, на прямой вопрос он ответил: тридцать один. Профессия — театральный актер. — «Какой театр?» — «Да вы не знаете... Это такая экспериментальная студия...» Разумеется, Андрей не был биологическим отцом ни Миши, ни Евы. Но свое расположение к Мише подтвердил охотно и сразу.

— Вы знаете, это действительно странно. Хорошо, если вы разберетесь, — серьезно сказал Андрей. — Наталья обожает Еву, лепит ее по своему образу и подобию, поощряет в ней просто зверское какое-то честолюбие. А Ева с детства лицемерит и подстраивается, ей это во вред, мне кажется. Вроде бы Наталья и Мишку любит. Но иногда на него просто как с цепи срывается — даже не понять, с чего все началось. Я, бывает, вступаюсь, так она — на меня. А Ева всегда на ее стороне, тоже все пытается брата гнобить за обжорство. Мишка же у нас человек хороший, добрый, все им прощает, всех помирить пытается...

— Биологические отцы детей на горизонте появляются?

— Нет, мы вместе уже четыре года, ни про того, ни про другого я даже не слышал. Понимаете,

я люблю Наталью, и к Мишке привязался, хотел бы жить с ними, но... Она успешный человек, умница, красавица, все свое благосостояние создала своими руками, но иногда ведет себя так... — театральный человек скорчил гримаску, пытаюсь подобрать слова, — ...так, как будто бы все это ей не принадлежит, как будто она живет чужую жизнь. И в любой момент все могут отобрать, и надо всегда быть готовой это защищать когтями, клыками... Кто на нее нападает? Мне это непонятно... и неприятно... Хорошо бы, действительно, разобраться...

— Что ж, попробуем, — пообещала я.

Чтобы распутать ситуацию, мне явно не хватало информации. Но из последующих бесед с Натальей ничего нового не всплывало. Ева, Миша, Андрей. Никаких новых лиц. Никакие «скелеты в шкафу» не маячили. В чем же дело? Я понимала, что важным ключом может быть фраза Андрея: «живет не свою жизнь». Но если не свою, то чью жизнь проживает Наталья?

Удача пришла случайно, без всякого моего «наития». Бесполезно (в который уже раз) разрабатывая тему отцов, я задала провокационный вопрос (полагая, что на сына Наталья переносит какие-то конфликты с бывшим мужем):

— А Миша-то, наверное, внешне на своего отца похож? Вы с Евой стройные, а он вон какой медвежонок... Папа поесть любил?

Наталья окаменела лицом:

— Нет, Мишин отец — невысокий и довольно сублильный мужчина.

— А в кого ж он такой? — строя наивность, надавила я.

С минуту Наталья молча смотрела в окно, потом нервным движением открыла лежащую на коленях сумочку:

— Я знала, что рано или поздно вы докопаетесь... Поэтому принесла... Вот, смотрите.

У меня в руках оказалась фотография очень толстой девочки лет 12, с заплывшими глазками и темными жиденькими косичками по бокам круглой, лоснящейся физиономии.

— Кто это? — спросила я, уже догадавшись.

— Это я, — сказала Наталья. На ее красиво вылепленных скулах совершенно по-мужски ходили желваки. — С детского сада меня дразнили «жиртрестом» и «жиромысокомбинатом». В начальной школе мальчишки подглядывали, как я переодеваюсь на физкультуру, а потом рассказывали друг другу всякие гадости. Я старалась учиться лучше всех, у меня все списывали, но все равно дразнили. Когда в восьмом классе мне понравился мальчик, он сказал, что будет со мной встречаться, если я буду делать за него все контрольные по математике и если никто не увидит и про нас не узнает. Иначе его задразнят вместе со мной. Стоит ли продолжать?

— Когда вам удалось решить эту проблему?

— Сразу после университета. Я с четвертого курса неплохо зарабатывала, нашла человека, который в меня поверил, подобрал методики и... Я с лихвой оплатила все его услуги, но все равно безмерно благодарна ему. Он изменил мою жизнь. А Ева — это бонус на память...

Вот теперь все стало по своим местам. Методики, которые Евин отец использовал для

преображения своей сначала клиентки, а потом и любовницы, касались только внешних изменений. Внутри Наталья осталась прежней и — продолжала бороться за место под солнцем от лица толстой, уродливой, всеми гонимой девочки. Свое новое, «более удачное» альтер эго она поместила в Еву. В результате девочка тоже жила «не своей жизнью», но сумела приспособиться к требованиям матери. Чувствительный Андрей играл роль «нервных окончаний» Натальи, закаменевшей в борьбе за жизнь.

И только благодушный Миша решительно не желал вписываться в общую картину. Он, как и сама Наталья в детстве, был толстым обжорой, но совершенно не желал комплексовать по этому поводу. Он не носил брони, но его любили и принимали.

Движимая любовью и тревогой за сына, Наталья настойчиво пыталась «открыть ему глаза» на мир.

— Это он открывает вам глаза, — сказала я Наталье при очередной встрече, когда мы уже обсудили все вышесказанное. — Он — ваш подарок, ваше прозрение. Можно быть толстым, можно быть неагрессивным. Можно быть любимым. Не нужно его переделывать. Миша показывает, что нужно наконец-то сделать вам самой. Принять не других, а именно себя, ведь вы же теперь именно такая, какой хотели себя видеть. И тогда мир перестанет быть угрожающим и опасным...

— Я попробую, — неуверенно сказала Наталья. — Но я не уверена, что у меня получится... Как увижу его у холодильника, как вспомню, так прямо крышу сносит...

— Получится, получится, — подбодрила я. — Уж чего-чего, а силы духа вам не занимать...

Удивительно, но когда Наталья перестала бороться с обжорством сына, Миша немного похудел. Наверное, его подсознание сочло свою воспитательную (в отношении матери) задачу выполненной. Впрочем, по окончании школы Миша твердо решил стать кондитером.

Зато Ева существенно пополнила, перевелась на заочный, устроилась на работу в какой-то офис — и вышла замуж за од-ноклассника-программиста.

Наталья и Андрей подумывают об общем ребенке. Миша очень поддерживает эту идею.

Глава 40. Не хочет учиться!

Поскольку я работаю в детской поликлинике, ко мне часто приходят семьи с детьми школьного возраста. И едва ли не самой частой причиной для их обращения к психологу является успеваемость чада. А еще точнее, проблема, выражаемая практически всегда одной и той же фразой: «Понимаете, он (она) совершенно не хочет учиться!»

Реальные проблемы школьной успеваемости (ребенок или подросток не понимает объяснений учителя, не может выучить материал, решить задачу, обобщить, выделить главное и т. д.) количественно меркнут по сравнению с этим ведущим и откровенно экзистенциальным посылом. Особенно это, разумеется, относится к ученикам средней и старшей школы. Родители, как правило, уверены, что если бы он вот прямо сейчас «захотел», «взялся», «не ленился» и т. д., то все с учебой было бы нормально или даже очень хорошо. Удивительно, но учителя, судя по всему, массово поддерживают это странноватое родительское мнение. То есть получается, что ребенку надо просто что-то такое сказать или объяснить (ничего не меняя снаружи), и он-р-раз! — и захочет учиться!

И приходят, и просят: «Ну скажите хоть вы ему, что надо учиться! А то он (она) уже ни нас, ни учителей не слушает!»

А меня, незнакомую тетку, послушает, что ли?! — бормочу я себе под нос и с долей неуверенности спрашиваю вслух: «А может, если он не хочет учиться, тому есть какая-то причина?»

«Да они все сейчас такие!» — в сердцах отвечают родители и ссылаются на компьютер, телевизор и масскульт, которые отвратили их чадо от коллизий романов Достоевского, экономической географии и решения дифференциальных уравнений. Смешно.

Призванное к ответу чадо сидит на банкетке в кабинете, шаркает ногами по ковру, крутит в пальцах что попадется и подтверждает, что да, учиться ему не хочется совершенно. Уже давно. А может, и никогда не хотелось, просто оно боялось, что родители и учителя будут ругаться. Точно оно уже не помнит.

— Но что же нам с ним теперь делать? — восклицают обескураженные родители. — Ведь без образования-то никуда...

И мне уже не смешно.

Скажу сразу: несмотря на обширнейшую практику по этому животрепещущему в родительских сердцах вопросу, у меня так и не появилось никакого внятного алгоритма его решения.

Каждый раз я пытаюсь исходить из индивидуальной ситуации и иногда достигаю поистине вершин оригинальности. Например, один пятиклассник с гипердинамическим синдромом по моей рекомендации учил уроки во время езды на велосипеде, другой — читал параграфы только вися вниз головой на турнике. Два десятиклассника под моим руководством сочиняли роман-фэнтези в виде учебника истории (по образцу учебника географии в виде «Чудесного путешествия Нильса с дикими гусями» от Сельмы Лагерлёф). А одна девочка ушла из престижной гимназии (которую безбожно прогуливала) в медицинское училище и стала там круглой отличницей.

Но многим помочь так и не удастся — моего креатива и инициативы родителей попросту не хватает, чтобы преодолеть инерцию «нехотения» данного конкретного ребенка.

И потому меня не покидают сомнения: если проблемы «не желающих учиться» чад у сотен семей так похожи, так, может быть, существует и какое-то «правильное» решение этой задачи? Ведь любой обучавшийся математике знает: иногда можно подобрать ответ уравнения, опираясь на интуицию. Но лучше все-таки знать способ его решения. И — в идеале — иметь обоснование, почему именно этот способ решения является самым эффективным.

Так что же все-таки делать?

В общем-то, вариантов не так уж много.

1. Если ребенок не хочет учиться, а ценность образования представляется родителям безусловной, значит, его нужно просто заставить. Есть проверенная веками система поощрений и наказаний, если применять ее творчески, можно добиться неплохих результатов в управлении процессом. Потом чадо повзрослеет, разберется что к чему и еще будет нам благодарно за то, что не обращали внимания на его капризы.
2. Ничего не бывает просто так. У «нехотения» всегда есть конкретная причина. Возможно, ребенку не подходит эта программа, эта школа, эти учителя. Он не может и не хочет

усваивать знания в одной форме, но, вполне вероятно, захочет, если форму поменять. По-настоящему заинтересованные в качественном образовании ребенка родители должны искать, пока не найдут то, что нужно, и интерес ребенка к учебе не восстановится.

3. Не нужно заставлять и давить на ребенка, а также экспериментировать на нем и перетаскивать его из школы в школу. Он — личность, а не объект приложения наших амбиций. вспомните, а сами-то вы любили правила синтаксиса, химию галогенов или решение квадратных неравенств? Школьное образование — это, еще не все. Пусть занимается тем, что ему нравится и ищет себя. Со временем он сам во всем разберется.

Какой из трех вариантов представляется вам самым разумным и почему?

А может быть, вы хотели бы предложить четвертый (пятый, шестой) вариант, поделиться своим родительским опытом?

Глава 41. Неудачница

— Меня очень легко обмануть, — предупредила женщина и улыбнулась. Довольно обаятельно.

Я улыбнулась в ответ.

— Я пока еще даже не начала. Мало информации.

Информация была тут же выдана. Все, в общем-то, просто.

Ее всегда все «кидали». От лучших друзей до погоды и человечества в целом. Все начинания кончались неудачей. Если она находит хорошую работу, то контора прекращает свое существование спустя два месяца. Если знакомится с интересным мужчиной, то оказывается, что он приезжий и ему по обстоятельствам крайне нужна питерская прописка. Если она кладет деньги в банк, то банк лишают лицензии и банкротят практически немедленно. Если она подходит к остановке, то нужный ей троллейбус отъезжает у нее на глазах. Если она с утра берет зонт, то весь день стоит хорошая погода. Если не берет, то... понятно? Она никого ни в чем отдельно не винит. Ясно, что это с ней самой что-то не так. Но что?

Допустим, что у нее не хватает ума разобраться в надежности банков и порядочности мужчин. Но погода-то и все прочее?!

Женщина была миловидна и хорошо одета. Фигура ее явно знакома с фитнесом и диетами. Чтобы положить деньги в ненадежный банк, их надо иметь. В общем, все не так уж плохо. Но ей хочется поговорить, обсудить, может быть, даже что-то действительно изменить в себе.

— Наверное, надо теперь рассказать про семью, в которой я росла? — деловито предлагает женщина.

Она явно смотрела фильмы, может быть, что-то читала, составила себе представления о том, как работают психотерапевты, и ждет, что я сейчас начну оправдывать ее ожидания. Увы! — думаю я. — Сейчас я поступлю с ней точно так же, как банк, мужчины и погода (и в каком-то смысле тоже оправдаю ожидания). «Кину» ее.

— Вы совершенно правы, — говорю я. — Что-то в вашей жизненной стратегии нуждается в пересмотре. И вполне возможно, психотерапия сможет вам в этом помочь. Но отчего вы обратились в детскую поликлинику? Вон, посмотрите, у меня на стенке висят телефоны ближайших психологических консультаций для взрослых и телефон центра «Гармония». Если

вас это не устроит, вы сможете справиться в Интернете...

Обычно я работаю с детьми или семьями. И в девяти случаях из десяти остаюсь в весьма узких рамках психологического консультирования. Это мой сознательный выбор. Разумеется, я училась аналитическим и прочим методикам современной психотерапии, и даже отдельно — гипнозу. Когда только начинала работать, с изумлением обнаружила, что подростки, например, уходят в состояние транса практически по щелчку пальцев. Но что с этим делать? В большинстве случаев я не нахожу нужным (да и, сказать по чести, — просто опасаясь!) залезать глубоко в структуру личности и уж тем паче — что-то там менять. Современная психотерапия с ее несколькими тысячами описанных методик наполовину искусство, на одну четверть шаманство, а на оставшуюся четверть — догадываетесь что?..

Я восхищаюсь гениальностью Фрейда, талантами Юнга, Перл-за и прочих корифеев. Я глубоко уважаю своих многочисленных коллег, которые работают почти исключительно методами глубинной терапии и готовы за деньги клиента и по его запросу годами строить конструкции исключительного изящества и прихотливости. Верить в их объективное существование, убеждать в том человека, совместно эти конструкции перестраивать и иногда тем самым действительно разрешать какие-то проблемы. Во всяком случае, клиенту гарантировано что-то вроде психотерапевтического массажа личности. Я знаю, что обратившейся ко мне женщине есть куда пойти. И все равно мне несколько неловко...

— У меня есть дочь, — говорит женщина. — Ей двенадцать лет. Недавно она спросила меня: «Мама, ну почему я такая неудачница?» И я испугалась: это что — наследственное? Или, может быть, заразное?

Все, попалась! — мысленно сказала я себе. — Теперь, как миленькая, из интересов ребенка будешь слушать, как с тетенькой обходились в ее собственной семье и подробную историю ее однообразных неудач с мужчинами.

— Расскажите о дочери, — уныло попросила я.

Как я и ожидала, выяснилось, что с девочкой все в порядке. Прилично учится в хорошей школе, есть подружки, с удовольствием занимается дополнительным английским и ходит в театральный кружок. Но с подружками все время какие-то разборки, а учителя к ней несправедливы. Другому поставят пять, а ей за то же самое — только четыре...

— Так! — решительно сказала я, когда женщина торопливо закончила с дочерью и приготовилась со вкусом, с толком, с расстановкой, с оглядкой на комплекс Электры рассказать мне о своих отношениях с отцом. — Даю специальное психотерапевтическое упражнение. Выполнять один раз в день, после ужина. Поскольку вы до сих пор не померли в муках под забором, а вполне живы и адаптивны, значит, иногда вам все-таки везет. Стало быть, в конце каждого дня находите три случая ежедневного везения, рассказываете их дочери вслух и записываете в специальную тетрадку. Описание каждого случая заканчиваете фразой: «Повезло мне!» Годится любое, самое незначительное везение. Потом приносите тетрадку мне.

— Да у меня и трех случаев не наберется!

— Наберется!

— А дочери рассказывать обязательно? Это же со мной...

— Обязательно!

Тетрадку она мне отдала, хихикая. Я взяла, начала читать вслух (почерк крупный, красивый, как у девочки-отличницы)... В конце концов тоже не выдержала и рассмеялась. Тетенька по профессии бухгалтер, но вообще-то могла бы, мне кажется, подрабатывать текстами для современных юмористических программ. Вот образцы:

«Сегодня днем ограбили три квартиры на нашей площадке. Торопились, наверное, наркоманы. У нас взяли только немного денег, старый ноутбук и дочкины серьги из-под зеркала. Бабку-соседку стукнули по голове. Увезли в больницу. Нас с дочкой не было дома. Повезло нам, могли бы тоже по голове получить!»

«Сегодня поскользнулась на льду под снегом и упала по дороге на работу. Прямо следом за мной шла ветхая старушка. А если бы она упала? Наверняка — перелом шейки бедра. Пришлось бы вызывать скорую, везти ее в больницу, искать родственников. Пропустила бы весь рабочий день, а так только синяк на ляжке. Повезло мне!»

«Сегодня выяснилось, что классный мужик, которого Лялька отбила у меня на новогоднем корпоративе, заразил ее сразу тремя заболеваниями, передающимися половым путем. Повезло мне!»

— А что дочка?

— Сначала хохотала, теперь тоже стала такое писать, про школу. У нее еще смешнее получается. Читала в театральной студии, руководительница сказала: будем ставить!

— Вы по-прежнему считаете себя неудачницей?

— Да нет вроде, но что же эго...

— Некоторым, да что там... многим людям обыкновенная жизнь кажется слишком обыкновенной. Хочется быть особыми. Но сделаться космонавтами или разбойниками они по тем или иным причинам не могут. Вот и перестраивают под себя реальность. Совсем немножечко... Вспоминаю один эпизод из мемуаров Айседоры Дункан: приходит она к очень богатой европейской женщине просить денег, чтобы построить на пустынной скале в Греции что-то вроде храма, где босые девочки в белых одеждах будут красиво танцевать (Дункан искренне уверена, что это очень важно). А та ей отвечает: ах, милочка, это ерунда какая-то и вообще мне не до ваших затей — я серьезно работаю с доктором Юнгом и каждый день по пять-шесть часов записываю сны, которые мне этой ночью приснились.

— Хи-хи-хи! Вы хотите сказать, что я как они — Дункан и эта богачка? — женщина явно польщена.

Я молча киваю.

— Скажите, а можно эту реальность подо что-нибудь другое перестроить? Не под неудачи?

— Можно конечно, выбирайте! — щедро предлагаю я. — Судя по этой тетрадке, вы человек талантливый.

— Хотелось бы, пока не состарилась, побыть немножко... ну... роковой женщиной, что ли?

— Возможно. Вполне. Но придется, разумеется, поработать. Минут пятнадцать я готова слушать и обсуждать ваш план.

Через пятнадцать минут она ушла уже немножко преобразившаяся. Облизываясь на ходу. А я поняла, что Ляльке (даже когда она вылечится) — уже ничего не светит.

Глава 42. Новый пролетариат

— А вот еще развивающие занятия. Музыкальные гам, английский язык, игры какие-то. Одни говорят, это обязательно нужно, а другие — детского садика достаточно. Вы что скажете?

Молодая женщина по имени Ира — одета и накрашена немного ярковато, на мой взгляд, ну да кто меня спросит. Спрашивает о другом. Причем приходит уже не в первый раз. Создается впечатление, что дочкины проблемы, с которыми обращается ко мне, она практически высасывает из пальца. Ксюше пять лет, три с половиной года уже ходит в садик, болеет только простудами, играет с подружками в обычные девчачьи ролевые игры, знает буквы и умеет складывать их в слоги, считает на пальцах в пределах десятка, любит танцевать, наряжаться и рисует принцесс в кокошниках, в мини-юбках и на высоких каблуках. Обычный милый ребенок, вполне развитый и хорошо социально адаптированный.

Ира явно провоцирует меня на отвлеченные от Ксюшиных дел рассказы «про жизнь», слушает очень внимательно, но своего мнения никогда не высказывает. Может, она сирота? Нет, есть вполне живая и бодрая мама, младший брат, который в этом году поступил в техникум...

Явно наблюдает за мной, ей интересно. Я тоже наблюдаю. И тоже не без интереса, потому что Ира у меня на приеме — представитель целой социальной прослойки. За последние годы я видела несколько десятков этих молодых мам, уловимо похожих между собой. Когда я мысленно даю им общее определение, то у меня невольно вырывается нервный смешок (его поймут лишь те, кто значительную часть своей сознательной жизни провел при развитом социализме). Это — пролетариат.

В последние годы у нас на окраине, вдоль Киевского и Московского шоссе крупные западные фирмы построили филиалы своих предприятий. Завод «Кока-кола», табачная фабрика, что-то автомобильное — всего несколько десятков. У них очень приличные зарплаты и хороший гарантированный соцпакет — питание, детский сад и всякие приятные добавки. На табачной фабрике, например, где Ира работает сортировщицей табака, маме с ребенком раз в год за полцены предоставляют путевку в Сочи.

При этом работа невероятно изматывающая, тупая, смены длинные, дневные и ночные, конвейер — в общем, смотрите фильмы Чарли Чаплина...

Все эти девочки за редким исключением — третье поколение алкоголиков из рабочих общежитий (то есть пили отец и дед, иногда — кто-то по женской линии). Они без всякого удовольствия и успехов окончили 9 или 11 классов в самой простой школе, иногда ПТУ. Никогда не проявляли никаких способностей, ни от одного из учителей не слышали ободряющего слова в свой адрес. Рано стали интересоваться мальчиками, кто-то выходил замуж, кто-то забеременел просто так. Их зачуханные матери, в основном, находили в себе силы поддержать дочерей в решении рожать. Иногда решение принималось ими вопреки мнению родных и отца ребенка, самостоятельно и сознательно: надо же что-то делать! На иностранные заводы и фабрики девочки попали случайно, ибо те, открывшись, набирали рабочих широким гребнем. Там же, кстати, оказались и мальчики со сходным анамнезом, часто — молодые мужья девочек и отцы их деток. Но! Мальчики там не удержались, как и герой незабвенного Чарли. Невозможно! Душит! На волю! Хотя бы в алкогольный туман... А там с этим строго... Уволили...

Молодым мамам деваться было некуда — и они остались. И оценили — стабильную высокую зарплату, на которую можно кормить себя и ребенка, возможность жить и развлекаться в свое удовольствие, гарантии, наличие какого-то (очень условного!) карьерного роста, сопровождающегося опять же реальным повышением зарплаты.

Ищущих смысл жизни в бутылке мальчиков они выгнали из своей жизни довольно быстро — зачем он мне, если я сама могу ребенка прокормить? Одни от него неприятности и претензии. Сама себе хозяйка — чего лучше! А если мне секс нужен, так какие проблемы!

Грустно-забавный повторяющийся от визита к визиту мотив: вот Марья Петровна в школе всегда говорила — ничего-то из тебя, Иванова, путного не выйдет! А я теперь в три раза больше нее получаю, с мужиками у меня (в отличие от Марьи Петровны!) проблем нет, была в Турции и Египте и ребенку любую игрушку могу купить. Вы мне скажите, как его правильно развивать, а я уж все сделаю...

«Наши дети будут жить при коммунизме!» — как это, в сущности, знакомо...

Я росла в самом пролетарском районе Ленинграда: Исполкомовская, Полтавская, решетка номерных Советских улиц, старый Конный рынок... Огромные коммунальные квартиры, плотно населенные семьями рабочих с больших заводов, любимые главами семейств рюмочные по соседству... Я хорошо помню старых ленинградских пролетариев. Они были неисправимо сентиментальны, читали газеты «Труд» и «Ленинградская правда», любили солоно поговорить про политику, про футбол, понимали юмор и сами любили пошутить. Мир они видели как разумную систему, подвыпив, искали смысл жизни, беседуя со мной (я была высоколобой девочкой с поздним половым созреванием, подружкой их сыновей и дочерей) за кухонными столами, покрытыми резаной клеенкой. Я не уходила от этих разговоров, они что-то давали и мне — ведь у меня не было никакого отца, даже алкоголика-пролетария. Их женам и в дурном сне не могло привидеться, чтобы «избавиться» от пьяненького кормильца — обругают, накормят, потом спать уложат...

Мои теперешние пролетарки — совсем другие. Жесткие, прагматичные, лишённые даже намёка на сентиментальность. Мировоззрение не определяется, системность образования — ниже плинтуса. Как будто личность вычерчена в разных направлениях, почти хаотично, но — по линейке.

Опять Ира. Рассказываю, как работала в зоопарке, в цирке шапито, об экспедициях на Дальнем Востоке. Слушает. Контакт — напряженнее некуда. Психологи называют это «раппортом».

— Ира, — не выдерживаю я. — Этот табачный конвейер — действительно то, чего вы хотите от жизни?! Есть же еще...

Подается вперед.

— Вы думаете, я не понимаю, о чем вы говорите?! Все понимаю. Вы говорите про мечту. Да, ее нет. И не было никогда. И ни у кого вокруг меня не было — у подружек, у родни, во дворе. Вот, вы первая о ней говорите, если не врите для красоты, конечно. Но если бы вот я, допустим, хотела бы доктором стать или там инженером, наверное, еще прежде пошла бы учиться. Так ведь нет ничего. И ума нет — учителя-то не ввали. Но... Вот вы иначе выбрали. Хорошо. Мне двадцать семь лет. Я сейчас Ксюшу ращу и маме помогаю — брата еще три года до армии тянуть. Скажите мне: «Ирка, брось к черту свою табачную фабрику, иди в никуда, без ума, без денег, без поддержки, за мечтой — может, и прорвешься!» Я, может, и пойду. Скажете, а?!

В зеленых глазах злой, отчаянный свет. Все лицо — вызов. Кривятся накрашенные лиловой

помадой губы.

Мы долго молчим — несколько минут. Новый пролетариат вообще хорошо держит паузу. Это его коронный номер, как у Джулии Ламберт из «Театра» Моэма. Жизнь как пауза.

— Не скажу, — отвечаю я. — Ты это хотела услышать? Нельзя прогнать за мечтой. Каждый решает сам.

— Я хотела услышать другое, и вы это знаете, — отвечает Ира. — Но вы правы, конечно, каждый — сам за себя. Все равно — спасибо вам, что время на нас с Ксюшкой тратили. И — прощайте.

Больше я Иру никогда не видела.

А новый пролетариат по-прежнему приходит ко мне регулярно.

Глава 43. О неудачах

Все, о чем я пишу, происходило в реальной жизни. И на самом деле работа практического психолога состоит в основном из неудач. Когда-то (уже довольно давно, приблизительно после десяти лет работы) я, по привычке бывшего научного сотрудника, попробовала прикинуть свою эффективность, то есть посчитать процент людей, которым мне реально удастся помочь. А также определить причины, по которым не удастся помочь остальным. И вот что у меня получилось.

Из всех людей, которые ко мне обращаются сами или приходят по направлениям других специалистов, приблизительно половина вообще не понимают ни сути процесса психологического консультирования, ни того, что я им говорю, ни того, что они сами здесь делают. И выходят из кабинета с более или менее выраженным недоумением: чего это вообще было-то? Причин несколько:

1. Я слишком завысила планку в оценке интеллекта посетителя.
2. Использовала не тот слой языка, не попала в систему кодировок (например, в беседе с представителями той или иной молодежной субкультуры).
3. Не разгадала и не учла чего-то очень важного в структуре личности (например, связанное с религией или со скрытой фобией).

С годами я, конечно, совершенствуюсь. Например, когда я разговариваю с подростками на их диалекте, мои собственные дети тихо «балдеют» — с ними я всегда говорила русским литературным языком. А цитирование суфистских притч или вольное толкование Нового Завета стало моим коньком. Но — увы! — успех измеряется всего несколькими процентами. Вероятно, в улучшении результатов решения проблем пациента существует некий предел. За которым возможно лишь эмоциональное постижение и передача собственных пожеланий и советов.

Идем дальше. Из той части пациентов, которая меня услышала, половина не собирается и изначально не собиралась ничего делать. Они сходили к психологу, так сказать, отметились — и все. Помните, как Айболит лечил заболевших зверей? — «И всем по порядку дает шоколадку, и ставит, и ставит им градусники!» Так вот я в этой ситуации, несомненно, градусник. Хотя мои посетители этого сорта обычно по природе добры и любят провозглашать мои усилия «шоколадкой», благодаря на прощание приблизительно такими словами: «Спасибо, доктор, было очень интересно!»

Из тех, кто услышал и настроен действительно хотя бы что-то предпринять, половина поняли меня неправильно и начали делать нечто вызывающее изумление, с трогательной уверенностью, что «так психолог сказал». Причин опять же несколько. Кроме моих недоработок, сюда включаются и всем известные механизмы переноса, замещения, вытеснения и т. д. Плюс прошлый опыт, «поперечность», противодействие, желание сделать наоборот, свойственное русскому характеру, и обыкновенный пофигизм (договорились, что они будут делать нечто каждый день по 10 минут, а они делают раз в неделю и полтора часа — вызывая у ребенка нервное истощение и стойкое отвращение к процессу). Потом приходят и говорят: «Вот, мы все сделали, как вы сказали, получилось то-то...» — а я только за голову хватаюсь: «Когда я *такое* говорила?!»

И, стало быть, из оставшейся части (всё поняли правильно и приступили к правильным действиям) у половины просто не получается, или они не доводят дело до конца: не хватает ума, настойчивости, терпения, силы воли и т. д. Иногда вмешиваются обстоятельства. Например, с ребенком занималась бабушка, а у нее случился инсульт, или — родился младший ребенок, ушел из семьи отец — изменилась вся архитектура семьи — стало не до визитов к психологу.

У кого хорошо с арифметикой, тот уже приблизительно прикинул процент. Для прочих скажу — получается совсем немного. Много меньше, чем хотелось бы.

Ну вот. А оставшимся я, конечно, помогла. Если с самого начала или позже, в процессе работы, правильно поняла проблему, подобрала адекватные методики и пошла по правильному пути ее разрешения...

А иногда людям надо, чтобы их просто услышали...

И мне тоже.

Честное слово, я стараюсь...

Глава 44. Еще раз о детской одаренности

Иногда я годами живу спокойно и с этой проблемой вообще не сталкиваюсь. То есть, разумеется, регулярно приходят мамы и даже папы, уверенные если не в гениальности, то, по крайней мере, в глубокой талантливости своего ребенка, и приводят тому всяческие доказательства: а вот он в четыре года нарисовал, а вот она в пять лет уже читает, и воспитательница сказала, и в детской учебке-развивалке все так удивились, когда он... Хотят получить от меня подтверждение своим надеждам, иногда (нечасто) пройти какой-нибудь тест. Часто спрашивают, как развивать несомненно имеющийся талант еще и еще, чтобы, не дай бог, не упустить время...

Я никого из них не разубеждаю. Все дети талантливы, конечно, кто бы спорил. И ваш — тоже. Честно говорю, что, по моему мнению, любое не медицинское тестирование маленьких детей, в общем-то, фигня, потому что индивидуальный разброс темпов и вариантов нормального развития в первые годы жизни такой, что предсказать по результату тестов что-нибудь наверняка очень трудно, если не невозможно. Даже огурцы на грядке, посаженные в один день, созревают не одновременно, а дети все-таки не огурцы. Но если вы настаиваете, то я, конечно, могу... Обычно родители не настаивают. Но что же такое ранняя одаренность? Существует ли она вообще или это просто результат продуманного воспитания и развития ребенка? Безусловно, существует.

Вот как это видится мне, с моей практической «колокольни». Хотя я вполне готова к тому, что кто-то со мной решительно не согласится. Обсудим.

Раньше всего (фактически на третьем году жизни) проявляет себя художественная одаренность. Рисунки такого ребенка по технике соответствуют возрасту, но эмоционально богаты — за ними стоит «странно взрослое» видение мира, явно опережающее возраст. Иногда художественно одаренные дети используют удивительную палитру красок — фактически «говорят цветом». Еще один признак ранней художественной одаренности — дети стремятся рисовать практически всегда и везде. Это их язык, которым они могут сказать о себе и мире гораздо больше, чем словами.

Чуть позже (четвертый, пятый год жизни) выявляется ранняя музыкальная одаренность. Мне доводилось видеть четырехлетнего ребенка, который с пластинки запомнил и воспроизводил целиком (!) рок-оперу «Юнона» и «Авось». Другой ребенок в пятилетнем возрасте сам выучился подбирать на пианино несложные мелодии песен, которые слышал по телевизору. Здесь та же закономерность — эти дети стремятся петь и музицировать как можно больше, отлучение их от этой возможности — урезание существенной части их мира, против которого они активно протестуют.

Значительно позднее (видимо, уже после завершения процесса формирования межполушарной асимметрии), приблизительно к девяти-десяти годам, становится заметным раннее развитие... даже не знаю, как правильно сказать: может быть, математических способностей, но вернее — повышенной склонности к логическому мышлению и системному постижению мира. В этом смысле несомненно правы те педагоги, которые говорят, что для усиленного изучения математики детей надо отбирать уже после окончания начальной школы.

Вне всякого сомнения, существует еще и общая ранняя одаренность. Причем двух типов.

С одной стороны, это — «Филиппки». Именно они сами выучиваются читать по перевернутым папиным газетам, решают задачи и выполняют задания, решительно не соответствующие их малому возрасту. «Филиппков» иногда надо даже слегка подтормаживать, возвращая им детские радости и способы реагирования на мир. Их явно ускоренное развитие со временем войдет в нормальное русло, а привычка быть «вундеркиндом» может сыграть с ними дурную шутку.

Второй тип общей одаренности — дети, которые с самых ранних лет находят нестандартные решения к стандартным задачам. Есть такой стандартный вопрос в тесте на школьную зрелость (для шестилетних детей): определи сходство и различия (морковка и картошка, мяч и апельсин и т. д.). У меня для развлечения детей есть такая пара: Баба-Яга и самолет. Обычно дети легко находят сходство (оба летают), а вот различия формулируют по-разному, впрочем, почти всегда логически привязываются к теме «живой-неживой». И вот как-то раз шестилетний ребяенок заявляет мне: сходство — оба летают, различие: самолет летает на бензине, а Баба-Яга — на силе человеческой фантазии. Каково? Одаренность этих детей требует бережного в прогностическом смысле отношения — из них вполне могут получиться талантливые взрослые. Их дар очень губит обстановка, в которой на каждый вопрос есть один правильный ответ.

Но откуда берется ранняя одаренность?

Понятно, что ее появление не объясняется каким-нибудь там «ранним развитием» или «особой системой воспитания». Ведь все, чего добились несомненно талантливые создатели всяких систем раннего развития, — они вырастили из своих детей здоровых и нормальных взрослых

людей. Согласимся, что это — совсем не мало, но вполне возможно и без применения особых методик. За годы практики я видела десятки (а может быть, и сотни) адептов самых разнообразных и причудливых систем воспитания и развития: от твердых материалистов-диалектиков типа супругов Никитиных до медитативных художников, дети которых к тому же все время ныряли то в прорубь, то в холодную ванну. Результаты несомненно были: пятилетние дети со страшной, недоступной для меня скоростью собирали какие-то головоломки, младенцы лазали по веревкам, трехлетка читал со скоростью третьеклассника, кто-то рисовал диковинные цветы масляными красками на стенах, проплывал под водой двадцатиметровый бассейн, гулял босиком по снегу, по полчаса читал наизусть Хармса и Цветаеву... Хорошо, что человеческие детеныши самой природой запрограммированы на самые причудливые изменения и вариации окружающей среды и умеют все это переносить практически без вреда для себя.

Стоит повторить, что к ранней детской одаренности все вышеописанное не имело никакого отношения. И к одаренности в подростковом состоянии тоже не приводило. Вырастали самые обыкновенные люди, часто — с хроническим отитом, проблемами в социальном функционировании (не пройден какой-то важный этап развития — например, отсутствовали ролевые игры) и неустойчивой самооценкой.

Но если она все-таки есть, то что с этим делать? Десятки и сотни рекомендаций, как развивать, где учить и т. д. Хочется сказать только одну вещь, на которую не очень обращают внимания и которую родители этих детей обычно просто не хотят слышать. Эти дети — повышенно уязвимы. Их ранняя одаренность — это *нарушение* развития. И опережающее развитие чего-то одного происходит у них всегда за счет чего-то другого (по закону Ломоносова-Лавуазье). Если это «что-то» — здоровье (как, например, у гениального ребенка Блеза Паскаля, который в десять лет исследовал природу звука, а в одиннадцать «переоткрыл» всю геометрию Евклида), то тут вроде бы все ясно — лечить, заниматься профилактикой. В других, менее понятных случаях надо искать и, по возможности, компенсировать.

В основном я работаю с самыми обычными детьми.

Но иногда, вдруг, без всяких причин и знамений ко мне является кто-то и приводит с собой ребенка... Спутать это нельзя ни с чем, и никак не отделаться от ощущения, что эти странные дети — какое-то послание всем нам. Но какое?

Глава 45. «О ты, последняя любовь!»

*Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.*

Ф. Тютчев

— Он — совершенство! Я снова живу и как будто бы летаю на крыльях. Мы были в театре... Представь, я начала писать стихи... Хочешь, я прочту их тебе?... Но он не звонит уже две недели. Я написала ему шесть писем в стихах...

— Послушай, но как же твой муж, Вадик? Вы вместе более двадцати лет.

— А что — Вадик? — искреннее непонимание в подведенных глазах моей давней, не особенно близкой приятельницы. — Это не имеет значения. Только он... Ты психолог, ты должна мне

быстро сказать, что я сделала неправильно, я быстро исправлю, потому что без него...

Когда я училась на психфаке, донимала всех родных и знакомых тестами, опробовала на них все методики подряд. Они относились ко мне вполне благосклонно. После окончания периодически возникал соблазн: взять за пуговицу и спросить — а что ты сейчас чувствуешь? Но я боролась с собой. Года через два после начала самостоятельной работы дала себе зарок: никакого «психоанализа» в семье и ближайшем окружении. Хирурги не оперируют друзей и близких — и правильно делают! Окружение поняло и приняло.

Больше пятнадцати лет я работала с семьями, детьми и подростками. Многие проблемы угадывала практически «с порога». Думала: о, как я теперь разбираюсь в возрастной психологии!

— Смешно: мы вместе учились в институте, знали друг друга четверть века, но только сейчас поняли... Представь: еще немного и было бы поздно! Мы понимаем друг друга даже не с полуслова, а с полувзгляда. Мы сидим, у меня на кухне и говорим часами, не замечая, как летит время. Мы предназначены друг для друга, но я вижу, что он чего-то боится. Я инженер, ты психолог и ты должна объяснить, что это такое и как мне поступить, чтобы ничего не испортить, потому что без него...

— У него есть семья? — спрашиваю я свою кругленькую одноклассницу.

— Да, но с женой у него давно формальные отношения. Две дочери. Подростки, он к ним очень привязан. Но какое это имеет значение для нас? Я же не собираюсь препятствовать его общению с дочерьми...

Все мои убеждения о невмешательстве разом полетели в канаву.

Произошло странное: едва ли не все мои уже немолодые подруги и приятельницы влюбились и агрессивно потребовали моих консультаций.

— Ты помнишь, я в юности рисовала, училась в художественной школе? Так вот, через тридцать лет я опять достала мольберт, даже съездила на этюды. Хочешь взглянуть на мои картины? Я написала его портрет. Он младше меня. Моя мама говорит, что ему нужна только ленинградская прописка, но это чепуха — я знаю, что он меня любит. Разве меня нельзя любить? Помнишь, какая я была хорошенькая в юности? Скажи, с тех пор я очень постарела?

— Да, ты была очень хорошенькая, — подтверждаю я слова неожиданно возникшей на моем пороге подруги детства. — Когда ты была рядом, на меня даже смотреть никто не хотел... А этот человек... откуда он приехал в Питер? Что делал там? И здесь?

— Да какая разница! Ты психолог и должна рассказать мне, как правильно и на какой основе строить отношения в нашем случае. Я очень боюсь наскучить ему, ведь мне все-таки не двадцать и физиологическая сторона... сама понимаешь... Я предлагаю театры, выставки, концерты, но он как-то...

Что происходит? Про мужиков в этом возрасте, о пресловутом «бесе в ребро» все вроде бы знают. И гормональные, и психологические, и поведенческие их особенности многократно описаны. Но вот тетеньки? А ведь это не только престарелые шоу-дивы, это вполне массовое явление. Об этом я нигде не читала. И что мне делать?

Ну, во-первых, разумеется, надо попытаться понять. Ясно, что речь также идет о какой-то из «ловушек» от возрастной психологии. У природы их много, и человек, став существом

мыслящим, исправно платит по счетам. Сама по себе эта ловушка мне неизвестна, но аналогия напрашивается почти мгновенно (дело облегчается тем, что большую часть влюбившихся теток я знаю с юности или даже с детства) — девичья подростковая любовь.

Сходство налицо: идеализированное представление о предмете, обилие высокопарных высказываний, сравнительная не-важность плотских моментов, сублимация отношений в стихах, письмах и наконец флер легкого дебилизма при обсуждении ситуации...

Дальше вглубь — к биологии. Тоже понятно. Фактически в этом возрасте в организме у женщин происходит процесс, обратный половому созреванию. Задействованы те же гормоны, те же системы. Только знак — не плюс, а минус. Не включить, а выключить. И наблюдаемые с точки зрения поведения и психологии «надстроечные феномены» при «включении» и «выключении» получаются весьма сходными.

У мужчин, если подумать, — то же самое. Только больше известно, так как чаще сопровождается экстравертными, на публику, действиями. Впрочем, сейчас, кажется, ситуация в обществе в этом смысле меняется, женщины явно становятся активней. Хорошо это или плохо — не мне судить.

Ладно, с этим более-менее ясно. Но что ж мне делать с влюбленными приятельницами? Ведь они ждут даже не совета, а руководства к действиям...

Для тех, кого считала поумнее и посильнее, я просто раскинула на столе созданный мною биолого-гормонально-психологический пасьянс. Долго думали, вздыхали, уточняли, сопоставляли, ахали, смеялись. Ушли просветленные, каждая сама решит, что с этим делать.

Для прочих пришлось, наплевав на принципы, использовать психотерапию: «Ты помнишь свою первую любовь? Это ресурс, счастье, акварель, воздух, который всегда с тобой. Но из него не сплетишь авоську для картошки. Последняя любовь — то же самое. Ее помнить даже легче, потому что человек уже зрелый, понимает что к чему и умеет не разбрасываться ценностями... Но и ее — как бабочку, как облако — нельзя привязать к себе и оставить неизменной до гробовой доски...»

Я говорила и думала: кто бы меня сейчас взял за пуговицу и спросил — что вы сейчас чувствуете?

Ибо я чувствовала — зависть.

Глава 46. Оставить в прошлом

— Нам не нравится, каких друзей он себе выбирает в школе и во дворе. Он тайком курит. Стал хуже учиться. Несколько раз прогулял уроки, перестал ходить в хор, в котором пел с первого класса. Дерзит мне и отцу, учителя тоже жалуются.

Говорила в основном мать. Отец отмалчивался, но при прямом к нему обращении все подтверждал. Мальчик тоже соглашался с наличием проблем и сам предлагал решение: пусть они отстанут. Отца звали Всеволод. Мальчишку — Сева. Жалобы родителей были самыми обыкновенными. Я думала: так у парнишки кроме подросткового кризиса еще по возрасту и мутация голоса. Как же ему в хоре петь? Готовилась дать стандартные объяснения и советы и отгоняла интуитивную тревогу. Лица у всех троих были гораздо серьезней и трагичней, чем те проблемы, с которыми они пришли. Кто-то один в семье вполне может «раздуть из мухи слона». Но все трое?

Еще складывалось странное, почти «из воздуха» ощущение, что вслух в проблемах мальчика обвиняют самого Севу, а скрыто — отца. Более того, мужчина сам как будто согласен с женой и сыном. В чем же его вина, о которой нельзя сказать здесь и сейчас? Два напрашивающихся объяснения — бурный роман на стороне (возраст как раз подходит) или алкоголизм. Второе явно не в моей компетенции, но на регулярно пьющего мужчину Всеволод решительно не похож. Что же — роман, угрожающий развод, мать пытается спасти семью, педалируя проблемы сына? Обыкновенное дело, без мужа и сына она мне все расскажет.

— Сейчас я поговорю отдельно с Севой (буду поднимать парню пошатнувшуюся самооценку и попытаюсь что-то узнать), а потом — отдельно с мамой (узнаю, в чем проблемы с мужем). Так принято.

— Хорошо, конечно, доктор!

Ни от Севы, ни от его матери я ничего дополнительного не узнала. Повторяли все то же самое. Я ошиблась?

— Всеволод, я попрошу вас прийти ко мне еще раз для отдельного разговора. Все-таки у вас мальчик, подросток, ему нужно ваше внимание, мы должны обсудить формы...

На лице у женщины гримаса такой сильной боли, что мне становится жутко, и я обрываю фразу на полуслове. Он, конечно, не придет, и я так никогда и не узнаю...

— Я приду, назначайте время.

Он пришел, сел, опустив голову, и ждал моей реплики.

— Что ж, рассказывайте, — сказала я.

Они с первой женой вместе учились в университете. Первая любовь, полет романтики, беременность, веселая студенческая свадьба. Родился сын. Оба получили дипломы, он — чуть раньше, она — чуть позже. Он успешно занимается любимой наукой, она — хочет того же, но ребенок часто болеет. Он едет на годичную стажировку за рубеж, она остается с ребенком в России. Противоречия, обвинения накапливаются. Развод. Он готов общаться дальше. И с женой и, конечно, с сыном. Она — не может, говорит: слишком больно. Он понимает, отходит в сторону, ограничивается алиментами и подарками на праздники. Потом — новая семья, рождение еще одного сына, научная карьера уверенно движется вверх и отнимает все больше времени. Первая жена замуж так и не вышла, работала младшим научным сотрудником, давала уроки английского (когда-то окончила престижную английскую школу), с трудом сводила концы с концами.

Первый сын младшим подростком пытался общаться с отцом. Всеволод был только «за», но фактически не знал, о чем с ним говорить, что делать при встречах. Он не разбирался в музыке, не увлекался машинами, не ездил на рыбалку. А сыну глубоко фиолетово была его наука, посещение театров или музеев... Потом бывшая жена как-то раз позвонила и пожаловалась: кажется, сын уходит «налево», сделай что-нибудь, ты же мужчина. «Но что я могу? — с раздражением сказал он (приближалась международная конференция, у него там был ответственный доклад). — Я же его фактически не знаю и не имею на него никакого влияния». Женщина тихо заплакала и положила трубку. «Подростковый кризис, — подумал он. — Она, конечно, волнуется. Надо будет потом, после конференции, позвонить. Может быть, даже встретиться». Как-то не сложилось? Или он все-таки позвонил, а она ответила отчужденно и формально? Он не помнит точно. Прошло около двух лет. Передозировка. Больница. Отказали почки и поджелудочная железа. Сын даже успел со всеми попрощаться.

«Всего доброго, мама, не огорчайся. Прощай, папа. Не обижай маму».

На поминках бывшая жена впервые в жизни выпила стакан водки и бросила ему в лицо обвинение: «Если бы ты думал не только о себе, твой сын сейчас был бы жив, и впереди у него была бы долгая и счастливая жизнь!»

Он пришел домой и понял, что она была права.

Конец истории.

Изменилось все. Наука (Всеволод заведует лабораторией) больше не радует. В теперешней семье — отчуждение. С сыном прекратились совместные походы на каток, на лыжах (все время мысль: а если бы я со старшим это делал?). С женой прекратилась интимная жизнь. Он пробовал поговорить с ней о своей боли. Она сказала: оставь это в прошлом, живи дальше. Как в американских романах, которые она любит читать. Ни в чем ее — упаси бог! — не обвиняет, просто оказалось, что она — чужой человек. Но ведь он и сам думал, что все это — в прошлом. Оказалось — в будущем...

В данном случае у меня не было сомнений: Всеволоду нужна помощь психотерапевта. И этот психотерапевт — отнюдь не я. Я так чувствовала, да и он, как выяснилось, тоже. Ему хотелось работать с мужчиной. Обсудили. Он согласился. Я дала телефон центра «Гармония». Сказала: срочно, не оттягивайте. Но если что, приходите сюда. Он сказал: спасибо, я выговорился, мне сейчас чуть-чуть полегче. Я сделала бодрое лицо: в «Гармонии» вам обязательно помогут!

Не помню, сколько прошло времени. Но точно больше года.

Я его сразу узнала, только сходу назвала Вячеславом. Он почему-то не стал меня поправлять.

— Вы обратились тогда к специалисту?

— Да, конечно. У меня просто не было другого выхода.

— И что?

— Вы знаете, он мне очень помог. Я во многом сумел разобраться! Понял то, что много лет оставалось для меня загадкой. И, конечно, главное: с его помощью я сумел пережить смерть старшего сына.

Я промолчала, ибо сказать напрашивающееся «хорошо» язык не повернулся.

Ладно, а чего же он теперь пришел ко мне? Неужели «отчитаться» о пройденном пути? Нет, так не бывает.

— Мы много работали над моими отношениями с первой женой, — продолжал Всеволод, которого я назвала Вячеславом. — Некоторые вещи мне очень хотелось уточнить: неужели это и в самом деле так?! Я решился с ней встретиться. Был уверен, что придется еще раз выслушивать ужасные обвинения, долго готовился к этому, даже пил таблетки, которые мне прописал мой психотерапевт. Но ничего не случилось. Она подтвердила все, что я к тому времени понял в наших отношениях, а потом мы сразу стали говорить о сыне. Я словно заново узнавал его. Это было нечеловечески больно и одновременно возрождало к жизни нас обоих. В психотерапии для этого есть даже какой-то термин... он называл... я сейчас вспомню...

— К черту термины! — рявкнула я. — Дальше!

— Мы поняли, что к моменту окончания университета у нас были совершенно одинаковые ценности. Мы любили и презирали одно и то же, одно и то же хотели делать. С одной стороны, мы идеально подходили друг другу, а с другой — никто не хотел чем-то поступиться. Я лидировал просто по половому признаку — мне не надо было носить, рожать, кормить... Нашего сына погубила наша гордыня...

Мне трудно было с этим согласиться, но я не прерывала Всеволода. Это его вывод, и он нелегко дался ему и его бывшей жене.

— Как поживает ваш младший сын? Сева? — я тут же вспомнила, что отца и сына зовут одинаково. Стало быть, он не Вячеслав, а Всеволод. А мне явно предстоит услышать еще что-то кроме отчета об удачной психотерапевтической сессии.

И я услышала.

— Дело в том, что мои отношения со второй женой... Я вполне понимаю, что она не обязана была поддерживать меня тогда, но... И то, что я вам уже рассказал о первой жене... У нас общий круг друзей, общие воспоминания юности. Она понимает мои научные интересы. Я взял ее в свою лабораторию. А теперь она... — он впервые, с вызовом взглянул мне прямо в глаза. — А теперь она ждет нашего ребенка! Неделю назад УЗИ показало, что будет мальчик. Я собираюсь развестись, но вот Сева, ему сейчас четырнадцать, и он...

У меня в самом буквальном, физиологическом смысле волосы зашевелились на голове. От ужаса.

Ужас усугублялся тем, что я всегда знаю, когда пришедший ко мне человек уже принял решение. И в любом случае поступит так, как решил. И все, о чем мы с ним будем говорить, либо поддержит его в его решении, либо утяжелит бремя уже сделанного им выбора. Так вот, Всеволод, несмотря на его заявление, окончательного выбора еще не сделал. И пришел ко мне за советом. Какого черта? — внутренне возмутилась я. — Почему он не попросил рекомендаций у своего мужика-специалиста?!

— А почему бы вам не посоветоваться с вашим психотерапевтом, который вашу историю знает, конечно, лучше, чем я?

— Так я с ним уже советовался! — простодушно воскликнул Всеволод. — Он сказал: в нынешней семье отношения умерли еще до того, как вы ко мне обратились. Это испытание было лакмусовой бумажкой... Но я как-то все сомневаюсь... Наверное, я слабый человек и потому не могу решиться...

Хорошо, что мы все знаем про лакмусовую бумажку, иначе я бы так и не поняла, с чем психотерапевт сравнил смерть старшего сына Всеволода.

— Но что же вы скажете?

— Я вам скажу, что это — дубль два. Вы уходите к новым свершениям и открытиям (на этот раз психологическим), опять оставляете сына, который уходит «налево», и женщину, которая вас любит, но не в силах удержать. А если с Севой, который в курсе всего предыдущего и у которого, как- никак, половина генов из того же источника, что и у покойного брата, тоже что-то случится? Вы вернетесь обратно к его матери?

— Боже, вы правы! — патетически воскликнул Всеволод. — Я сам думал об этом, но боялся вот так сформулировать. Я этого просто не переживу!

— Конечно, конечно, — согласилась я. — И мне вас ни вот столечко не жаль, — я двумя пальцами показала, насколько мне его не жаль. — Но, знаете, ведь не все случаи с подростками заканчиваются смертью... Стало быть, вы не переживете. Останется парень с серьезными проблемами, его несчастная мать, и еще одна немолодая женщина с младенцем, уже пережившая такое, что не дай бог пережить никому...

— Но что же мне теперь делать?!

— Я должна вам это сказать?

— Конечно! Вы специалист по детям, скажите, как будет лучше для Севы и того, который еще не родился. Я постараюсь...

Специалист «по взрослым» уже дал ему совет. Теперь он явился за советом к специалисту «по детям». Но решать все равно самому Всеволоду.

— У Севы еще есть контакт с матерью или с вами?

— Почти нет. Ему важно только мнение его друзей и каких-то непонятных мне молодежных музыкальных кумиров.

— Скоро они станут для вас понятными, — грозно сказала я. — Потому что вы их подробно изучите согласно научным методологиям, которыми владеете. Психологические изыски, освоенные вами под руководством терапевта из «Гармонии», вы теперь обратите действительно в будущее — разберетесь в отношениях сына и его друзей, сами выстроите с ним отношения. Ему сейчас критически нужен отец, но отец понимающий и принимающий. И вы им, черт побери, станете! Потому что вы задолжали и не смеете еще раз отвернуться...

— Да, да... — на глазах мужчины блеснули слезы. — Но как же малыш?

— Вы признаете ребенка и будете ему отцом. Всегда. Будете принимать участие в его воспитании. У него есть любящая мать. Ближайшие три-четыре года — именно это для младенца критично. Эти же три-четыре года критичны и для Севы... Я говорю только о детях, — уточнила я и грубовато добавила: — Со своими женщинами разбирайтесь сами!

Всеволод поспешно закивал, соглашаясь. Если бы я еще сама была на все сто уверена в своих советах... Но опять увильнуть от ответственности и послать его еще на один годовой курс психотерапии я просто не имела права. Потому что младенец и Сева не могли ждать...

Неожиданно я узнала и продолжение этой истории.

— Мне Всеволод дал ваши координаты, — сказала немолодая женщина с усталыми добрыми глазами. — Дочка, знаете, последнее время истерики закатывает и кашу отказывается есть...

— Но это же должен был быть мальчик! — удивилась я.

— И УЗИ ошибается, — улыбнулась женщина. — Я думаю, это к лучшему.

— А Всеволод где? — спросила я.

— В основном в науке. Пишет монографию. Но вообще-то — там, в своей семье. Мы с ним очень хорошо дружим, это оказалось во всех отношениях удобнее.

— А Сева, сын Всеволода? Вы знаете, что с ним?

— Конечно. Он у нас регулярно бывает, и с отцом, и просто так. Закончил техникум, работает, осенью собирается в армию. Всеволод уговаривает его после армии поступать к нему в институт, на вечернее отделение. Он вроде прислушивается. Хороший, веселый парень, поет в каком-то ансамбле, и сестру любит, я ее могу даже иногда с ним оставить и уйти куда. Она-то его просто обожает и слушается всегда. Не то что меня...

Глава 47. Писающие младенцы, или О пользе академических изданий

Зима. Холодно. Хочется поговорить о чем-нибудь теплом, веселом и одновременно полезном. Например, об Африке. Казалось бы, что там может быть интересного для нас, кроме сакраментального: «Не ходите, дети, в Африку гулять!» Однако.

Когда у меня родилась старшая дочь, о памперсах в Союзе никто и слыхом не слыхал. Использовали многоразовые подгузники из простыней и марли. Их нужно было шить, стирать, кипятить, гладить и все такое. Очень утомительно, но куда денешься... В авторитетных изданиях сообщалось, что раньше года детей к горшку приучать бесполезно — у них еще не сформировался механизм произвольного контроля соответствующих функций. Я, естественно, и не пыталась.

Когда дочь подросла и уже вполне успешно взаимодействовала с горшком, я вышла на работу на свою кафедру эмбриологии и на обратном пути домой часто заходила в магазин «Академкниги», который располагался на Университетской набережной, недалеко от здания Двенадцати коллегий. И вот там-то и стали появляться невидные собой книжки из серии «Этнография детства». Я их покупала. Очень симпатичные сборники вполне научных статей о разных обычаях в разных странах, связанных с рождением, взрослением и воспитанием ребенка. Масса интересных и неожиданных для меня фактов.

И среди них безупречно логичное, не лишенное даже специфической академической иронии сообщение из какой-то африканской страны. Матери-африканки в этой стране носят своих детей на себе до двух лет. Когда первый раз спускают их на землю, в селении даже устраивается специальный праздник. До этого ребенок либо привязан у матери за спиной, либо сидит на руках у родственников, либо играет на полу в хижине, приподнятой над землей на помосте. Причина такого материнского поведения с биологической точки зрения вполне понятна — на земле в тех краях для несмышленного младенца слишком много опасностей: инфекции, змеи, ядовитые насекомые. Таким образом, младенец всегда с матерью, всегда спокоен, видит и слышит то же, что и она. И в результате (психологи установили это еще в конце XIX века) до двух лет маленькие негритята развиваются значительно быстрее, чем европейские дети.

Именно из этих психолого-этнографических исследований изначально растут ноги у «передовых» педагогических идей об обязательном таскании новорожденных детей, например, в «кенгурушниках». Но надо учесть традиции: в два года африканка торжественно спускает своего ребенка на землю и фактически больше его развитием особо не занимается, а европейского ребенка как раз в этом возрасте и начинают конкретно развивать. И впоследствии часто уже не могут остановиться...

Но как же у африканских младенцев насчет пописать и покакать? Если функция и вправду неконтролируемая, то мамам-африканкам не позавидуешь — жара, мухи, воды мало, никаких тряпок не напасешься... И вот этнографы из академического сборника мне невозмутимо сообщают: негритенок-младенчик у этого народа всегда чистый и сухой, потому что как

максимум к месячному возрасту мама обучает его писать и какать по ее команде. Есть у них такая методика. Вот так!

Я очень удивилась, не поняла, кто же прав, но само противоречие запомнила. Потом ко всему этому добавился еще и изданный в перестроечные годы Зигмунд Фрейд, с его невротичносложными взаимоотношениями между горшком, родителями и ребенком... У меня в голове совсем все запуталось!

А потом у меня родился младший сын. Это было в 1991 году. Роддома стояли пустые, так же, как прилавки магазинов. Пеленки-распашонки новорожденному привозили подруги — у кого что-то осталось от выросших детей. А тряпочки-подгузники? Ни простыней, ни марли нет и в помине...

И тут я вспомнила об академических книжках про этнографию детства. Почему бы и не попробовать? Не без труда нашла статью, прочитала внимательно. Методика была описана скупко, буквально в двух словах. Но что ж с того? Как биологу мне в общем было все понятно: фиксированная поза, формирование условного рефлекса по Павлову... Скажу сразу: к месяцу у меня не получилось, только к трем. Но я все равно гордилась собой: ведь у африканок-то — непрерывная традиция, а я работала всего лишь с литературными источниками. И после трех месяцев мой сын не намочил ни одной пеленки или ползунков! Даже педиатры не верили, но этнометодика оказалась вполне рабочей. Очень удобно.

Еще про памперсы. Задолго до европейцев их придумали чукчи, эскимосы и прочие народы Севера (вот ведь, все равно зима вылезла, как ни старалась про жаркую Африку!). При морозе сорок градусов младенчика не очень-то разденешь. Поэтому в меховом комбинезоне у их ребятишек в соответствующем месте есть специальный карман, куда пихают гигроскопичный мох или лишайник. Такой «памперс» северные люди иногда меняли раз в три дня, и носили их детки лет до пяти.

А современные памперсы при их регулярном использовании задерживают речевое развитие детей месяцев на четыре-шесть. Все детские психологи это знают, но прочитать об этом нигде нельзя. Догадываетесь почему? Причина задержки развития понятна (привет Фрейду!): формирование любого контролирующего механизма стимулирует развитие. А контроль естественных отпавлений — как раз один из самых древних тренажеров, вмонтированных в становление нашей личности. Если посмотреть на старые (допамперсные) логопедические таблицы по развитию речи (у нас в поликлинике они сохранились), то видно, что их нормативы уже ничему в реальности не соответствуют. Дети в среднем начинают говорить позже. Да я и сама это заметила — на своих клиентах. Но, может быть, в этом и нет ничего плохого? Наговорятся еще.

Глава 48. «Плохая» мать

— Видите ли, все дело в том, что я — плохая мать.

Я внимательно посмотрела на двух играющих на ковре детей. Мальчик и девочка, соответственно шести и четырех лет. В меру шумят, в меру препираются из-за игрушек, чистенько одеты, на вид здоровы и вполне упитанны.

Женщина перехватила мой взгляд.

— С детьми все в порядке, — быстро сказала она. — Я — не в порядке.

Последняя фраза показалась мне какой-то неловкой. Женщина как будто переводила с английского.

— Расскажите подробней, — попросила я. — Что именно заставило вас прийти к такому печальному выводу?

Она охотно приступила к рассказу. Такое почти всегда можно угадать заранее: приходят не столько получить какие-то рекомендации, сколько просто выговориться о наболевшем или непонятном. Здесь главное — не перебивать собственными интерпретациями (хотя они и просятся из опыта), дать выговориться до конца.

— Понимаете, среди моих подруг есть женщины, которые принципиально не хотят рожать. Есть те, кто относится к рождению детей как к неизбежным заморочкам. Все это осознанные позиции, не имеющие ко мне никакого отношения. Я всегда хотела иметь детей, любила их, возилась с ними. Когда мне было лет десять-двенадцать, вокруг меня во дворе собиралась вся окрестная малышня. Я организовывала для них игры, конкурсы всяких поделок, эстафеты. Дети меня просто обожали, увидят — бегут с восторженными воплями, виснут, отталкивают друг друга. Мне это очень льстило. Родители их тоже не могли на меня нарадоваться, говорили: ну надо же, какой талант! После школы я даже собиралась стать педагогом, но родные меня отговорили (моя мама много лет учительницей проработала).

Я хорошо рисовала, чертила, конструировала. И вот, пошла учиться на дизайнера. Два раза во время студенчества я работала в детском летнем лагере — самые солнечные воспоминания. Мне нравилась моя работа по специальности. Но о детях я все равно думала постоянно. Я считала, что в замужестве главное — это дети, а не любовь к мужу. Любить можно и так, но у детей должен быть законный и настоящий отец (мои родители развелись, папа живет в другой стране, в раннем детстве мне очень его не хватало). Значит, надо идти замуж... — женщина усмехнулась. — Будущему мужу я, разумеется, все эти соображения не излагала. У меня почти одновременно было два более или менее серьезных романа. Отец детей тот, кто позвал замуж.

— А вам-то кто больше нравился? — не удержалась я.

Она отмахнулась от моего вопроса.

— И вот главное, ради чего все затевалось, — родились дети. Сначала сын, потом дочь. Сама я была единственным ребенком, а мне всегда хотелось сестру или брата, чтобы можно было играть, чем-то поделиться. Я решила: пусть у них это будет. Муж не возражал, у него есть старший брат, и они достаточно близки. Я, как мы с самого начала запланировали, сидела с ними до трехлетия младшей. Делала все, что положено, но — о ужас! — не получала от этого ни малейшего удовольствия. Муж приходил с работы поздно вечером, раздавал подарки, вкусности и с порога начинал умиляться: ах вы, мои крохотулечки, ах вы, мои любимые! Ну идите же сюда! Они бежали, виси на нем... Я шла на кухню разогревать ужин. Испытывала отчего-то жуткое раздражение. Думала: ага, так бы и я могла, по полчаса-то в день! Ну, конечно, он-то с вами только ласками и подарками! А воспитывать кому? Понимала, что я несправедлива к мужу и детям, и от этого огорчалась еще больше.

Потом вышла на работу. Дети пошли в садик, начали болеть. Я ничего не успевала — дом, садик, работа, кружки. Муж помогал, как мог, — забирал вечером сына из кружков, закупал продукты. Но все равно — это был сумасшедший дом. Помочь некому — моя мама еще работает, а родители мужа живут в Казахстане. Муж сказал: знаешь, так нельзя. Давай, ты еще посидишь дома. Все равно сыну скоро в школу, его надо готовить, и хотя бы первый класс побыть дома: встречать, кормить, помогать с уроками. Моего заработка вполне хватит. Если уж

тебе захочется работать — будешь брать заказы на дом. И вообще — можно родить еще одного ребенка. Ты же всегда хотела много детей. Да и я так люблю крохотулечек...

Я понимала, что он совершенно прав, и одновременно мне хотелось от злости разнести все квартиру. На кого я злилась? Должно быть, на себя, больше вроде не на кого. Но что я делала неправильно?

И вот — я сижу дома с детьми. Они — совершенно нормальные, хорошие дети. Ссорятся, мирятся, играют, бегают, шумят, хотят все знать, все исследовать. Я же стала совершеннейшей мегерой — кричу на них, беспрестанно раздражаюсь. Даже когда удается себя сдерживать, на душе мерзко. Делаю все по хозяйству буквально с остервенением. Недавно в одной кастрюле дырку протерла. Улыбаетесь? А я ведь не вру! Муж приходит вечером усталый, умиляется: ах, какая радость — жена, детки, семейный уют. Я и на него срываюсь. Он говорит: я понимаю, домашний труд — это большая работа, ты устаешь в четырех стенах, давайте все вместе съездим на природу...

В общем, в семье все расплзается: дети уже меня сторонятся, лишний раз не подойдут приласкаться, играют только между собой. Я даже не занимаюсь с ними поделками, хотя всегда это обожала. Младшая все время болеет, мне кажется — это я виновата. Муж в последнее время тоже лишнего слова не скажет, чтобы меня не провоцировать, уложит детей — и за компьютер. Пробовала поговорить с мамой, может быть, она бросит работу? Она сказала: это твои дети, когда я тебя воспитывала, мне никто не помогал. Надо учиться не только о себе думать. Подруги говорят: ты с жиру бесишься! А сами завидуют... И вот: полная семья — а я одна. И ничего мне не в радость. При этом понимаю, что тысячи, да что там — миллионы женщин многое бы отдали за мои возможности: материально обеспечена, любящий муж, здоровые дети...

И все время думаю: где же это я так ошиблась? Почему не догадалась прежде, что я буду плохой матерью?

Для полной убежденности, я задала еще десятка полтора вопросов. Картина в общем-то вырисовывалась. Как это часто бывает, нерешенные проблемы передаются по наследству. Мать моей клиентки много лет была педагогом, к тому же — матерью-одиночкой. О работе в школе вспоминает с ужасом — тяжело, мутно, неблагодарно, зарплата маленькая. Моя клиентка же с ранних лет тяготела именно к организаторско-педагогической деятельности. Она любила быть лидером для младших, ей нравились многолюдные игры «с правилами» и эмоциональным позитивом. Когда дети под ее руководством развивались, создавали что-то свое, и все (дети и их родители) благодарили ее, она чувствовала себя счастливой. Казалось бы — педагог от бога... Но мать и другие родственники, опираясь на свой негативный опыт, напугали и отговорили ее. У нее были еще художественные способности, которые и реализовались в профессии.

Но нереализованная часть личности упорно просилась наружу. В сознании это выразилось в виде: хочу своих детей! Это главное! Собственные детские переживания (развод родителей, тоску по уехавшему отцу) молодая женщина спроецировала на еще не родившихся детей. В результате порвала отношения с тем, кого действительно любила, — он не собирался немедленно жениться, вышла замуж за хорошего человека, к которому испытывала лишь ровную приязнь. Вполне могла обойтись одним ребенком (сидя с ним, многое могла бы понять), но снова вступили в действие проекции (мне самой так не хватало сестры или брата!) — двое детей родились с минимальной разницей в возрасте. Возникло ощущение захлопнувшейся ловушки, которое от «понимания» мужа и «непонимания» матери и близкого круга друзей только обострилось.

Все это так, подумала я. Но, кажется, клиентка ждет не только объяснений, но и позитивной программы действий. Вот сейчас я ей все объясню, а лучше, саму ее подведу к пониманию проблемы с помощью того или иного метода. Допустим, все именно так, как я предполагаю. Но что ж ей дальше-то делать? Разводиться с мужем, обожающим детей? Поступить в педагогический институт и шесть лет там учиться?

— Я знаю, — печально сказала женщина, по-своему истолковав мои колебания. — Все безнадежно. Они же уже есть, их надо растить. Пожалуй, муж прав: раз уж все равно сижу дома, придется родить третьего ребенка...

— Ни в коем случае! — воскликнула я.

Женщина взглянула на меня с удивлением и, пожалуй, с осторожной надеждой. Неужели то, что ей кажется абсолютным тупиком, видится мне как-то иначе?

— Знаете, — сказала я. — В детстве я очень любила читать производственные романы, написанные в жанре социалистического реализма. Про всяких сталеваров, инженеров, строителей. Кроме меня, их, кажется, вообще никто не читал. А мне нравилось — казалось, что там про настоящую жизнь...

Удивление во взгляде женщины усилилось до некоторой оторопелости. Какой социалистический реализм?! Мне нужно было немного расшатать затвердевшие «рамки» ее сознания, и мои литературные вкусы подходили для этого ничуть не хуже всего остального.

— Уже в перестройку, — продолжала я, — перевели и издали много всяких западных романов двадцатого века. Я говорю не о великих романах, а так — мейнстрим. И их я тоже прочитала почти все. Они рассказывали о повседневной жизни немцев, французов, американцев...

Она пыталась следить за моей мыслью, но явно не успевала.

— И вот знаете, среди всех этих сюжетов было довольно много монологов вполне обеспеченных американских домохозяек: дом, муж-бизнесмен, сад, машина, четверо-пятеро детей... К сорока годам (дети почти выросли) она оглядывается по сторонам и понимает: много лет она варила, стирала, подстригала газон, мирила детей, посещала школьные собрания, проверяла домашние задания, возила детей на футбол, бейсбол, теннис... Боже мой, и это все?!

— Да, да! — подавшись вперед, воскликнула женщина, наконец-то уловившая ход моих рассуждений и успешно отождествившая себя с сорокалетней американской домохозяйкой. — Это — все?!

— Разумеется, нет, — усмехнулась я. — У нас совершенно другие традиции. Класс обеспеченных домохозяек у нас еще просто не сформировался. И для него пока нет психологической платформы (я противоречила сама себе, но женщина этого не замечала). Наш стиль — это производственные романы, общественная активность советской женщины. Но есть и симпатичные нововведения: вы наймете няню, даже если на это уйдет вся ваша зарплата.

— Я думала об этом, но мама говорит... подруги говорят...

— Думайте, пожалуйста, своей головой, — грубовато посоветовала я. — Мама и подруги живут ту жизнь, которая их устраивает. Люди и их потребности разнообразны, и в этом прелесть нашего мира.

— Но получится, что я их бросаю... Да, я плохая мать, но...

— Перестаньте крутить шарманку! Думайте! Все те впечатления, свершения, ошибки, беды и радости, которые вы получите во внешнем мире, вы куда, собственно, понесете?

— В семью, вы правы.

— И кстати, еще одно. Вы хорошо рисуете, и эти поделки... А животных любите?

— Обожаю. С детства хотела завести собаку и кошку, но теперь боюсь, вдруг будет как с детьми?

— Моей подруге, — говорю я, — директору детского экологического центра, требуется творческая тетенька для работы в кружке — что-то вроде «умелых ручек», но с экологическим уклоном. Я дам ей ваш телефон?

— А я смогу? Я же столько лет не работала с детьми... У меня же и свои... — И я показала рукой, как крутят ручку шарманки.

— Давайте! — вдруг решительно сказала она и, уходя, спросила:

— Ас этими, американками из романов... что с ними потом стало?

— С ними все в порядке, — уверила я. — В основном они сделались писательницами, журналистками или модельерами.

Приятельница напомнила о ней почти два года спустя. Ее кружок называется «Увлекательные путешествия по земному шару». Запись — уже на следующий сезон. Занимаются в кружке всей семьей — дети, родители и даже бабушки с дедушками. Ходят на экскурсии в Эрмитаж и Музей почвоведения. Клеят модели горных систем, создают этнографические костюмы, рисуют рисунки в стиле эпохи палеолита. Недавно о ней и ее студии написали в городской газете. На фотографии она выглядит вполне довольной.

Глава 49. Подростки — о школе и «Школе»

Насколько мне известно из обсуждения в Интернете, телевизионный сериал для подростков «Школа» взрослыми людьми рассматривался так, как будто он изначально был задуман не как телефильм, в котором художник говорит о себе художественными средствами, а как некий манифест, подобный статьям Белинского или манифестам поэтических объединений начала XX века. А использовавшиеся в дискуссиях обороты типа «раскол общества» только усиливали мое непонимание происходящего. Ведь я, человек, профессионально работающий со школьниками и с семьями, имею четкую позицию...

Разумеется, я посмотрела одну за другой несколько серий «Школы». И они вовсе не показались мне «возмутительными», ничего, впрочем, не добавив ни в эмоциональном, ни в информационном плане. Я оценила оригинальную, псевдодокументальную операторскую работу, но не восхитилась ею, так как уже видела несколько фильмов, снятых подобным методом, — от него у меня рябит в глазах и болит голова.

И все «школьные» фильмы, которые считались «дискуссионными» во времена моего отрочества («Розыгрыш», «Чужие письма», «Чучело»), сегодня тоже вряд ли поразили бы меня.

И я решила спросить мнение тех, кому в общем-то и адресован сериал с названием «Школа», — у школьников-подростков. Благо, сделать это мне было вовсе нетрудно. Школьников и студентов младших курсов (я решила включить их в свое мини-исследование, так как они были

школьниками совсем недавно, все помнят, а мысли свои выражают точнее) вокруг меня предостаточно.

И вот, представляю вам результаты. Всего в моем опросе участвовали приблизительно семьдесят юношей и девушек (от 11 до 19 лет) — как бывший научный сотрудник могу вас заверить, что это вполне достаточное число для социологического опроса.

Первое, что меня поразило, — единообразие впечатлений вне зависимости от возраста, пола и социального происхождения опрашиваемого. И одиннадцатилетние двойняшки из неблагополучной семьи, и рафинированный эстет, студент университета сказали мне примерно одно и то же.

Второе — *все* подростки слышали о скандальном сериале и смотрели хотя бы одну серию, *никто* из них не смотрел его от начала до конца. В двух домах сериал смотрели родители (в одном — энергично восхищаясь, в другом — так же энергично выражая недовольство). И дети поневоле в курсе происходившего на экране.

Все подростки без исключения высказались о сериале положительно:

«Прямо сразу в глаза бросается — очень похоже!», «Говорят так, как есть», «Как будто по-настоящему в школе снимали», «Учителя похожие есть», «Некоторые эпизоды — вот так именно и бывает. Забавно».

То есть все подтверждают реализм картинки.

Дальше — интереснее. Мой вопрос: «А почему же ты не смотришь? Это же про вас, про вашу жизнь, ты сам говоришь, что очень похоже...»

Ответы делятся на вежливые и невежливые (многие дети, особенно из «простых», пытаются угадать мою позицию по отношению к сериалу и подыграть мне).

Вежливый ответ: «Да знаете, как-то все некогда, уроков много, сестренку из садика забрать, да и погулять охота...» (на каких-нибудь там «Людей в черном» «Зачарованных» и т. д. у них время находится!).

Невежливый ответ: «Да вы что говорите! Это не про нас! Совсем не про нас! Это... это я не знаю про кого... У нас в школе совсем по-другому!»

Еще интереснее. Обращаюсь к тем, кто уже способен понемногу рассуждать.

«Они похожие, но изнутри неживые», «Как схемы», «Как фантики без конфет», «Как будто создатели фильма знают, как в школе двигаются, говорят, одеваются и прочее, но не знают — зачем все это?», «Снято, как будто наблюдения в зоопарке» (юннат, знает, что говорит).

И наконец — пять потрясающих, до буквы совпадающих ответа:

«Тот, кто это сделал, — нас не знает и боится!»

А вот умненькие студенты-младшекурсники: «Так писатели-народники про народ писали. Внимательно, толково, как бы с любовью, но на самом деле — изживали свой страх. Да все равно их всех потом...»

Мое ведро воды — на ту же мельницу. В конце, кажется, XIX века один этнограф много лет

прожил в племени индейцев, изучая их верования, обычаи, язык, а потом издал книжку, где все это подробно описал. В результате деятельности ученого, который был еще и миссионером, один из молодых индейцев получил европейское образование. Много лет спустя индейца спросили: «Что вы скажете о книге этнографа, посвященной вашему племени?» — «Он все увидел и описал абсолютно верно, — сказал индеец. — Но ничего не понял».

Есть и негатив, который отметили почти все подростки: «Не знает, как на самом деле прикалываются», «В школе же дружат не только „против кого-то“», «Все только с одной стороны», «Критический реализм, как в учебнике, — скучно», «Тех, которые это сделали, били их в школе, что ли? Вот они теперь и...», «А она (режиссер) вообще в обычной школе-то училась? Или ее только ею пугали?», «Непонятно, что мне хотят сказать», «Да так можно где угодно снимать: у вас в поликлинике в коридорах и кабинетах, на ферме коровьей, на улице у нас. Будет похоже. И люди, и все. Но что с того?»

Смешная лесть мне как специалисту: «Надо было режиссеру тогда еще (в школьные годы) к психологу сходить, теперь фильмы были бы талантливые, но посветлее...»

И опять студенты университета: «Есть правда жизни, увиденная с одной стороны. Но нет — правды искусства», «Настоящее искусство всегда несет послание художника миру. Где оно?», «Посмотрите и ужаснитесь? Фуфло!», «В „Школе“ и школе нет ничего ужасного. Нормальный мир. Кто-то увидел что-то новое, чего не знал раньше? А что сами они боятся, это заметно, конечно. Может быть, и справятся, но скучно ждать разрешения их страхов шестьдесят серий».

Вот так. В отличие от «расколотого» сериалом общества взрослых, подростки выступили абсолютно единым фронтом. Не увидели в «Школе» ни свободы, ни смелости обличения, ни раскрытия каких-то там школьных тайн. Не увидели ни малейшей «общественной проблемы». В ответ на «можно ли *такое* показывать по Первому каналу?» — пожимали плечами, не понимая вопроса: «Какое — такое? О чем вы вообще? Интернет доступнее и популярнее Первого канала, а в нем и не такое есть...»

Милым показалось вот что. На вопрос, «правильный ли сериал, учитывая объявленный год учителя?» — некоторые (но далеко не все) ответили: «Раз объявили, надо снять хорошие добрые фильмы про учителей, как старые, советские. Пусть они порадуются. У них же работа тяжелая и вредная. Дети такие сволочи бывают...»

К молодому режиссеру Валерии Гай Германике отнеслись скорее с сочувствием: «А чего к ней пристали? Как может — так и снимает», «Ну, она же молодая еще. У нее у самой переходный период не кончился. Вырастет — подбреет», «Человека пожалеть надо. Видно же, что ей в школе досталось», «Она молодец! Мало ли кто что говорит! А она, между прочим, кино снимает, а не ширяется там или водку пьет! Все бы так! А если сериал не нравится — так не смотри его, и все. Никто не заставляет».

После последней реплики очень хочется напомнить про «уста младенца»... Воздержусь. Здесь я — в почти нейтральной роли исследователя.

Глава 50. Проклятие дочери алкоголика

Похожая на моль женщина сидела на банкетке, сложив на коленях тонкие руки. Когда я проходила в свой кабинет, она даже не попыталась поздороваться или хотя бы встретиться со мной взглядом, и я решила, что она пришла к нефрологу (кабинет напротив моего) и ждет сына или дочь. Однако ровно в назначенную минуту женщина постучалась и, по-прежнему не

поднимая глаз, вошла в мой кабинет.

— Я слушаю вас, — поздоровавшись, сказала я. — Вы по поводу сына или дочери?

— Доктор, у меня сильно пьет муж, — сказала она. — Его нужно спасти.

Я тяжело вздохнула. От всей души сочувствуя ее горю, я, тем не менее, ничем не могла ей помочь. Лечить алкоголизм, тем более «без ведома больного», я, в отличие от многочисленных газетных целителей, не умею. Я постаралась помягче объяснить это и предложила координаты центра по лечению алкоголизма в Бехтеревке и группы «Родственников больных алкоголизмом».

— У меня есть дочь, — сообщила женщина. — Ей пятнадцать лет. Недавно она сказала, что из-за меня она проклята. Возможно, она права — это все из-за меня.

Из ее рассказа я узнала, что нынешний ее муж — не родной отец двух ее детей. Сильно пьющий мужчина, девочка-подросток, проклятия, мать, постоянно испытывающая вину. А может быть, насилие?

Осторожные расспросы, с одной стороны, почти рассеяли мои ужасные подозрения, а с другой — запутали ситуацию, которая вначале представлялась довольно обыденной.

Моя посетительница была замужем три раза. В первом браке родилась дочь, во втором — сын, в третьем — детей нет, хотя муж (немного моложе своей жены) изначально хотел совместного ребенка. Женщина выросла в семье, где сильно пил и, по всей видимости, от души куролесил отец. Ее мать во всем подстраивалась под «кормильца», старалась не раздражать его, когда он был пьян, и безропотно тащила на себе семью и дом. Когда «кормилец» скончался от цирроза (дочь к тому времени выросла и вышла замуж), мать стала жить одна и сейчас вполне неплохо себя чувствует.

Особенность ситуации состояла в том, что все три мужа моей клиентки до женитьбы были непьющими людьми. Пить они начинали уже в браке и довольно быстро достигали состояния, при котором существование семьи становится уже весьма проблематичным. Несмотря на это, женщина, в точности как ее мать, пьяниц не бросала, пыталась подстраиваться, уговаривать, лечить... Отец дочери погиб в пьяной драке. Второй брак развалился сам собой.

Однажды она где-то прочитала, что дочери алкоголиков либо изначально выбирают себе в мужья людей, склонных к злоупотреблению спиртным, либо своим поведением (основанным на неких «бессознательных матрицах») пробуждают у прежде непьющих супругов тягу к алкоголю.

Все совпало до мелочей! Оказывается, все дело в том, что она — дочь алкоголика. Но как бороться с «бессознательными матрицами», в книжке сказано не было! Она не собиралась сдаваться и обратилась к врачу-психоневрологу. Врач прописал лекарства. Препараты вроде бы сначала помогли — от них она становилась вялой и делала только самые необходимые вещи. Второй муж даже как будто стал пить поменьше. Но потом все вернулось на круги своя и стало еще хуже.

В третьего мужа она влюбилась неожиданно и безоглядно. Несмотря на разницу в возрасте и двоих детей, он ответил ей взаимностью. Безоблачное счастье длилось полгода. Она старалась не вспоминать о злополучных «матрицах». И вдруг совершенно равнодушный к алкоголю мужчина безобразно напился — один раз, потом другой, третий... Из страха потерять любовь и семью она готова была изменить все что угодно, взять вину на себя и однажды даже

рассказала ему о «проклятии» дочерей алкоголиков. Тогда он посмеялся над ее страхами... но впоследствии припомнил ей все! И самое ужасное, что ее дочь приняла эту историю близко к сердцу. Она решила, что ей тоже не видать счастья, встала на сторону отчима и теперь вместе с ним заявляет, что мать «погубила ее родного отца» и «испоганила жизнь» всем остальным.

Женщина опять стала пить таблетки, ходить в церковь и к психотерапевту. Психотерапевт называл «матрицы» «комплексами» и «установками» и обещал их разрушить. Ничего не помогло. Она похудела на 15 килограммов, все валилось из рук, жизнь четырех человек летела под откос...

— Нет никакого «проклятия дочерей алкоголиков»! — с максимально возможной убедительностью заявила я. — Есть индивидуальные судьбы — людей и семей. Еще Лев Толстой об этом писал. В первой строчке «Анны Карениной».

* * *

— У меня есть эта книга, я перечитаю... — она бледно улыбнулась.

Я не смогла ей помочь. Муж отказался идти в детскую поликлинику. Дочь приходила один раз и, цедя слова, обвиняла мать в чем-то мистическом и непонятном. Кажется, девочка была немного влюблена в отчима... Женщина с моей помощью пыталась что-то изменить, но у нее ничего не получалось. На этом мы расстались.

* * *

Она пришла снова примерно через год. Я ее помнила — неудачи запоминаются лучше.

— Мы с мужем разошлись, — сказала она.

Удивительно, но она выглядела куда лучше, чем прежде! Пополнела, исчезло стоическое выражение лица...

— Но я беременна. Бывший муж не знает. Дочка говорит, что надо сделать аборт. Сын и мама говорят — только рожать, воспитаем все вместе... Вы, как я помню, по жизни оптимистка, поэтому я пришла к вам посоветоваться...

Я от души рассмеялась такой аттестации.

— Так вы уже все решили, раз пришли советоваться к «оптимистке по жизни»?

— Конечно, — улыбнулась она. — Мне так хорошо сейчас, как никогда не было. Я работаю, гуляю, люблю природой, ем булочки с кремом... Дети — дар, как можно отказаться! Тем более что ребенок от него, а я ведь и сейчас его люблю...

— Ваша мама согласна помочь в воспитании еще одного внука? — уточнила я.

Она кивнула, и тогда я сказала:

— Пришлите ее, пожалуйста, ко мне. Мы обсудим нюансы.

Скажу честно: я ожидала увидеть еще одну «бледную моль», только старше. Но передо мной сидела «бизнес-леди» бальзаковского возраста, в дорогом «прикиде» и макияже! Я молчала, она же явно наслаждалась произведенным впечатлением.

— У меня — небольшой косметический салон, — объяснила она бархатным голосом, протягивая визитку. — Вам бы, кстати, причёсочку не мешало поменять, волосы у вас великолепные, но...

— Все это — уже после смерти вашего мужа? — уточнила я.

— Да, конечно, — кивнула дама. — При Коленьке я мастером в салоне работала, все могла, разные курсы закончила, но... Он слабый был, Коленька-то, но хороший и куражился от слабости, а я любила его очень, все понимала и старалась при нем особо не высовываться... Дочка своего третьего тоже любит...

Вот оно, «проклятие дочери алкоголика»! — поняла я. Оно действительно существует, только не там, где его (и я в том числе) искали. Эти женщины — внутренне сильные, яркие, способные на многое, уничтожали своих мужчин именно тем, что ради ложных целей — «не высовываться», «ходить на цыпочках» вокруг мужчины — отказывались от самореализации. Их мужчины не были дураками, они чувствовали годами окружающую их фальшь, не умели ее разрушить и уходили в традиционную для нашей культуры глухую защиту с помощью алкоголя.

Я попыталась изложить хозяйке косметического салона свои соображения. Она фыркнула, еще раз посоветовала мне изменить причёску и имидж в целом, заверила, что новый внук или внучка не будут ни в чем нуждаться (старшая внучка к этому времени уже работала у нее в салоне, параллельно учась в колледже), и ушла.

Я вызвала свою клиентку. Она поняла все с полуслова и очень обрадовалась.

— Вы думаете, еще не поздно?..

— Пока все живы, никогда не поздно, — заверила я. — Будьте собой. Будьте с его сыном или дочерью. Дайте ему шанс самому приблизиться к вам.

— Я буду пытаться! — воскликнула она. — Я на все для этого пойду...

— А вот этого не надо ни в коем случае! — я строго погрозила ей пальцем. — Помните, что вы как дочь алкоголика находитесь в группе риска. Съешьте лучше еще булочек с кремом...

Она рассмеялась вместе со мной, и это действительно давало надежду.

Глава 51. Психолог просит «помощь зала»

— Папа, а я тут уже был. Там машины большие. Я с ними играл! — раздался за дверью писклявый детский голосок.

Мужчина что-то неразборчиво пробурчал в ответ. И почти сразу же в дверь постучали.

Щупленький белобрысый мальчик, мать — натуральная блондинка северного типа и сумрачный широкоплечий мужик с умными глазами. Как-то сразу видно — семья.

Мальчик еще в предбаннике указывает отцу на огромный экскаватор, лезет за ним под банкетку.

— Оставь! — коротко командует мужчина.

Все чинно рассаживаются. Я открываю журнал. Отец сразу берет быка за рога.

— Дело в том, доктор, что неделю назад вот он (кивок в сторону сына) организовал в школе драку по национальному признаку.

Я некоторое время молчу, переваривая услышанное. Потом спрашиваю у мальчика:

— Сколько тебе лет?

— Семь, — отвечает ребенок и, подумав, уточняет: — Семь с половиной.

— Так ты, значит, в школе подрался с мальчиком? Азербайджанцем? Таджикиком? (Я назвала самые многочисленные у нас в районе диаспоры.)

— Нет, — возразил отец, и в голосе его звучали сложные смешанные чувства, одним из которых, по-моему, была гордость за сына. — Это была массовая драка. Так мне сказала директор школы.

— Так, — сказала я. — Позвольте уточнить. Ваш сын, Руслан, второклассник, семи с половиной лет от роду, выступил зачинщиком и организатором школьной массовой драки по национальному признаку. Я правильно излагаю?

Оба родителя кивнули. Руслан между тем достал из ящика с игрушками машину-трансформер и стал увлеченно крутить ей ноги-колеса.

— Расскажите мне, что, собственно, там произошло. Все, что вам известно, — обращаюсь я к матери.

Отец кажется мне пристрастным. Мать — чем-то смущена, но, в общем, спокойна.

— Прямо на уроке чтения случился какой-то обычный дурацкий детский конфликт — Тенгиз сломал Ванин карандаш, или стащил у него резинку, или еще что-то такое. Ваня обозвал его, Тенгиз ответил. Учительница велела обоим замолчать. Ваня не счел конфликт исчерпанным и на перемене продолжил: толкнул Тенгиза об стену. Сам Тенгиз слабее Вани, но у него есть два старших брата — в пятом и седьмом классах. А у тех, естественно, есть друзья. Видимо, проинструктированный братьями, Тенгиз крикнул: «Кавказ!» — и тут же прибежали три черненьких пятиклассника, против которых Ваня, конечно, ничего не мог сделать. И здесь на сцену вышел наш Руслан. Буквально накануне мы с ним говорили о переписи населения (он по телевизору услышал, что она скоро будет). Я объясняла ему, зачем это надо и какие разные и интересные народы живут у нас в России. Он спросил: а мы кто? Я ответила, что мы — русские. И вот Руслан (а вы, наверное, уже обратили внимание, какой у него высокий, пронзительный голос) заорал: «Русские, вперед!» и сам бросился на пятиклассников... Да, я не сказала, что Ваня и Руслан дружат.

— У меня с собой физкультурная форма с кедами была, — вступил в разговор Руслан. — И в том же мешке энциклопедия про динозавров (я ее Сереже принес) и бутылка с водой — попить после физры. И вот я как размахнулся... — мальчик изобразил руками бешеную ветряную мельницу, показывая мне, как он сражался с противником.

— Когда учителя выскочили из учительской, дрался уже весь коридор. Со второго по седьмой класс, — продолжила мама. — Постоянно звучащие кличи «Кавказ!» и «Россия!», как вы понимаете, особенно потрясли педагогов. Разнимали драку вместе со старшеклассниками. Потом никто ничего толком не мог объяснить. Но нашего Руслана запомнили.

— Почему ты так поступил? — спросила я у Руслана, больше для порядка.

— Ну, несправедливо же, когда трое — на одного, — ожидаемо пожал плечами ребенок. — Да вы не волнуйтесь, Ванька с Тенгизом помирились уже, его брат Тенгизу свой карандаш отдал... А меня теперь даже взрослые парни из восьмого класса узнают! — с гордостью добавил Руслан.

У мальчиков не было никаких проблем — я в этом не сомневалась. Двор на двор, квартал на квартал, деревня на деревню, панки против рокеров, синие против серо-буро-малиновых — обычные игры свободно взрослеющих павианов.

Но с чем же они пришли ко мне? Не успела я задать вопрос, как монотонно заговорил дискриминированный мною папа:

— Директор сказала: надо реагировать. Обратите внимание на воспитание сына, чтобы не было поздно. Что поздно? Я сам в детстве дрался. Много. Она говорит: сейчас не каменный век. А какой? Я не понимаю. Как мне его воспитывать, если я сам во все эти современные лозунги не верю? Я бы легче в построение коммунизма поверил, честное слово. Говорят: толерантность, демократия, все равны. Но это ведь вранье все. Никто никому не равен, все разные, и это очевидно. Кто-то умный, кто-то глупый, кто-то работающий, кто-то бездельник, кто-то больной, кто-то здоровый. А ведь чиновника или депутата непонятно чего — их судят по особым правилам, не по таким, как крестьян, шахтеров или врачей? Но при этом — все равны? Я не понимаю... Я от души хочу, чтобы мой сын, когда вырастет, женился на хорошей девушке из нашей культуры, а не на чернокожем парне — я ксенофоб и нарушаю политкорректность? Пускай. У вас есть сын? Скажите честно: вы разве не хотите для него — того же? Или все-таки — пускай молодой негр? Они потрясающе двигаются, я по телевизору всегда люблю, когда они бегут или танцуют... Общая межнациональная драка — нехорошо, я согласен. Но как мне (или, скажем, родителям Тенгиза) учить сына правильно отстаивать себя в условиях современного общества? В политкорректных дискуссиях между второклассниками? Где оппонента даже дураком нельзя назвать? Что-то я не видел, чтобы ООН по сути что-то решала. Естественно не любить чужого, это даже у зверей так. Мы — не звери, опять согласен. Но прежде чем с этим как-то работать, надо ведь признать сначала существование самого чувства или инстинкта, назовите как хотите: «Не нравится, настораживает, потому что чужой», а потом уже: «Я — человек, и поэтому я могу...» А если мы с самого начала делаем вид, что ничего этого нет, и в этом неведении пытаемся детей растить, то точно выиграют те, другие, которые ближе, если хотите, к нормальным зверям. Так всегда в истории было... А я хочу, чтобы именно мой сын выиграл, и, честное слово, считаю это нормальным.

— Вы что, серьезно думаете, что я сейчас разрешу для вас этот вопрос? — с искренним интересом спросила я.

— Да нет, — снова вступила мать. — Ничего он не думает такого. Вы не обращайтесь на него внимания. Это мужу просто выговориться надо. Его директор накрутила, вот он и... Я вам объясню. В Интернете много материалов на эту тему, он все со мной спорить пытается, а я от этого далека, я все больше работаю да по хозяйству, ну вот он и решил прийти к вам...

Признаюсь честно: я тоже от этого далека. И многие вопросы современного общественного развития и для меня остаются открытыми. И как психолог, и как биолог я многого не понимаю, а кое-что вызывает у меня тревогу и настороженность.

Вопрос, который прозвучал в тот день в моем кабинете, разбивается, как я поняла, на два подвопроса:

1. Можно ли из соображений пользы или общественной необходимости воспитать в ребенке то, во что ты сам не очень-то веришь? Если да, то, как это сделать?

2. Не опасно ли для выживания популяции общественно одобряемое замалчивание существования у нас (как у биологических объектов) ксенофобских и подобных им инстинктов и реакций? Не будет ли правильным сначала вслух признать их наличие, а потом с ними работать?

Сейчас у меня нет однозначного ответа ни на один из этих вопросов. Наверное, они могли бы стать информацией для размышлений, не предполагающих простых и окончательных выводов.

Глава 52. Рифмы нашего двора

В жизни нашего двора поэзия играла большую и важную роль. Рифмы (пусть и не бог весть какого качества) звучали буквально повсюду и органично встраивались практически в любую сферу многообразной дворовой жизни.

Дошкольники очень любили дразнилки. Самые простые дразнилки производились от имен: «Ирка-дырка», «Светка-салфет-ка», «Сашка-какашка» и т. д. Я чувствовала себя удачливой: к моему имени Катька практически невозможно было придумать дразнилку. Все попытки дворовых креативщиков преодолеть трудности и все-таки меня подразнить напоминали знаменитый диалог Незнайки и поэта Цветика: «пакля» — «рвакля» «шмакля» «жвакля»... Уже в школьные годы сообразили сократить мою фамилию «Мурашова» до «Мурашки» и уж тут оторвались...

Существовали и сложные рифмованные дразнилки, в которые надо было вставлять соответствующее имя:

«Как горный орел на вершинах Кавказа,

Андрюша сидит на краю унитаза...»

или

«Ленка-пенка, колбаса,

Кислая капуста,

Съела кошку без хвоста

И сказала: вкусно!»

Тематические дразнилки. Например, при намеке на межполовой интерес:

«Сережка-дурак, курит табак,

Спички ворует, Маринку целует!»

Или дразнили тех, кто «жадится»:

«Жади́на-говя́дина, пу́стая шокола́дина,

Под столом валяется, на... (начальная буква имени) начинается».

Поскольку было много разнообразных игр (о них я уже писала), были, разумеется, и рифмованные считалки. Ничего оригинального из этой области в нашем дворе не наблюдалось

— все те же «На золотом крыльце сидели», «Ехала машина темным лесом за каким-то интересом», «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана»...

Этнографы пишут, что детские считалки — это вырожденные заговоры. Не знаю, так ли это, в нашем дворе я этого не замечала. Зато про «месяц из тумана» знаю прелестную историю. В 60-е годы две ленинградские дамы-фольклористки собрали детский фольклор, оформили его в сборник и понесли печатать. Им сказали: «Все это хорошо, но есть сомнительные места. Вот, например, про месяц: буду резать, буду бить... Нехорошо это как-то, агрессивно, не по-советски». — «Но ведь дети именно так считаются! — растерялись дамы. — Выбросить, что ли?» — «Зачем же выбрасывать? — ответили им. — Литература и наука должны воспитывать. Чуть-чуть можно изменить». — «Но как же?!» — «Все-то вас учить надо... Ну, например: вышел месяц из тумана, отнял нож у хулигана...»

Наша многообразная история тоже подавалась в зарифмованном виде. Например, каким-то неведомым образом до времени моего детства в нашем дворе сохранилась прелестная частушка явно времен Гражданской войны (потом я ее нигде не встречала):

«Крематорий открывали,

Беспризорника сжигали,

Дверь открыли, он танцует

И кричит: Закройте, дуэт!»

Была чудесная игра для малышей, которую практиковали даже в прилежащем к нашему двору детском садике. Ребятки идут по дорожке с потрескавшимся асфальтом. Ведущий командует: «Кто на трещину наступит, тот и Ленина погубит!» Все тщательно стараются «не погубить» Ленина. Что с того, что он уже помер почти пятьдесят лет назад. Все же знают, что он «вечно живой»! А ведущий снова командует: «Кто на трещину наступит, тот и Гитлера погубит!» Все тщательно наступают на трещины...

Дворовая субкультура знала доподлинно: врага надо высмеять, и тогда он уже не будет опасным. Рифмы приходили на помощь:

«Внимание, внимание, говорит Германия:

Сегодня под мостом поймали Гитлера с хвостом!»

Порою антиномии нашего двора поражали своей эклектичностью. Например, при качании на доске находящиеся в верхней точке кричали: «Мы на самолете, а вы — в болоте!» Находящиеся в нижней точке отвечали: «Мы у Ленина в Кремле, а вы у черта на Луне!»

Вопрос:

«Ты за луну или за солнце?»

Если отвечали «за солнце», то тыкали пальцем и кричали:

«За солнце, за солнце — за пузатого японца!»

А «за луну» обозначало «за советскую страну».

Диссидентство, впрочем, тоже просачивалось. Например, рекомендовалось сунуть ладонь

ребром в рот и сказать «Ленинград!» Получалось — «Ленин — гад!»

Что я еще забыла, подскажите? Ведь что-то наверняка ускользнуло из памяти, да и в других дворах и других краях наверняка имелся свой рифмованный эксклюзив...

Собственно стихи хранились и передавались в потертых тетрадках, которые назывались «песенниками». На обложке каждого «песенника» было написано: «Кто мой песенник читает, чур, ошибки не считает!» Я, помню, нарочно обошлась без этой сакраментальной фразы. Всем двором пытались уличить, но безуспешно, у меня была врожденная грамотность. Кроме песен в песенники записывали поэмы. Они были творениями каких-то безымянных графоманок. Одна, помню, называлась «Зависть». Но среди этих безумных «поэм» (и наравне с ними в нашей дворовой «табели о рангах») можно было встретить что угодно. Например, я тайком списала со старой тетради моей матери (песенник тридцатилетней давности) эротические стихи К. Симонова, которые тут же все переписали.

Чуть повзрослев, сочиняли стихи сами. Если решались, представляли их на дворовый суд. Предпочтение отдавалось любовной и гражданской лирике. Одно мое стихотворение о блокаде даже какой-то оказией было напечатано в «Ленинских искрах». Помню одну строфу:

«...Но сурово стоял, сдвинув арки мостов,

Словно брови, сомкнутые в гневе,

Самый гордый из всех на земле городов,

Символ мужества трех поколений!»

Сохранилось лирическое стихотворение, написанное влюбленным в меня дворовым мальчиком (он косил под юного Вертера и собирался вскорости помирать):

«И не надо жалости птицам в вышине

Ты не плачь, пожалуйста, только обо мне,

Ведь земля так ласкова и цветов полна,

Верь, что будешь счастлива и забудь меня!»

Обязательно пели специальные дворовые песни (исполнять их дома в «приличных» семьях часто запрещалось). Почему-то у нас, детей, они считались «блатными», хотя собственно блатными никогда не были. Умилительно, что «блатной» песней у нас считался романс на стихи И. Северянина (я узнала об этом много лет спустя), который исполнялся так:

«Это было у моря, где ажурная пена,

Где встречается редко городской экипаж,

Королева играла — эх-ма! — в башне замка Шопена — эх-ма!

— И, внимая Шопену, полюбил ее паж — Та-рата-тарарам!»

Характерным для нашего ленинградского двора был географический разброс происходящего в песнях (все-таки портовый город), какая-то такая щемящая интонация под раннего Паустовского: «Там среди пампасов, где бегает бизоны», «По дороге лесной проскакали

ковбой», «В салоне много вина, там пьют бокалы до дна», «В тропическом лесу купил я дачу», «В Одессе много, много ресторанов» и, конечно, бессмертные «В нашу гавань заходили корабли». Завершала эту географическую серию песня из кинофильма «Отроки во Вселенной», которую мы исполняли проникновенно, со слезами на глазах:

«Ночь прошла, будто прошла боль.

Спит земля — пусть отдохнет, пусть.

У Земли, как и у нас с тобой,

Там, впереди, долгий, как жизнь, путь.

Я возьму этот большой мир,

Каждый день, каждый его час.

Если что-то я забуду,

Вряд ли звезды примут нас».

Вдоль облупившихся серых стен дворов-колодцев песня летела от растрескавшегося асфальта высоко к звездам, а мальчики и девочки, выросшие за «железным занавесом» и никогда не бывавшие дальше крымских здравниц, вполне чувствовали себя полноправными гражданами Вселенной. Давно это было...

А как, интересно, обстоят дела теперь? Те, кто моложе, у кого есть маленькие дети, или те, у кого уже подросли внуки, откликнитесь. Они дразнятся? Считаются? Сохраняется ли непрерывность детского фольклора? И как обстоит с этим дело в других странах? Несмотря на уже солидные годы, почему-то очень хочется узнать хотя бы одну «заграничную» дразнилку...

Глава 53. Социопаты

— Потолок бы покрасить надо... Все остальное у вас красиво, игрушки вот, мебель хорошая, а потолок да-а... подкачал...

— Это в рентгеновском кабинете наверху трубы протекли, — я поймала себя на том, что как будто бы оправдываюсь. — Пока заметили, да еще растворы у них ядовитые...

— Через суд можно попробовать, — сказал мой посетитель.

— Как ты себе это представляешь?! — я чувствовала, что начинаю сердиться. — Это же государственная поликлиника!

— Да, это сложно, вы правы, — подумав, согласился посетитель и деловито занялся огромным магнитом, по очереди прилепляя к нему всякие железки и отдирая их обратно.

Я удержалась, чтобы не потрясти головой, и мельком взглянула на обложку карточки, где всегда пишут дату рождения. Мальчику было восемь лет.

— Я слушаю вас, — обратилась я к маме, которая была похожа на воспитательницу детского садика или учительницу начальных классов из советских фильмов — гладко причесанная, почти без косметики, туфли на низком каблуке.

— Да вы уже видели и слышали, — печально сказала мама. — Вот это самое. Он может в гости прийти и сказать: «Что ж вы только сладкое на стол подали? Это же вредно! Купили бы что-нибудь диетическое!» В школе на него жалуются. Никогда не признает себя виноватым. Будет настаивать на своем до последнего. Уроки делать невозможно — я ему говорю, что ответ в задаче неправильный, а он говорит: нет, правильный! Велю переписать, чтобы ошибки исправить, а он отвечает: и так сойдет! Впрочем, сейчас еще лучше стало, в первом классе он мог встать посреди урока, сказать: «Мне в туалет надо!» — и выйти...

Теперь уж такого себе не позволяет. Учительница у них молоденькая, справиться не с ним одним не может, с другими тоже — вот беда...

— Расскажите, что было раньше? Как Рома рос и развивался?

Выяснилось, что беременность протекала без особенных осложнений, Рома родился в срок, желанным ребенком, в полной семье. Первый год после рождения (обычно самый «проблемный») — сплошное счастье: ребенок прекрасно спал, хорошо ел, развивался на радость родителям и педиатрам. В садик пошел с трех лет, с удовольствием.

В детском саду, впрочем, начались проблемы. Одна из двух воспитательниц постоянно жаловалась маме на странное упрямство Ромы: не поймешь, когда и почему он заартачится, что согласится, а что откажется делать. Мог вроде бы ни с того ни с сего прекратить занятия лепкой или танцами, уйти и сесть в угол. И с ребятами отношения складывались неровно — иногда вроде все нормально, а иногда — Рома приходил из садика и говорил, что с ним никто не дружит и никто не хочет играть. Надо сказать, что вторая детсадовская воспитательница (немолодая и авторитарная) на вопросы матери отвечала, что никаких проблем с Ромой у нее нет, и добавляла с непонятной усмешкой: «Характерный он у вас. Забавный».

Уже тогда высказывания Ромы часто ставили взрослых в тупик. Причем они не всегда были условно «отрицательными». Например, Рома рано и самостоятельно научился говорить комплименты взрослым людям. В пять лет, поднимаясь по лестнице в подъезде и встретив полужнакомую соседку, мог сказать: «Как вы сегодня хорошо выглядите! И эта шляпа вам очень идет!»

— Самое ужасное, это то, что я его стыжусь, — призналась мама Ромы. — Мне стыдно с ним в гости к подругам идти. На площадку. К врачу вот. Я все время жду: что он еще сморозит? Понимаете, я сама с детства человек тихий, можно сказать робкий, все время боюсь кого-нибудь обидеть, неловкость какую-то сделать. И вот у меня такой ребенок... Он ведь в школе учится совершенно нормально, и неглупый, и незлой вроде. А учительница в последний раз сказала: показали бы вы его психиатру, что ли. Да я и сама понимаю. Пытаюсь говорить с ним, объяснять, что это обижает людей, что так не делают. Он вроде понимает, соглашается. А потом — опять и опять... Я пробовала в Интернете искать — что с ним такое. Но чем больше читаю, тем страшнее... Скажите, все очень плохо, да?

— Я пытаюсь понять, но пока не понимаю, — честно призналась я. — Очевидно, что у Ромы какая-то разновидность социопатии. Но откуда она взялась? Обычно есть какая-то родовая травма, заболевание. Или что-то в семье...

— Откуда взялась? Так от отца, — женщина удивленно подняла светлые брови. — Теперь-то он совершенно нормальный, но раньше... Мы с будущим мужем вместе в школе учились. Он тогда был... ну очень странный.

— О чем вы говорите?

— Ну, например, протестовал против ношения школьной формы, надевая ее наизнанку. Спускался вниз по лестнице только по перилам. Как-то организовал митинг протеста... уже не помню, против чего. Учителя его терпеть не могли, из школы исключить хотели...

— А как его собственная мать на все это реагировала?

— Вы знаете, удивительно. Она всегда была на его стороне. Как будто бы даже гордилась им. Рассказывала, что в их роду были какие-то подпольщики и чуть ли не декабристы. Я этого не понимаю... Потом он в армии служил. Кошмар, с его-то характером — зубы, ребра страдали... И опять странно: вспоминает с удовольствием, с товарищами встречается, говорит, что армия много ему дала.

— Ага. А теперь, значит, все в норме?

— Да, он выучился, по работе многого добился. Меня и сына очень любит. Только в магазины я с ним ходить не люблю...

— Почему?

Да он все время претензии какие-нибудь предъявляет персоналу. То продукты просроченные, то скидки не так оформлены, то брак какой-нибудь найдет... В общем, борется за справедливость. Ужас!

— Послушайте, но ведь вы знали, за кого идете замуж! — улыбнулась я.

Мама Ромы не нашлась, что ответить.

Люди с нормальным интеллектом, совершающие множество социальных неловкостей, встречаются не так уж редко. Общее название таких состояний — социопатии. Разброс их вариантов огромен — от безобидных людей «со странностями» до откровенно криминальных историй. Иногда социопатии развиваются в результате каких-то неврологических заболеваний, иногда (как в нашем случае) бывают наследственными.

Нет ничего удивительного и в том, что Ромина мама — «тихая мышка», которой довольно часто мешала в жизни ее собственная робость, решила связать свою судьбу с родом активных «борцов за справедливость».

Социопатия, проявляющая себя в раннем детском возрасте, поддается коррекции. Дело в том, что эти дети, так же, как и все остальные, хотят быть хорошими, хотят, чтобы их все любили. Они готовы работать над этим (вспомним Ромины комплименты). Их надо просто учить взаимодействовать с другими людьми — непрерывно и неустанно. Доходчиво. Годами. Что, вероятно, и делала мама Роминога отца. А также отцы-командиры в армии. И воспитательница детского садика, у которой не было никаких проблем с Ромой.

Когда мы поговорили об этом с Роминой мамой, она немного успокоилась. Обсудили и ее главную проблему — *Принять своего сына*. Выработали некий план обучения Ромы тому, что именно он может сделать, чтобы заслужить приязнь и уважение одноклассников, учителей, других взрослых людей.

Сейчас Рома учится в пятом классе. У него есть друзья, он любит читать книги о войне. С мамой отношения ровные, но не особенно близкие. Она немного отдалилась от него, когда полтора года назад у Ромы родилась младшая сестра. Рома и его сестра обожают друг друга, хотя он очень любит ее воспитывать и «строить». Мальчик с удовольствием занимается в

«школе выживания» при военно-техническом клубе. В школе у него четверки и пятерки.

Но «за справедливость» он по-прежнему борется при первой возможности. Так же, как и его отец.

Глава 54. Спина к спине...

— ... И еще... мне даже неловко говорить... Саша писает в мальчиковом туалете мимо унитаза...

— Гм-м... А откуда вы знаете? — удивилась я. — Он что, сам похвастался? Или старший брат нябедничал?

— Нет, Леша никогда не ябедничает. Это нянечка школьная Сашу подкараулила...

— Значит, так... — я внимательно посмотрела на грустную большеглазую Анжелику, маму мальчиков-погодков, и принялась загибать пальцы. — Леша — дерется с членовредительством, не слушает на уроках, подначивает и бьет Сашу... Саша... — я перешла на вторую руку. — Саша — все время ябедничает на Лешу, плохо усваивает материал в школе, украл деньги из вашего кармана и игрушку у девочки из портфеля, но не признался и сказал, что все это валялось на полу... да, еще писает не туда, куда надо...

Анжелика низко опустила голову, явно угнетенная множеством и неразрешимостью озвученных мною проблем. В огромных, почти лемуловских глазах, блеснули слезы.

— Это бы все еще ничего, — почти прошептала она. — Главное — другое.

— А что же главное? — не удивилась я и приготовилась поймать на лету какой-нибудь выпадающий по случаю из шкафа семейный скелет.

— Понимаете, я была единственным ребенком в семье. Родители любили меня, заботились, но мне всегда было немного одиноко — я была робкой девочкой, мне так хотелось, чтобы был старший брат, который защищал бы меня, или наоборот, младший кто-нибудь, ради которого я сама смогла бы себя преодолеть и стать сильнее. И тогда мы, родные, были бы вместе, делились секретами, понимали друг друга... И у мужа тоже нет братьев и сестер. И вот мы... Когда я забеременела второй раз, врачи в один голос советовали делать аборт. Леша очень трудно рождался, он был крупный, я еще не оправилась, у меня был очень низкий гемоглобин и давление... Муж тоже говорил: давай подождем года три-четыре. Но я... я подумала, кто знает, как все дальше сложится, а вот он или она уже есть... И пусть они будут почти одинаковые, так им будет легче дружить... Школьные оценки, шалости всякие, шум — это все такая ерунда. Но, понимаете, я всегда мечтала о том, как мои мальчики будут дружить, заступаться друг за друга, все-таки родная кровь, спина к спине... у меня этого никогда не было.

— А они не оправдали ваших надежд?

— Леша играет с Сашей только тогда, когда вокруг нет никого другого. Или подначивает его. Просто так, для развлечения. Саша злится, ябедничает, потом бросается в драку. Они дерутся страшно, яростно... я даже не всегда могу их растащить. Что же мне делать?!

— Какую позицию во всей этой истории занимает ваш муж, отец мальчиков?

— Его никогда нет дома — он много работает, ездит в командировки. Они при нем потише себя ведут, побаиваются, так что про самые яркие эпизоды их вражды он знает только с моих слов.

И, по-моему, не всегда мне верит, думает, что я преувеличиваю из-за своей природной чувствительности. Говорит: мальчишки всегда дерутся...

— А на самом деле вы не преувеличиваете?

— Они же не только дерутся, они кричат... у меня мороз по коже от их выражений. Саша: «Я тебя ненавижу! Чтоб ты сдох!» А Леша: «Когда-нибудь я убью тебя, гнида!»

— Да, пожалуй... Расскажите, как устроена ваша жизнь? Есть ли у вас какие-нибудь воспитательные принципы?

— Принципы? — несколько растерялась Анжелика. — Не знаю... Ну, я всегда старалась, чтобы у них все было. В смысле, не только еда, одежда, но и развитие, развлечения. Мы с ними в театр ходим, в кино, в музеи, на каток, летом — на море...

— Какие-нибудь кружки? — подсказала я.

— Да, бабушка их на карате водила. Там тренер такой жесткий. Леше нравилось даже, он какие-то нормативы сдавал, а Саша стал отлынивать и Лешу своей ленью заразил. Теперь не ходят. А еще Саша из бисера поделки плел, и сейчас плетет иногда, и рисует, я хотела в художественную школу, но Леше это совсем неинтересно, он над Сашей смеялся: «девчонка!», и тот сказал — не надо!.. Да, вот вы спрашивали про принципы: я всегда старалась никого из них не обижать вниманием — я знаю, что это важно. Уроки помогаю готовить одному и другому, подарки, читаю им вместе, гулять или там по магазинам... Никогда их не била, стараюсь не повышать голос, все объяснять...

— А кто из них вам ближе, Саша или Леша? — спросила я. — А мужу кто? И еще: как вы развлекаете детей, я поняла. А вы лично как развлекаетесь? Вы с мужем вместе? Муж отдельно?

Анжелика долго молчала, недоверчиво глядя на меня. Возможно, ей казалось, что мои вопросы — это какая-то шутка. Потом покачала головой, скрывая (воспитанный человек!) неодобрение.

— Мы никогда об этом даже не думали: разумеется, они оба для нас — родные и мы любим их одинаково. По поводу развлечений... муж так редко бывает дома, в выходные ему хочется просто полежать или посмотреть телевизор. Если мы выбираемся куда-то, в парк, на лыжах, в гости, летом на отдых — то все вместе, всей семьей... Это же правильно?! Так же везде говорят: семья должна быть семьей!

Что-то в выражении моего лица тревожило Анжелику. Ей явно хотелось, чтобы я покивала и помычала согласно. Но вместо этого я повторила свой вопрос:

— А вы? Как отдыхаете и развлекаетесь вы? Что вы вообще любите?

— Что я люблю?.. Что я люблю? — на лице Анжелики появилось выражение какой-то детской обиды. — Вообще-то я никогда не любила шумные развлечения — танцы, клубы, вечеринки... Но я всегда очень любила читать... Толстые романы... исторические и про любовь...

— Сейчас вы много читаете?

— Нет, мне как-то все некогда, мальчишки требуют внимания, хозяйство, муж... Ну, когда они у меня садятся читать, им в школе задают, я тоже беру книгу... Но при чем тут это? — от непонимания ситуации Анжелика перешла в наступление. — Вы что, полагаете, мои мальчишки

ненавидят друг друга оттого, что я мало развлекаюсь?! Это же абсурд!

— Да нет, — я пожала плечами. — Они ссорятся оттого, что в выстроенной вами семейной системе не могут обрести себя. Уважают и побаиваются отца, любят вас и срывают злость друг на друге.

— Как это — не могут обрести себя? — удивилась Анжелика. — Что же им мешает?

— Давайте разбираться, — предложила я.

* * *

Когда стеснительная, одинокая и мечтательная Анжелика выросла, она оказалась неожиданно сильной личностью. И к моменту вступления в брак у нее, в отличие от большинства сверстниц, была программа, как именно нужно строить семейную жизнь. «Семья должна быть семьей!» — этот лозунг любительница романов Анжелика понимала однозначно, по-мушкетерски: «Один — за всех и все — за одного!» Не случайна оговорка о сыновьях: «Они должны были спина к спине...» Как хотите, но спина к спине можно только сражаться. Но с кем и за что? Разумеется, против эгоизма и одиночества, за крепкую семью. Вместо сыновей сражалась сама Анжелика — «все нужно делать вместе!»

Муж ходил на работу и тем спасался, не без удовольствия переложив психологическое и материальное обустройство очагана плечи жены. Анжелика безропотно несла основную тяжесть, отказывая себе в отдельных удовольствиях и фактически отказавшись от своей личности, растворив ее в системе. А вот сыновья — каждый отдельная личность! — когда чуть-чуть подросли, начали бунтовать. Каждый по-своему: сильный, смысленный и агрессивный Леша — открыто и яростно, мечтательный и слабый фантазер Саша — скрытно и исподтишка.

Что же делать Анжелике? Неужели отказаться от мечты о счастливой и дружной семье и жить «всем врозь»? Разумеется, нет!

Ведь получив свой, отдельный «кусочек жизни», куда понесет его, к примеру, та же Анжелика? Конечно, в семью, сыновьям и мужу. А восьмилетний Саша и девятилетний Леша? Конечно, тоже в семью — маме, папе и... брату! И тогда уже не нужно будет отстаивать собственную «особость», потому что она сама собой образуется...

Лешу отдали на бокс и в кружок ракетно-космического моделирования — он очень любит все «подвзрывать». Драться с Сашей ему теперь неинтересно, ведь он же взрослый и знает «приемы». Да и у тренера по этому поводу жесткая позиция. Саша ходит в тот же Дворец детского творчества, но в театральные кружок. У него внезапно открылся дар перевоплощения. Днем Саша специально смотрит эстрадные передачи, чтобы придумать, кого он вечером будет показывать семье. Его пародии бывают такими смешными, что Леша с папой хохочут и не могут остановиться. «Домашняя» Анжелика так и не решилась пока выйти «в люди». Но на сайте любителей отечественного фэнтези она завсегдатай и по секрету призналась мне в том, что сама начала писать роман... — исторический и про любовь — и написала, между прочим, уже три главы. Муж заинтересовался и ждет продолжения...

Глава 55. Спорный ребенок

— Как умный, интеллигентный, творческий человек, член Союза писателей, вы, конечно, меня поймете и в этой нелепой ситуации будете на нашей с сыном стороне...

Я пожала плечами и окинула взглядом хорошо выбритого мужчину лет сорока с небольшим, в дорогом, но несколько мешковато сидящем на нем костюме.

Его ход был ошибочным, несмотря на то, что он явно готовил свою вступительную фразу заранее и в соответствии с каким-нибудь руководством а-ля Дейл Карнеги. Как же можно заранее прогнозировать, на чьей стороне я окажусь? Впрочем, мужчина откровенно нервничал, и это вполне объясняло его неловкость.

— Ваш сын ждет в коридоре?

— Нет, нет, — поспешно ответил мужчина, — я подумал, что нет смысла тащить сюда ребенка, подвергать его излишнему стрессу, мы с вами сами, как интеллигентные люди... Тем более что вот, — мужчина достал из кейса весьма увесистую папку. — Я принес все медицинские заключения и обследования... Мальчик очень впечатлительный, у него нестабильность нервной системы, синдром дефицита внимания, вы же понимаете, вы сами книгу об этом писали... Вы, конечно, знаете профессора Введенского? Главного невропатолога города? Он нас консультировал, когда Родиону было два годика... А Анна Ильинична Гузман? Прекрасный человек, доктор наук, автор методических рекомендаций, светило в педиатрии, бывает у нас дома регулярно... Вы, разумеется, слышали о ней?

— Я, к сожалению, не знаю ни профессора Введенского, ни доктора Гузман, но с их заключениями непременно ознакомлюсь. Но... в чем дело-то?

Мне хотелось увести мужчину с намеченного им русла разговора, ибо оно казалось мне не слишком конструктивным. Но не тут-то было.

— Скажите, вы ведь согласны с тем, что главное определяющее значение для становления личности ребенка имеют первые годы жизни? Наш гений — Лев Толстой писал об этом в своих произведениях. Круг общения родительской семьи, духовные запросы окружающих ребенка людей, способы проводить время, уровень образовательных и воспитательных учреждений — значение всего этого для развивающегося сознания трудно переоценить...

В какой-то момент я даже заслушалась, честное слово. Среди моих клиентов не так уж часто встречаются люди, которые могут свободно говорить на канцелярите. Но — хорошего понемножку...

— Неплохо было бы все-таки ввести меня в курс реальных событий в вашей конкретной семье, ибо Лев Толстой в начале своего гениального романа «Анна Каренина» высказался и об этом...

— Да, да, конечно, простите, — он бледно улыбнулся. — Дело заключается в том, что от меня ушла жена.

— Сочувствую. Но это — увы! — случается. Дальше?..

— Она существенно моложе меня. Но я дал ей все. Она приезжая — вы понимаете? И дело не в деньгах, хотя их тоже было достаточно. У нее была возможность развиваться. В нашем доме бывают замечательные люди (я мановением руки прервала открывшийся было список профессоров, весомых администраторов, а также деятелей науки и искусства)... Мои родители встречались и были знакомы с... (тот же жест с моей стороны). У нас замечательная библиотека...

Тут я не выдержала и усмехнулась:

— Короче, она не оценила. Дальше...

— У нас есть сын Родион. Ему восемь лет. Он замечательный, но непростой мальчик... («Да уж представляю...» — пробормотала я себе под нос.) Она бросила его, вы понимаете? Ушла к другому мужику, сбежала... Низменные интересы, психический уровень чуть выше плинтуса... А теперь она хочет забрать Родиона к себе. Я же хочу, чтобы сын остался у меня. Мне нужно ваше заключение о том, что со мной мальчику будет лучше. Готов представить любые необходимые справки, гарантии...

— Справки? Какие справки? — удивилась я. — О вашей зарплате? Или о том, что в вашем доме бывает не меньше пяти докторов наук в месяц?

— Подумайте сами, как специалист, просто как образованный человек, ну что она может ему дать?! — патетически воскликнул мужчина. — Мне стыдно говорить, но она смотрит «Дом-2» и читает женские детективы. Этим исчерпываются ее культурные запросы. Ее отец — водопроводчик. Мать домохозяйка. Она перетащила в Петербург двух своих сестер. Одна ремонтирует квартиры, другая стремительно вышла замуж и родила подряд двоих детей, они все живут в одной комнате вместе с двумя кошками и собакой, она водит туда Родиона, они все возятся на полу в грязи...

Мужчина картинно закрыл лицо руками, а я ощутила отчетливое дуновение XIX века, с поправкой на перестройку и последовавшее за ней...

— То есть Родион сейчас живет с вами?

— Да, со мной и моими родителями. Она регулярно видится с ним, созванивается каждый день, я не могу ей отказать, хотя мы развелись официально и она выписалась из квартиры, но она же все-таки его мать. Но она настраивает его против меня, и я ничего не могу сделать! Он все время просит: отвези меня к маме! А я знаю, что ему нужно: ешь когда угодно и что угодно, никаких требований к гигиене, никакого режима, уроки делаются кое-как, учится в обыкновенной дворовой школе... Вы согласны, что выверенный режим дня, полноценная диета, составленная по рекомендациям признанных специалистов...

— ... Важны для правильного становления растущего организма, — закончила я.

— Вот видите, я знал, что вы меня поймете! — возликовал он, не заметив иронии (или сделав вид, что не заметил).

— Мне нужно поговорить с вашей бывшей женой и увидеть Родиона.

— Она не пойдет, что вы! Она ничего не понимает в психологии, даже вашу книгу не смогла прочесть, хотя я ей в свое время очень рекомендовал...

— Вы предложите ей придти, объяснив ситуацию, а там посмотрим.

* * *

Мама Родиона оказалась невысокой женщиной с остреньким лисьим личиком и заметным сроком беременности. Сразу, еще до начала разговора, начала плакать. Я терпеливо переживала слезы в ее исполнении так же, как и монологи о нашей совместной интеллигентности в исполнении ее бывшего мужа.

— А чего сбежали-то? — спросила я, когда слезы иссякли. — Или с самого начала — был только

расчет?

— Нет, не так! — горячо воскликнула она, и я ей почему-то поверила. — Леонид был такой взрослый, очень много знал всякого и так рассказывал интересно. И так про всех шутил остроумно, и ухаживал красиво — не в постель тащил, а в театр, и цветы дарил... Я по правде влюбилась...

— Ага. А потом?

— Потом я заметила, что его шутки... они часто злые. Вы понимаете? Он высмеивал всех моих подруг, родных... Даже в телевизоре — если я что-то хвалила, восхищалась или переживала — я не только сейчас, я всегда была сентиментальной и легко плакала — он обязательно говорил, что все это жвачка для быдла. Все у него были плебеи, придурки. Когда я родила Родиона и гуляла с ним во дворе, я, конечно, подружилась с мамочками на площадке. Я родом из Кривого Рога и привыкла — у нас там во дворе всё друг про друга знают и всё вместе делают. Я пыталась Леониду что-то рассказывать — у меня же не было других новостей, только со двора или из телевизора... Но он меня высмеивал, а если мамочки с детьми приходили к нам в гости, так он ничего, конечно, не говорил, но делал такое лицо, как будто в квартире плохо пахнет... Я хотела выйти на работу, я экономист вообще-то и очень общительный человек, но он говорил презрительно: «Ну что ты там зарабатываешь!» и настаивал, что я должна заниматься только ребенком... И еще, — она потупилась. — Я заметила, что у него так противно щелкает челюсть, когда он жует...

— А, уши Каренина... — усмехнулась я. В этом случае мне было положительно некуда деться от Льва Николаевича.

— Простите, что? — не поняла женщина.

— Ничего, ничего... Где же вы встретили своего нового избранника?

— Когда вы посоветовали Леониду отдать Родиона в детский сад...

— Я посоветовала?! — от души изумилась я. — Да я вашего Леонида первый раз увидела неделю назад...

— Он читал вашу книгу, а потом говорил, что консультировался с вами лично и что вы, как один из признанных специалистов в...

Я, защищаясь, подняла ладонь:

— Клянусь вам, у меня нет даже кандидатского диплома! Дальше...

— Родион был жутко избалован, и даже в частном дорогом садике у него были проблемы, хотя и стало чуть-чуть лучше, но я уже не могла дома сидеть с его родителями и пошла работать в фирму по производству дымоходов. Там и встретила Владислава. Он директор... И через три месяца у нас родится дочь...

— А что Владислав думает по поводу Родиона?

— Он говорит, чтобы я делала так, как мне лучше.

И что только все они в ней находят? — с искренним недоумением подумала я.

— А Леониду с Родионом на самом деле тяжело, он его то пытается воспитывать, то балует без меры. И Родик стал издерганным, и сам Леонид уже начал болеть, у него с желудком что-то... А еще его все время накручивают родители: дескать, такой матери, как я, нельзя доверять ребенка, и знакомые семьи не поймут, если...

И, черт побери, никто из них вообще не думает о ребенке! — я почти разозлилась и сказала несколько резче, чем следовало:

— Мне надо увидеть Родиона!

* * *

Как я и ожидала, именно мальчик оказался максимально страдающей стороной — неврастеничный, болезненный, избалованный, не способный ни на чем сосредоточиться и хоть немного подумать о чем-нибудь другом, кроме собственных интересов.

— Пусть они... Пусть он... Пусть она... — в таких императивах он говорил и о матери, и об отце, и о бабушке с дедушкой, и об учителях с одноклассниками. С некоторым теплом Родион отозвался только о кошках и собаке, живущих в теткиной семье, и признался мне, что хотел бы иметь собственную собаку породы волкодав — «чтоб она была всегда рядом и никто ко мне не приставал».

* * *

Я усадила родителей Родиона друг напротив друга.

— Каждый из вас отстаивает свою правду, — сказала я. — Я не способна вас рассудить, потому что мне самой равно чужды и страсти «Дома-2», и разделение людей на быдло и докторов наук. Наверное, зерно истины есть в каждом из мнений. И вот — у вас получается что-то вроде турнира. А площадка, на которой скачут кони и стучат копыта, это душа, психика Родиона, вашего общего сына. Можете себе представить, что остается на площадке, когда участники турнира и зрители разошлись после очередного представления?

Женщина тут же заплакала.

— Сломанные копыта, истоптанная земля, фантики, объедки, клочья тряпок, которые раньше были вымпелами и шарфами прекрасных дам... — грустно произнес Леонид.

Князь Андрей под небом Аустерлица, подумала я, но промолчала.

— И что же делать?! — кажется, они воскликнули это хором.

— Отменить турнир, другого выхода я не вижу.

* * *

Переселившийся к матери Родион немало помотал нервы всем участникам событий. Конечно, он вовсю шантажировал их: «Скажу маме, что вы мне...», «Не купишь, не сделаешь, к папе уеду, там бабушка с дедушкой...» Родители держались стойко, созваниваясь друг с другом: «Как хочешь, но папа (мама) скажет тебе то же самое». Мальчик сразу полюбил родившуюся сестренку, но при этом жутко ревновал ее. По моему совету ему купили фокстерьера, с которым он сразу стал неразлучен. В обычной школе гипердинамичность и невнимательность Родиона не слишком выделяла его среди одноклассников. Здесь пошла впрок развивающая

программа отца — мальчик знал много такого, о чем сверстники и не догадывались, и тем упрочил свой социальный статус. Игры во дворе и на школьной площадке несколько укрепили его физически.

Все, в общем, налаживалось. Леонид принес мне букет цветов, рассказал об успехах Родиона и спросил:

— А как вы думаете, когда, в каком возрасте он поймет, что я прав?

— ???

— Ну, что мать, в сущности, ничего не может ему дать для полноценного развития... Я понимаю, что, как специалист, вы должны выслушивать и учитывать все стороны, но как интеллигентный человек...

Я так и осталась сидеть с открытым ртом.

* * *

А как вы полагаете: существует ли какая-нибудь достоверная шкала, по которой можно измерить, кто, чего и сколько может дать ребенку? И в каких случаях показания этой шкалы стоит непременно учитывать?

Глава 56. Суицид в гостиной

— Он пытался покончить с собой три раза — из тех, что мы точно знаем. Еще два раза под вопросом, — голос женщины звучал отстраненно и невыразительно. Хотя речь шла о ее старшем сыне. — Сначала проглотил мои таблетки, потом резал вены в ванной, еще пытался повеситься в гостиной...

— В гостиной, значит? — переспросила я. — М-м-м... Изобретательный юноша. Сколько ему сейчас? И что говорят психиатры?

— Лёне 22 года. Психиатры не пришли к однозначному мнению, хотя, естественно, предполагали все, по списку...

— А что он, собственно, сейчас делает?

— Сейчас — фактически ничего. Иногда недолго работает — в каких-то непонятных мне «проектах» (кавычки были мною отчетливо услышаны). Штатается по клубам, общается с друзьями. Лежит на диване, смотрит фильмы. В детстве считался очень одаренным. Раньше много читал, учился в Оптическом институте, потом в «Мухе» (Художественное училище им. Мухиной) на дизайнера. Все бросил...

— А вы-то как? Все ваши? — в моем голосе прозвучало сочувствие. Член семьи, который периодически встает с дивана, чтобы повеситься в гостиной, — это сильно...

— Моя мама скончалась от инсульта через десять дней после второй Лениной попытки. Папа почти сразу женился второй раз и уехал в Москву. Муж работает круглые сутки, очень увлечен своей работой. Старается лишний раз мне не звонить, чтобы я не могла испортить ему настроение...

— А вы сами?!

— Я... я очень волнуюсь за Шуру, младшего. Ему пятнадцать, трудный возраст, он всегда любил и уважал брата и очень прислушивается к... к его программным монологам... Уже и сам задумывается над напрасностью всего сущего, задает вопросы... А я... я просто устала все время ждать и... уже почти ничего не чувствую...

Леня оказался высоким симпатичным юношей, похожим на персонажа из мемуаров Ирины Одоевцевой.

— Стихи не пишете? — поинтересовалась я.

— Нет! — с возмущением ответил он.

Я рассмеялась. Он удивился. По его мнению, тема разговора не располагала к веселью. Сдвинул густые брови, после первого же вопроса по существу закатился путаным монологом о том, что современный мир — довольно дерьмовое место. Я узнавала цитаты из Мураками, Козльо, Пелевина, Фромма, Ницше и сетевых аналитиков, пишущих под грифом «Шок! Срочно!» Полупереваренная крошка, ничего необычного или особо патологического. Переубеждать бесполезно.

— Неужели вы не понимаете, что уйти, не принимать участие в этих тараканьих бегах есть самое разумное...

— Ах, оставьте! — сказала я, прочно утвердившись в мемуарах начала XX века. — Вы пытались покончить с собой сколько раз? И ни разу у вас ничего не вышло. Вы уверены, что хотите именно этого? Может быть, чего-нибудь другого? И надо пойти и именно это сделать, вместо того, чтобы ерундой заниматься...

— О господи! — Леня закатил глаза с выразительностью актрисы немого кино. — Всегда одно и то же! Сейчас вы начнете перечислять возможности, которые я упускаю. Можно уже я сам? — Я кивнула: сейчас он по собственной воле ознакомит меня с усилиями специалистов, которые работали с ним прежде, и с тем, как эти усилия преломились в его лохматой башке.

— Я могу учиться в хорошем институте, где половина студентов прячется от армии, а вторая половина пришла, чтобы по настоянию родителей получить диплом. Я могу влюбиться и завести счастливую семью — острота чувств пройдет через несколько месяцев, останутся лишь тягостные взаимные обязательства, упреки — и дети, от которых — возьмите хоть меня и моего братца — никакой радости, лишь одни беспокойства. У меня признают художественный талант, и я мог бы заняться современным искусством — делать инсталляции из пивных пробок или перформансы из мятого картона и алкогольных видений своих приятелей и называть это отражением макрокосма. Еще я мог бы стать консалтинг-менеджером, сидеть в просторном офисе, похожем на продезинфицированную обувную коробку, и способствовать тому, чтобы одни люди произвели, а другие купили никому не нужные вещи и услуги...

Я презрительно помахала в воздухе рукой.

— Какая скукотища! Где ветер ноосферы?

— Ч-что? — удивился Леня.

— Вы не читали Вернадского?! — в свою очередь удивилась я. — А теория систем Берталанди? В вашем возрасте и с вашим мировоззрением человек должен всеми рецепторами чувствовать личную, знаковую обращенность мира и читать в нем, как в открытой книге. Тем более здесь и сейчас, когда надвигаются такие события планетарного масштаба...

— Какие события? — Леня казался почти испуганным.

В своей повседневной практике гомеопатический принцип «подобное лечат подобным» я почти не использую, но здесь просто не видела другого выхода. Большой психиатрии у Лени не чувствую я, не видели психиатры — значит, повредить не должно.

— Наше поколение уже выработало свой ресурс, — не обращая внимания на Ленин вопрос, продолжила я. — Скука и застой, старые песни о главном, которое уже никому не интересно. Только молодежь. И какие возможности, особенно если отбросить всю эту гнилую «гуманистику» и не держаться за жизнь! Большая война в нынешних условиях приведет к самоубийству всего человечества, но ведь система должна саморегулироваться, вы согласны? Стало быть, вы можете стать бандитом с большой дороги, пиратом, террористом...

Глаза у Лени стали похожи на царские пятирублевики.

— Какая оглушительная пошлость — вешаться в семейной гостиной! — с презрением воскликнула я. — Когда есть новые наркотики: прежде чем сдохнуть, вы исследуете внутренние пространства сознания. Есть французский Иностраннный легион! Да и наша собственная армия предоставляет некоторые возможности для сильных духом... Кстати, почему вы не служили?

— Родители подсустились... Но я их не просил! — Леня решительно вздернул слабый подбородок.

Из своей дальнейшей речи я помню немного. Предметом моей гордости является то, что я сумела как-то приплести к теме не только «Гринпис», но и центры происхождения культурных растений Николая Вавилова.

Леня был впечатлен. Я вымотана, ибо спонтанно и вдохновенно нести чушь — привилегия молодых людей. Разработку подробностей программы превращения Лени в бандита с большой дороги, активиста «Гринписа» или солдата Иностранного легиона мы отложили до следующей встречи.

Через пару месяцев он прочитал труды Вернадского, убедился в его гениальности и рассказал мне о том, как все детство покойная бабушка, дед и мама с папой считали его вундеркиндом. Они наперебой уверяли себя и его в том, что мальчика ждет какая-то совершенно необыкновенная судьба в необыкновенно прекрасном мире, где все будут им восхищаться. Потом, когда стала очевидна Ленина «обыкновенность» и родился Шура, надежды и усилия семьи переключились на младшего сына и внука. Лене же по-прежнему очень хотелось чего-нибудь выдающегося за рамки...

— И чтобы опять обратили внимание, да? — подсказала я.

Леня кивнул, потупившись, потом усмехнулся:

— Какая оглушительная пошлость, не правда ли?.. Но мир ведь сейчас действительно довольно дерьмовый, — чуть ли не с надеждой добавил он.

— Видите ли, Леня, — подумав, сказала я. — Каков бы ни был мир, смерть в нем — единственный ресурс, в котором мы можем не сомневаться. Все умерли, и мы умрем. Это нам уже дано в условии задачи, это тот вклад, который лежит у каждого на счету при рождении. Раз это у нас уже есть и никуда не денется — стоит ли торопиться им воспользоваться? Можно пока заняться более непроверенными вещами — вроде образования, семьи, принесения пользы

людям — вы не находите? В конце концов, яркая и короткая жизнь пирата...

Леня засмеялся:

— А ведь вы знаете, вы меня тогда очень заинтересовали...

Вы не поверите, но сейчас Леня — инженер. Его пунктик — солнечные батареи и другие альтернативные источники энергии. Он полагает, что энергетические и другие промышленные установки обязательно должны быть красивыми, и любит рисовать города будущего. В Интернете его картины пользуются популярностью. К тому же он уверен, что Земля — живое существо и с ней можно напрямую разговаривать. Сейчас он и группа его единомышленников пытаются разработать язык, на котором можно будет пообщаться с нашей планетой. Вот здорово, если у них получится, вы согласны?

Глава 57. Увидьте же меня, наконец!

— Помогите нам, пожалуйста, вернуть дочь! — женщина заглядывала мне в глаза и ерзала в кресле.

Мужчина завороченно смотрел в окно, где во дворе поликлиники медленно кружились и падали разноцветные осенние листья.

— Я слушаю вас.

— Наша дочь Людмила ушла из дома.

— Давно ушла?

— Уже неделю.

— Вы в милицию обращались? Мало ли что...

— К счастью, мы точно знаем, что она жива. Она звонила, сказала, что все в порядке и чтобы мы ее не искали.

— Сколько лет дочери?

— Четырнадцать.

Я тяжело вздохнула — ситуация не обещала легких решений.

— Что ж, рассказывайте все подробно и с самого начала, — я специально обратилась к мужчине. Его статус мне пока не обозначили. Отец? Отчим? Мужчина улыбнулся мне едва промелькнувшей улыбкой и кивнул жене.

Из рассказа матери не прояснилось абсолютно ничего. Либо мне ввали, либо существовало что-то, категорически неизвестное Людиным родителям.

Люда росла здоровым, обыкновенным ребенком в нормальной полной семье. Кроме папы и мамы была еще бабушка, скончавшаяся два года назад. Все Людины потребности удовлетворялись, никаких экзотических увлечений у нее никогда не было. Когда-то, в младших классах, занималась танцами и фигурным катанием, но потом надоело — бросила.

Интересовалась мальчиками, музыкой, косметикой, нарядами. В школе училась без увлечения, но без двоек. Часами сплетничала по телефону с подружками. Все как у всех. Конфликты с родителями были, но тоже тривиальные, описанные в любой литературе про подростков: поздно пришла домой, требование новой шмотки, почему не убрано в комнате, неужели нельзя помыть за собой тарелку... Ни отец, ни мать особенно на Люду не «наезжали», она тоже не умела долго злиться или обижаться, после ссор на следующее утро мир восстанавливался сам собой, как будто бы ничего и не произошло.

Все варианты, кроме ссоры с родителями, которые приходили мне в голову: религиозная секта, дебют простой шизофрении, несчастная любовь, беременность, наркотики, запуталась в долгах — последовательно отменялись мамой Людмилы. Я склонна была верить в ее искренность — ни на одном из пунктов обсуждения напряжение не нарастало.

Итак, поведение девочки в последнее время не менялось, новых знакомых не появилось, сон и аппетит не нарушались, в школе никаких проблем тоже вроде бы не было... Почему же она ушла из дома?!

— Послушайте, — громко обратилась я к по-прежнему медитирующему на листопад отцу Люды (имея уже самые нехорошие подозрения на его счет — мне же надо было найти причину побега!), — а вы-то что думаете по этому поводу?

Мужчина с явной неохотой оторвался от созерцания заоконного пейзажа и взглянул на меня.

— Я не знаю, — медленно произнес он.

— Вы разговаривали с дочерью?

— Когда?

— В последнее время перед ее исчезновением.

— Да. Или нет. Вы знаете, я как-то не помню... Ну конечно, мы разговаривали.

— О чем?

— Да о чем с ней, вообще с ними, можно говорить? — удивился мужчина. — У них же в голове MTV какое-то... Она просила у меня денег на что-то. Я дал...

— Я сейчас не знаю, как вам помочь, — честно сказала я. — У меня нет информации о причинах случившегося. И самой Люды тоже нет. Нужно еще что-нибудь. Вы подружкам Люды звонили?

— Да, конечно, сразу же, всем, чьи телефоны нашли, — поспешно сказала мама. — Они клянутся, что ничего не знают. По-моему, две из них врут.

— Очень хорошо, — обрадовалась я. — Позвоните еще раз и распустите слух, что районный психолог, зовет подруг Люды к себе поговорить, всех, кто хочет ей помочь... Девчонки в этом возрасте любопытны как сороки и жутко любят всех обсуждать, может, кто-нибудь и клюнет, а я уж постараюсь вытянуть из них информацию... Есть ли у вас дома что-нибудь, что характеризует Люду как личность? Может быть, она вела дневник? Писала стихи?

— Нет, нет... Вообще-то она всегда рисовала... Даже, я теперь вспомнила, когда-то ходила в кружок, мама ее водила...

— Рисунки сохранились?

— Да, но они такие... просто шариковой ручкой, какие-то цветы, профили...

— Несите. Даже когда Люда найдется и вернется домой (почему-то я в этом не сомневалась), надо будет что-то понять и сделать.

Конверт с рисунками оказался у меня на следующий день.

Перебрав рисунки (Люда неожиданно оказалась талантливым рисовальщиком — у нее была верная рука) и остановившись на одном из них, я сформулировала для себя гипотезу о том, почему девочка ушла из дома.

Еще через день у меня в кабинете появилась Марго. Она училась в художественном училище и познакомилась с Людой полгода назад на выставке-конкурсе граффити.

— Эта тема — полный отстой! — заявила Марго, усевшись в кресле и картинно положив ногу на ногу. — Мне Светка позвонила, а той Ирка сказала, вот я и пришла. Людкины предки — полные козлы.

— Есть вероятность, — осторожно согласилась я. — Но ситуацию, тем не менее, необходимо разруливать. Вы согласны?

— Н-нда, — Марго недовольно сморщила короткий носик и похлопала ресницами, похожими на кусочек старой сапожной щетки. — Вы знаете, к примеру, что Людка все это время в школу ходит?

— Нет, это мне неизвестно, — призналась я. — А почему же родители...

— А они даже классной не звонили, — малиново ухмыльнувшись, добавила красок Марго. — Им неловко, что в школе узнают... А к вам пришли, потому что вы — совсем отдельно от них...

— Узнают — что? — спросила я, вопреки очевидности начиная предполагать какие-то кошмары и опять, по счастью, обманываясь.

Разговор получился долгим. Я чувствовала себя Чингачгуком в засаде. Когда контакт установился и мы обсудили все проблемы уже самой Марго, я решилась:

— Людмила живет... у тебя?

— Нет, у моего друга... Вы не подумайте чего, у него просто родители за границу уехали, квартира большая, почему Людку не пустить, я туда каждый день езжу, и еще наши там собираются...

Гм-м... Намерения у всех участников событий, конечно, хорошие, но ситуацию следовало разрешать как можно быстрее. Чингачгук рванул из засады.

— Так! Сейчас ты едешь за Людой и привозишь ее сюда, — решительно, не пренебрегая суггестией (методом внушения), заявила я. — Ждете вон там, на той скамейке, в садике. Я махну вам рукой. Если мы с Людой не договоримся, увезешь ее обратно. Сколько времени тебе понадобится?

— Часа полтора, — неуверенно сказала Марго.

— Вперед!

Времени у меня почти не оставалось. Я позвонила родителям Люды: «Сюда, немедленно, оба!»

Мужу и жене предъявила выбранный рисунок.

— Вы это видите? Отсутствие глаза у девочки, руки — у матери? Как вам этот папа, который спрятался за двойной стеной от своих домашних? Единственное существо, которое видит всех, — это кот!.. Скорее всего, Люда сейчас вернется домой. Но, если вы все не измените, вы потеряете ее уже навсегда. Она будет рядом и бесконечно далеко от вас. Побег из дома — это ее последний, накануне ухода из детства, крик: папа и мама, увидите же меня, наконец! Почему вы не пошли в школу, не позвонили классной руководительнице?!

— Ну, мы же знали, что с ней все в порядке, не хотели никого беспокоить... Что они могли подумать про нашу семью, если у нас дочь из дома сбежала? Мы же не такие! Думали, сегодня-завтра вернется, достанем справку, все обойдется...

— Не обойдется! — резко сказала я. — Вы! — я вполне невежливо указала пальцем на отца. — Вы знаете, что ваша дочь принимает участие в уличных фестивалях, что она талантливая художница, что она уже несколько месяцев работает волонтером в благотворительном фонде против рака и СПИДа?

— Нет, а что?.. Она?.. — женщина заметно побледнела.

— С ней все в порядке. Пока. Но может быть, вы все-таки отложите газету и вылезете из кресла?!

Мужчина встал. И стоял так некоторое время. За окном падали листья. На скамейке во дворе сидели две голенастые девочки и что-то горячо обсуждали. Кажется, младшая из них плакала, а старшая ее утешала.

Мужчина перевел на меня вопросительный взгляд. Я кивнула:

— Да, идите туда, к ним. Скажите ей все, а что не сможете сказать словами — найдите другие способы.

Потом сверху, из окна я смотрела, как они стояли, обнявшись все втроем. Марго поодаль ковыряла носком сапожка кучу опавших листьев и улыбалась огромным, ярко накрашенным ртом.

Глава 58. Угол для психотерапевта

— Вы знаете, я все-таки оказался к такому не готов...

— Да кто же в подобном случае может сказать, что он — готов?! — с искренним сочувствием воскликнула я.

Худенький мальчик на ковре строил и разрушал башню из больших кубиков. Снова строил и снова разрушал. Я уже знала, что у мальчика — муковисцидоз. Неизлечимое наследственное заболевание, которое случается только тогда, когда носителями соответствующего гена являются и мать и отец. Большинство из нас понятия не имеет — есть у нас этот ген, нет его? Вот и родители мальчика не знали. Не повезло.

Мужчина уже в годах, имеет свой, довольно крупный, как я поняла, бизнес. Женился два года назад на женщине много моложе себя по большой и неожиданной любви.

— Вы знаете, я все-таки не мальчик, и думал уже — такого не бывает, и, в общем-то, не собирался, тем более жизнь давно налажена... — доверчиво глядя мне в глаза, рассказывал он. — Но у нас все, все совпало, казалось, мы просто созданы друг для друга... Ребенка оба хотели ужасно. И вот такое...

Я от души сопереживала. Но не очень понимала: чего он хочет от меня? Моральной поддержки? Но почему тогда не пришел с женой (ей что, легче, что ли?) и зачем притащил в поликлинику сына, для которого любая пролетающая мимо инфекция смертельно опасна?

— Но вы знаете, ведь с каждым годом создаются все новые и новые средства, — сказала я. — И, кажется, есть существенный прогресс...

— Да, — с горечью сказал он. — Я говорил с врачом, смотрел в Интернете. Раньше они умирали в десять, теперь живут до 25. Жизнью глубокого инвалида, изматывая всех окружающих ожиданием их неизбежной смерти...

— Ну, так мы все неизбежно умрем, — я пожала плечами. — Главное все-таки — как относиться к отпущенному времени.

— Я не могу! — мужчина закрыл лицо руками и дальше говорил, не глядя на меня. — Я готов отдать все что угодно... Но каждый день смотреть, знать, ждать...

— Да зачем ждать-то?! — возразила я. Я все еще не понимала. — Вы же не ждете каждый день собственной смерти — а до нее как раз лет двадцать пять и осталось. Наоборот — радуйтесь, пока он с вами. Поддерживайте жену...

Мужчина закрутил шеей, как будто воротник щегольского блейзера внезапно превратился в удавку.

— Она теперь ничего не видит, кроме сына, ни о чем не говорит, кроме его болезни...

— Но это же естественно, вы должны помочь ей преодолеть шок, вернуться к нормальной жизни...

— Я не могу!

— Чего вы хотите? — я наконец задала прямой вопрос.

— Я не могу там оставаться! — он выпалил это, глядя на меня глазами до смерти напуганного животного. — Я не могу спать, есть, работать, поддерживать, как вы говорите, жену... Мне хочется бежать из дома куда угодно...

— Подождите, подождите! Нельзя же так решать! Давайте все обсудим. Сейчас или в следующую встречу. Теперь вы потрясены, расстроены, но...

— Я больше не могу об этом ни думать, ни говорить! Мой кардиолог сказал мне, что...

Мне хотелось запустить в него железным грузовиком. Я поняла, зачем он привел с собой сына. Он им защищается от меня, ведь при мальчике я не решусь... Ему зачем-то нужна епитимья от специалиста. Я всегда работаю исходя из интересов ребенка. Как ему будет лучше? У этого, с

разрешения сказать, отца, кажется, много денег. Он наверняка готов откупаться...

— Пришлите ко мне вашу жену.

— Да, да, конечно, ей наверняка будет полезно походить к вам... Вы знаете, я читал вашу книгу, мне очень...

Я опускаюсь на ковер и вместе с мальчиком строю башню из кубиков. Не глядя на его отца. Мальчик улыбается мне и пытается помочь.

Женщина бледна, но все равно — она очень, очень красива. Я уже знаю: чтобы жениться на ней, он бросил прежнюю жену, с которой прожил 20 лет. Там остались две девочки, почти взрослые. Жена не работала пятнадцать лет. После развода пыталась покончить с собой. К счастью, откачали.

— Да, я знаю, что Степан хочет от нас уйти, — говорит женщина. — Он стал раздражителен, срывается, потом ему стыдно передо мной, перед тещей... Мне моя мама сейчас помогает... И с сыном почти не играет, возьмет его и... Он сказал, что даст денег на все обследования, лечение, если надо, за границей... Будет нас навещать, когда сам в России, — два раза в неделю, один раз утром гулять с ним и вечером, чтобы мы вместе...

— Что ж, я вижу, вы уже все обсудили. Он собирается вернуться к прежней семье? — Хоть девочки порадуются, думаю я.

— Да, — женщина кивает, справляясь со слезами. — Нет. Он говорит, что там все кончено. Будет жить отдельно.

— Двадцать пять лет — это очень много, — говорю я. — За это время черт знает, сколько всего может случиться. Вот ведь диабетики живут теперь, и все в порядке.

— Да, конечно, я буду надеяться, — снова кивает она. — Что ж... так получилось. И... вы ведь его видели... Он же все равно очень милый, правда?

— Конечно. Очаровательный ребенок. Улыбчивый, контактный, всем интересуется.

Женщина странно смотрит на меня. Потом благодарит, прощается.

Скажу честно: я постаралась побыстрее забыть эту историю. И у меня это получилось. Прошло почти два года.

Она стала еще красивее. И светилась изнутри.

— Вы знаете, диагноз оказался ошибочным! Это обменное нарушение, тоже генетическое, но диета, лечение — и никаких последствий!

— Отлично! Замечательно! — от души порадовалась я. — Надо что-то нагонять в развитии? Давайте обсудим...

— Нет!.. То есть, конечно, да... Мы потом придем с ним, чтобы вы посмотрели, но... Я пришла не за этим.

— За чем же?

— Так получилось, что вы единственная знаете все без прикрас. Вся историю нашего со

Степаном расставания. Я тогда даже друзьям, даже маме не сказала правды — всем рассказала, что мы поссорились, он меня оскорбил, и я его выгнала. Он это подтвердил. А теперь он хочет вернуться. Точнее, забрать нас с сыном к себе. Я думаю...

Вы с ума сошли?! — хотелось крикнуть мне. Но я, конечно, промолчала.

— Сын любит его и хочет всегда быть с папой. Степан сказал: я не могу быть один, я не привык так жить. Я пойму, если ты откажешься, не простишь, но тогда мне придется искать какую-то другую женщину. Я не хочу этого, я люблю тебя, вас, мы так подходим друг другу... Как мне поступить? Ведь сыну нужен отец, он многое может ему дать, многому научить... Вы все знаете про нас, дайте мне совет!

Я видела, знала наверняка, что она для себя уже все решила, и что бы я ей ни сказала, поступит по-своему. Она любит и всегда любила этого Степана и все ему простила. Она только хочет немного облегчить себе ношу принятия этого сомнительного решения — вернуться к человеку, который предал ее и своего ребенка в трудную минуту. И, если что-нибудь случится, предаст еще раз, заручившись рекомендациями от своего кардиолога, психоаналитика и т. д.

Я попыталась спрятаться за широкую спину Карла Роджерса (одного из основателей гуманистической психологии):

— То есть вы пытаетесь сейчас принять взвешенное решение?

— Не надо, не надо, я понимаю... — она взмахнула тонкой рукой, и я вспомнила, что у нее у самой — психологическое образование. — Я прошу вас, просто скажите: как вы думаете — возвращаться мне или нет? Мне очень нужно...

Вы видели когда-нибудь загнанного в угол психотерапевта? Так вот — именно так я себя и чувствовала в ту минуту. Психологи не дают прямых советов — так меня учили. Она все равно поступит так, как решила. Я единственная, у кого она может спросить. Я либо поддерживаю ее решение (против своего мнения и желания), либо добавлю еще один камень к ее ноше (но останусь честной перед собой). Я всегда работаю из интересов детей — так я решила когда-то. Как будет лучше мальчику?

— Возвращайтесь! — сказала я. — Но не обольщайтесь ни на минуту. И ни в коем случае не бросайте работу. Станьте максимально самостоятельной. Делайте карьеру...

— Да, да! — она просияла от радости и облегчения и стала просто ослепительной. — Я понимаю, о чем вы, конечно, я так и сделаю! Именно так! Спасибо! И приду про развитие сына спросить. Потом... Как-нибудь... Обязательно!

Она ушла, чуть ли не пританцовывая.

До следующего приема еще оставалось много времени. Я тихо сидела на полу в углу и строила башню. Башня то и дело падала, кубики катились по ковру...

Глава 59. Фантазеры

— Главное, что меня поражает, — он вообще-то очень честный мальчик. Понимаете? С самого раннего детства никогда не пытался выкрутиться — если набедокурит, что-то разобьет, предположим, чашку, так сразу и говорит: я разбил. В детсаду и школе никогда не сваливал на других, наоборот — мог взять на себя чужую вину. В играх никогда не жульничает, когда,

например, узнал, что у фокусников в цирке ящик с двойным дном, сразу сказал: если так, то это нечестно и неинтересно...

— А что вас, собственно, беспокоит?

Честного мальчика женщина с собой не привела, пролистав карточку, я узнала, что его зовут Андрей, ему 12 лет и ничем таким особенным он никогда, к счастью, не болел.

Женщина тоже выглядела вполне обыкновенной.

— У Андрея проблемы в школе? — предположила я самый обычный для мальчика этого возраста вариант. Правда, не желающих учиться мальчишек мамы обычно приводят с собой на первый же прием, чтобы отыграть тему «пусть тебе хотя бы психолог скажет».

— Нет, нет, учится он вполне нормально. По русскому тройка, ну так она всегда была — пишет неграмотно и в тетрадках грязь. А все остальное — четверки и пятерки.

— Взаимодействие со сверстниками? — самый возраст для изучения социальных ролей.

— Все нормально. У него есть два друга еще с детского сада, а если когда подерутся, так до вечера и помиряются.

— Так в чем дело-то?

Парень нормально учится, не имеет проблем со здоровьем и коллективом... Я начала слегка волноваться, ожидая, что с минуты на минуту мне предъявят здоровенный семейный «скелет из шкафа».

— Понимаете, он врет.

— ?! Вы же только что рассказывали мне о честности Андрея!

— Он сочиняет безумные истории. Без всякой выгоды для себя.

— А-а-а, фантазии! — я вздохнула с облегчением. Поскольку мальчишка коммуникабелен и социально адаптирован, психиатрии можно не опасаться. — Ну, так это нормально. Один из способов освоения мира детьми. Признак творческой личности, если хотите...

— Не хочу! — твердо сказала женщина. — Ему было шесть лет, когда в гостях у девочки с подготовительных курсов он, уже сев за стол, сказал, что ему по здоровью нельзя есть сахар. Хотя бы крошечку — и он немедленно умрет. Бедная мать девочки покрылась холодным потом, соображая: можно ли ему съесть бутерброд с колбасой (есть ли сахар в булке?!) и маринованный огурец (в маринад, кажется, добавляют сахар!)? Когда я через час пришла за ним, дети безмятежно смотрели мультики, а женщина судорожно листала медицинский справочник в поисках первых симптомов диабетической комы.

— Откуда же он узнал? — улыбнулась я.

— У моей тетки как раз в это время нашли диабет второго типа... Дальше. В девять лет я отправила его в санаторий — подвернулась бесплатная путевка. В первый же родительский день воспитательница вызвала меня на улицу для приватного разговора. Он взял с нее честное слово молчать и рассказал, что я — на самом деле не его родная мать и, страдая бесплодием, взяла его из детского дома в возрасте пяти месяцев, он недавно нашел подтверждающие этот

факт документы и теперь не знает, что ему делать...

Женщина явно закипала, и я предусмотрительно не стала ни о чем расспрашивать ее.

— Дальше. Гостя в деревне в Лужской области (там живут мои двоюродные братья и сестры), он сообщил всем детям соседей, что до прошлого года воспитывался в шаолиньском монастыре, продемонстрировал полученные там навыки (включая сеанс массового гипноза) и пожаловался, что с трудом привыкает к цивилизованной жизни большого города. Впечатленные дети поделились трудной судьбой маленького монаха с родителями. С тех пор мою родню иначе как ниндзями в деревне не зовут...

— А что насчет шаолиньских навыков?

— Полгода занимался карате в студии при школе... И, наконец, уже в этом году учительница математики посетовала на его рассеянность и недостаточное качество последних письменных работ. Андрей со слезами на глазах рассказал ей, что я уже месяц лежу в больнице в реанимации и врачи серьезно опасаются за мою жизнь. Он буквально разрывается между посещением больницы и ведением домашнего хозяйства. Учительница впечатлилась (ей даже не пришло в голову, что можно ТАК врать!), окружила его вниманием и сочувствием, рассказала о ситуации другим педагогам. В конце концов классная руководительница (святая женщина!) пришла к нам домой — выяснить, чем можно помочь. Представляете, как я себя чувствовала?!

— Н-нда-а...

Я чувствовала в ситуации какой-то подвох. Что-то подсказывало мне, что действительно буйная фантазия Андрея произрастает не на пустом месте. Похоже на то, что, сочиняя и рассказывая свои дикие истории, он в тот момент сам в них верит...

— Послушайте, а вы сами в детстве не придумывали подобных историй? Ну, что вы на самом деле заколдованная принцесса и все такое...

— Да вы что! — возмутилась женщина. — Какие принцессы! Я даже сочинения с трудом писала, потому что там придумывать надо. Физика, математика мне куда легче давались.

— Может быть, кто-нибудь из ваших родственников?

— Те, которые в деревне? Ну конечно — между уборкой и посевной сказки сочиняют! Мамина сестра сказала: еще раз своего пацана привезешь, я об него всю хворостину для профилактики обломаю, чтоб перед соседями не срамил.

— А отец Андрея?

— Мы в разводе давно, Андрюшке и трех лет не исполнилось...

— И с тех пор он не подавал никаких признаков жизни?

— Нет, почему же. Они видятся иногда, в кино ходят, в зоопарк...

— То есть отец Андрея — нормальный, социально адаптированный человек, принимает участие в воспитании сына? — обрадовалась я. — А не сочинял ли он историй?

— Нет, — твердо сказала женщина. — Блажной был, этого не отнять, но историй не сочинял.

Точно.

— А что значит — блажной? — осторожно спросила я.

— Да вечно витал где-то. Ни кран починить, ни полку прибить, ни посоветоваться по делу. И все книжки читал... И сейчас, наверное, читает...

— Расскажите подробней, — я почувствовала, что нащупала истоки проблемы.

Еще через пять минут я уже открыто смеялась. Несмотря на продекларированное отсутствие фантазии, женщина была хорошим рассказчиком — язвительным и наблюдательным, а благодаря деревенскому происхождению хорошо владела сочным народным языком.

Ее бывший муж действительно любил читать. Очень. Читал книжки периодами — по авторам. Проникался всем — историческим колоритом, этнографией, кухней. Менял гардероб, стиль речи, круг знакомых. Когда читал Ремарка, похудел на 10 килограммов и был поставлен на учет в тубдиспансер. В джеклондоновский период влюбился в удмуртку, странно шурился и завел себе терьероподобного уродца — умнящую темно-рыжую тварь с отвратительным характером. Хемингуэя ему запретила читать жена — он стал говорить фразами из трех слов, носить в гости свитера со стоячим воротом и странно присматривался к ружьям...

— Они оба модифицируют мир, понимаете? Делают это без всякой корысти, просто чтобы было интересней...

— Он своими модификациями меня в гроб вгонит, раньше, чем в армию уйдет, — прокомментировала мою гипотезу женщина. — Сделать-то можно что-нибудь?

— Да, — сказала я. — Можно куда-то канализировать эту его страсть. Театральный кружок. Литературная студия. Еще что-нибудь подобное. Безопасная резервация. В дальнейшем подумайте о какой-нибудь специализированной школе. Может быть, журналистика. Они столько врут, что ему там будет раздолье.

— Подскажите конкретно, — потребовала она.

Я дала ей короткий список из известных мне мест.

Но ни одно из них не сработало.

Спустя год Андрей прижился в детском кукольном театре — он чудесно отождествлялся с куклами, сочинял репризы, любил стоять позади действия в черном трико. Отец ходил на все его спектакли, гордился сыном. Безумное сочинительство из практической жизни семьи исчезло без следа. Впоследствии Андрей начал сам изготавливать кукол, что и стало его профессией.

Глава 60. Хомячок Тани Гранаткиной

Наше время — время больших скоростей и активных самопрезентаций. Почти всем родителям хочется, чтобы ребенок был успешен и достиг высот. Поэтому довольно часто ко мне обращаются родители младшеклассников с такой проблемой:

— Знаете, он как-то не умеет себя проявить. Дома вечером хорошо рассказывает стихи, а наутро в классе, если не спросили, стесняется сам поднять руку. Потом расстраивается. И со сверстниками тоже — вроде бы ему и хочется быть лидером, а как-то не получается... Мы

можем ему как-то помочь?

— А вы уверены, — спрашиваю я, — что вашему ребенку это действительно нужно — быть на переднем крае, под светом софитов чужого (не всегда доброжелательного) внимания?

— Ну, не зна-аем... — тянут родители. — Но так же тоже нельзя — все время на задней парте отсиживаться, сейчас жизнь-то какая: кто смел — тот и съел! (Как будто во время появления этой поговорки жизнь была другой.) Так что — нам нужно! Как ему помочь?

Тогда, прежде чем перейти к конкретному обсуждению, я рассказываю им историю из собственного детства.

После первого класса мама отправила меня в пионерский лагерь. Нас, самых младших (10-й отряд), было человек тридцать — целый автобус испуганных семилетних детей, впервые в жизни оторвавшихся от родителей, — круглые глаза, чистенькие одежки, ручонки судорожно комкают убогие кулечки с яблочками-печен-ками, выданными на дорогу. Некоторые тихо плачут (громко протестовать никому даже в голову не приходит — не то было время).

Ехать до лагеря долго — почти четыре часа. Детство любопытно — большинство детей успокоились и стали потихоньку оглядываться. У одной из девочек (невзрачной и тщедушной, с тонкой шейкой) на коленях вместо завтрака лежал маленький жестяной чемоданчик — в таких в те времена выдавали подарки на новогодних елках. Иногда, не переставая беззвучно плакать, девочка открывала чемоданчик, заглядывала в него, совала туда тонкий пальчик, а потом снова закрывала. Первой не выдержала соседка: «Чего это там у тебя?» — «Хомячок», — еле слышно ответила девочка. — «Ой! — ахнула спрашивающая. — Настоящий?! А посмотреть можно?» — Девочка молча кивнула и слегка приоткрыла крышку, продемонстрировав соседке толстого белого хомяка с красными глазами. — «Ой, какой хорошенький! — взвизгнула от восторга соседка. — А печенье он ест?.. Меня, кстати, Алена зовут, а тебя?» — «Таня Гранаткина», — прошептала хозяйка хомячка. — «Что у вас там? Хомяк? Дайте позырить, не жадничайте!» — решительно потянулся толстый мальчик с сиденья через проход.

К приезду в лагерь весь десятый отряд знал, что в автобусе едет Таня Гранаткина, у которой есть хомяк, которого она дает посмотреть и даже погладить. Хомяк ест яблоки, но только сладкие и красные, а печенье уже не ест, просто пихает его под себя, на дно чемоданчика.

По приезде раскладывали вещи, определялись с местами в спальнях (в одной спальне размещалось 12 девочек). Вокруг робкой Тани Гранаткиной образовалась компания крупных энергичных девочек (я была в их числе), которые охраняли хомяка от слишком активных посягательств мальчишек (в семь лет большинство детей любят животных, но далеко не все умеют с ними обращаться). Таню и хомяка мы разместили в престижном месте — в углу, возле окна. Освободили ему отдельную полку в тумбочке. Танины вещи (зубная щетка, паста, расческа) приютила на своей полке девочка с соседней кровати. Таня вежливо говорила всем «спасибо», но ее голос по-прежнему был едва слышен. Хомяка в жестяном чемоданчике — и то было слышнее.

После тихого часа было собрание октябрятского отряда. «Надо выбрать командира отряда, отрядную песню, речевку, девиз и эмблему, — деловито сказала девушка-вожатая. — Какие будут предложения, ребята?»

Как вы думаете, какие были предложения? Правильно — единственным человеком, которого знал весь отряд, на тот момент была Таня Гранаткина. Ее и выбрали абсолютным большинством голосов. Таня явно испугалась, но отказываться от подобной чести в те времена

было не принято. Поэтому она мужественно проглотила подступившие слезы и даже улыбнулась вожатой.

После ужина вожатая пришла к нам в палату и направилась прямо к Тане.

— План мероприятий мы с тобой завтра обсудим, — сказала она. — А сейчас вот что. Твой хомячок... Мне кажется, что ему здесь, в палате, не очень хорошо. Его либо упустят, либо просто затаскают — он все-таки живой, а не резиновый. Давай мы его поселим в коробке в вожатской комнате, а ты его будешь навещать, когда захочешь. Хорошо?

— Хорошо, — прошептала Таня.

— Вот и славно. Поехали, Хома! А насчет конкурса на лучшего октябренька ты подумай уже сейчас, Таня. Надо что-то спортивное и обязательно — конкурс на сообразительность... Может быть, зоовикторину провести, в честь Хома? Ладно, завтра уточним... Спокойной ночи, девочки! — вожатая взяла чемоданчик с хомячком и погасила свет.

Не знаю, навещала ли хомячка Таня, это как-то не отложилось у меня в памяти. Но мы до конца смены больше его ни разу не видели — это точно. Да и вообще быстро забыли о нем — в лагере было много новых впечатлений.

Зато Таня постепенно преобразилась — в свете возложенных на нее обязанностей командира отряда, ответственности и доверия вожатой она, естественно, старалась как можно лучше и полнее себя проявить и оказалась не такой уж робкой, глупой и несамостоятельной, как могло показаться с первого взгляда. Зоовикторина удалась на славу. В спортивном конкурсе физически слабая Таня была судьей — строгой, но справедливой. А к концу смены, на смотре строя и песни она уже с веселой задорной улыбкой маршировала впереди нашего малышowego десятого отряда и звонко выкрикивала:

— *Раз, два... Шире шаг!* — вопили мы хором.

— *Три, четыре... Выше флаг!*

— *Смелые, умелые... Всегда мы тут как тут!*

— *Октябрята-ленинцы... Ленинцы идут!*

Еще тогда, в семилетнем возрасте, я удивлялась: «Как Танины родители решились, вопреки всем правилам, дать этого самого хомячка с собой в лагерь маленькой робкой девочке, которая за себя-то не могла постоять?!»

И потом удивлялась. Пока однажды не поняла, что кто-то из Таниных родителей был интуитивно-талантливым психологом и, рискнув Хомиными удобствами и даже жизнью, подарил своей робкой и слабой дочери шанс самопроявиться под пристальным вниманием совершенно незнакомого социума. Таня, как мы теперь знаем, этим шансом успешно воспользовалась. А Хома выжил. Удача!

— А теперь мы будем сочинять «хомячка Тани Гранаткиной» для вашего ребенка, — говорю я родителям, пришедшим ко мне почти сорок лет спустя.

Глава 61. Цыганка Таня

Один мой знакомый рассказал о том, что в детстве их обычно пугали так: «цыгане заберут». И мне вспомнилось то, о чем я не думала уже много лет: цыганка Таня, с которой я когда-то дружила, попытка детей из очень разных культур выстроить свои отношения.

Моя дружба с Таней получалась прерывистой, потому что цыгане появлялись в нашем дворе каждый год в конце апреля и, продав весь свой товар к концу мая, снова исчезали до следующего года. Торговый ассортимент «наших» цыган был весьма своеобразным: они торговали черной «махровой» тушью для ресниц в коробочках (которую, по всей видимости, сами же и варили из чего-то вроде сапожной ваксы), прозрачными «газовыми» платками, красными гвоздиками и еще каким-то невразумительным первомайским товаром. И, разумеется, гадали.

Приезжали всегда только женщины и дети — от шестисеми лет до подростков. Ночевали они и хранили товар внутри крыши большой беседки, которая стояла на территории детского сада. В дождь дети из детского садика в этой беседке гуляли. Цыгане залезали в крышу по веревочной лестнице, покидали свое убежище часов в шесть-семь утра, возвращались к восьми вечера и, таким образом, с персоналом и воспитанниками детского садика совершенно не пересекались. Все окружающие, включая милиционеров, конечно, знали про цыган, но делали вид, что их как бы и нет вовсе. Цыгане же, в свою очередь, вели себя мирно и тихо: рядом с «домом» — беседкой и на близлежащих улицах и площади не торговали и не гадали.

С дворовыми детьми цыганские дети практически не общались — все отношения ограничивались примитивным обменом и игрой «в трясучку» на деньги. К тому же у них и времени-то особенно не было — целый день даже самые маленькие цыганские дети работали вместе со взрослыми. На свой, цыганский, манер.

Так что моя дружба с Таней была исключением из правил. Сошлись мы, как ни странно, на почве книг. Таня была старше меня на два года, считалась в таборе очень развитой девочкой и любила читать сказки. Почти каждый день я приносила ей какую-нибудь книжку, а она потом поздним вечером, при свете свечи, ее читала. Иногда для себя, а чаще — вслух, для своих цыганских подружек. Любила Таня слушать, как читаю вслух я. Я пыталась подсунуть юной цыганке какие-нибудь другие книжки, кроме сказок, но неизменно терпела неудачу — Таня отказывалась читать и Носова, и Драгунского, и всякие исторические повести, которые я сама очень любила. Зато сказки годились любые — хоть «Пеппи Длинный Чулок», хоть ненецкие народные. Любимой Таниной книжкой была «Волшебник Изумрудного города». Каждый год, появляясь в нашем дворе, Таня первым делом велела мне: «Неси волшебника!» — и в первый же вечер с наслаждением погружалась в до мелочей знакомый ей мир милой и доброй сказки.

Любопытство детей качественно отличается от любопытства взрослых, и поэтому, встречаясь с Таней практически каждый день, я ничего не знала о том, откуда они приезжали к нам и как и где жили в то время, когда мы с Таней не виделись. Мне просто не приходило в голову это спросить.

Единственное, что я, сама безотцовщина, выяснила у Тани: есть ли у нее родители (мужчин среди приезжающих, как я уже упоминала, не было вообще, но и Таниной матери я тоже никогда не видела). Таня охотно сообщила мне, что отец у нее есть, и еще какой, но он сейчас вместе со старшим братом и с младшими детьми кочует в другом месте, а мать умерла при родах, рожая младшую Танину сестренку, которой теперь три года. Помню, что ответ Тани меня совершенно удовлетворил, и никаких дополнительных вопросов я не задавала. Кочует, значит кочует.

Несмотря на то что Таня была старше меня, в росте она сильно мне уступала. Впрочем, цыгане вообще народ малорослый, а я, даже по нашим меркам, всегда считалась высокой. Исходя из этого, я, с согласия родителей, каждый год оставляла для Тани какие-нибудь вещи, из которых вырастала сама. Таня в одежде была привередлива (значительно привередливее меня), но что-нибудь из припасенных мною вещей обязательно брала себе — ведь моя бабушка шила и одевала меня достаточно красиво. Всему прочему Таня предпочитала шерстяные кофты и юбки с оборкой. Мои юбки казались ей слишком короткими, на что она мне неоднократно указывала, употребляя при этом устаревшее в нашем словаре слово «негоже». В таборе к моим юбкам пришивали понизу еще одну-две оборки из другой ткани, и они, таким образом, делались «гожими».

Родная тетка Тани даже среди своих считалась первоклассной гадалкой. Называлось это «ей судьба открыта» или еще как-то в этом роде. Естественно, я неоднократно просила Зою погадать мне. Она отказывала, ссылаясь на то, что, дескать, еще рано, на маленьких карты неверно ложатся. Раскидывать их — только путать. Вот перейдут года на второй десяток — тогда милости просим. Отчего племяшкину подружку не уважить? Просила я погадать и саму Таню (она тоже гадала и по руке, и по картам), но девочка честно признавалась, что по сравнению с Зоиным гаданием ее собственное — яйца выеденного не стоит. Когда мне исполнилось десять лет (это произошло зимой), я ждала весеннего приезда с дополнительным нетерпением: теперь уж Зое точно придется мне погадать — она обещала.

Ранним апрельским вечером моя мама пришла с работы и за ужином между делом обронила:

— Кстати, опять цыгане приехали. Шла через двор с работы, видела их с сумками возле детсадовского забора, со стороны стройки.

Я, разумеется, тут же запросилась гулять.

— Поздно уже гулять, сиди дома, — воспротивились родные. — Завтра погуляешь.

Но ждать до завтра мне было явно неважно. Хотелось увидеть Таню, рассказать о новостях, обсудить планы на Первомайские праздники. Не забывала я и о том, что меня ждет цыганское гадание и предсказание судьбы. Хотя и понимала, конечно, что в первый день после приезда Зоя гадать не станет... Короче, я настаивала, и мама сдалась:

— Иди, бог с тобой. Только дальше садика не уходить, и не больше часа!

— Да, конечно! — мигом согласилась я, впрыгнула в уличные туфли и умчалась на улицу.

— Застегнись, оторва! — крикнула мне вслед бабушка и пробормотала себе под нос: — Черт-те что растет, а не девочка! Как замуж выдавать будем?

Яркие юбки и кофты цыганок были похожи на рано распустившиеся огромные цветы. Повзрослевшая за год Таня обрадовалась мне, но была занята обустройством. Я вместе с цыганскими детьми помогала подавать катули наверх, в беседку. Зоя, проходя мимо, подняла тонкую смуглую руку и потрепала меня по волосам:

— Все растешь, кудрявая?

— Зоя, мне уже десять лет исполнилось, — сказала я.

— И чего теперь? — удивилась цыганка.

— Ты мне погадаешь?

— А-а-а... ты вот что! — Зоя темно и загадочно улыбнулась. — Погадаю, конечно. Отчего нет? Только ты ведь знаешь, кудрявая, что за цыганское гадание платить надо? Иначе — не сбудется!

Зоя блеснула белыми зубами, плеснула юбкой и прошла мимо. Я осталась в унынии.

— Таня! — спустя пару дней я попробовала прояснить ситуацию с помощью своей цыганской приятельницы. — Зоя сказала, что за гадание надо платить. Такой обычай. Но у меня нет денег.

И мама с бабушкой не дадут. Может быть, удастся на праздниках заработать? Сколько приблизительно это стоит? Ты ведь, наверное, знаешь?

В то время я с семьей жила на улице Александра Невского, маленькой, в несколько домов уличке, впадающей в Невский проспект в районе одноименной площади. До постройки гостиницы «Москва» стройные колонны первомайской демонстрации были видны из наших окон. На демонстрации традиционно (надо думать — от Вербного воскресенья и других подобных праздников) продавали всякую мелочь — трещотки, воздушные шарiki, раскидайчики, окрашенные в разные цвета пучки ковыля, бумажные цветы и полураспустившиеся березовые ветки. Все это изготавливалось предприимчивыми гражданами (в основном старушками) специально к Первомаю — Дню международной солидарности трудящихся. Понятно, что цыгане принимали во всей этой коммерции самое деятельное участие. Я, как ни странно, тоже.

За неделю до праздника я покупала в книжно-канцелярском магазине «Буревестник» рулон разноцветной папиросной бумаги. Необходимое количество медной проволоки легко раздобывалось на помойке радиотехнического училища номер три. Дальнейшее уже было делом техники. Вполне профессионально (спасибо школьным урокам труда!) из папиросной бумаги и проволоки я изготавливала разнообразные цветы — по преимуществу гвоздики и розы. Кончики лепестков иногда для красоты красила золотой и серебряной краской. Та же Таня, обладавшая, как и большинство цыган, художественной смекалкой, научила меня делать в цветах тычинки из крашеной маминым лаком для ногтей лески. Дома я объясняла, что такое массовое производство цветов нужно для украшения школьной первомайской колонны старшеклассников.

Продавались цветы по пятаку или по гривеннику. Общий заработок за утро составлял от трех до пяти рублей. Таня торговала ковылем и длинными, противно пищащими языками. Понимая свою выгоду, мы часто стояли вместе. Сочетание двух девочек-торговок: смуглой черноглазой цыганки и сероглазой кудрявой блондинки — невольно привлекало внимание покупателей и повышало продажи. Таня должна была всю выручку сдавать в общий цыганский котел. Себе на сласти ей разрешалось оставить только двадцать копеек. Весь мой заработок, естественно, принадлежал мне одной. Обычно я покупала на эти деньги какое-нибудь угощение для себя и дворовых друзей или канцелярские принадлежности в том же «Буревестнике». Может быть, в этот раз заработанные деньги потратить на гадание?

— Зоя дразнит тебя, — сказала Таня. — Нарочно. Не бойсь — погадает она тебе без всяких денег. Забудет, так я ей напому.

— Так что, нет такого обычая — платить за гадание? — не поняла я.

— Обычай есть, но денег не надо.

— Как это?

— Ну, сделаешь что-нибудь, а выйдет, как будто заплатила. Помнишь, ты нас игре в фанты учила? Вот, вроде того.

Спустя неделю Зоя со смехом подтвердила Танины слова:

— Выкуп. Так это по-русски? Выкуп давай, кудрявая. Денег не надо. А я тебе судьбу разложу.

Собравшиеся посмотреть на Зоино гадание цыганские подростки (как я поняла позже, это было что-то вроде мастер-класса) весело оскалились и захлопали в ладоши:

— Выкуп! Выкуп!

— Что же мне делать? — растерялась я.

Зоя загадочно молчала, а может быть, просто настраивалась на гадание. Я часто видела: цыганки, даже когда не дурят доверчивых клиентов, а гадают «для своих», перед началом процесса выполняют что-то вроде психофизических упражнений. Об их сути я теперь могу только догадываться, но думаю, что они не слишком отличаются от прочих известных человечеству медитативных техник.

— Пляши! Пой! — подсказывали мне цыганята.

Природа одарила меня очень громким голосом (в детском саду я одна могла перекричать целый хор), но, к сожалению, совершенно обделила музыкальным слухом. А что касается танцев, то нашей музыкальной руководительнице всегда было трудно найти мне пару среди других детей — абсолютно не чувствуя ритма, я вечно кружилась и подпрыгивала не в такт, сбивая окружающих и наступая им на ноги.

К десяти годам я уже отдавала себе отчет в своих достоинствах и недостатках и, конечно, не могла позориться со своими песнями и плясками на глазах у поголовно музыкальных цыган. Поэтому я отрицательно помотала головой.

— А чего ты умеешь? — спросила моя ровесница-цыганочка.

— Я лучше всех в классе стихи читаю, — подумав, сказала я. — Громко и с выражением. А в районе — второе место на конкурсе чтецов заняла.

— Вот и хорошо! — цыганята согласно закивали. — Давай стихи!

Я запрыгнула на перила беседки, уцепилась одной рукой за столбик, а другую патетически протянула к слушателям.

— «Гибель Чапаева»! — громко объявила я. — Трагическая поэма!

Это длинное, в целом безумное, произведение неизвестного мне автора я в детстве знала наизусть целиком, и оно было тогда моим любимым стихотворением.

С самого начала рефреном в поэме повторялись строчки:

— Урал, Урал-река!

Бурлива и широка!

Эти строчки я выкрикивала со всем доступным мне драматизмом — это означало, что все кончится плохо.

Цыгане были превосходными слушателями. В нужные по смыслу моменты они замирали, в другие — прищелкивали языками, ударяли себя по ляжкам или сокрушенно кивали головами.

— Казацкие кони храпят у ворот!

Тревожный рассвет над станицей встает... — шипела я, тараща глаза и оглядываясь, как будто бы искала на территории детского садика отряд белогвардейцев.

— Урал, Урал-река! — подхватывали вошедшие в ритм цыганята, хлопая в ладоши. — Бурлива и широка!

Когда Чапаев наконец утонул в Урал-реке, некоторое время все слушатели потрясенно молчали.

— Хорошие стихи, — наконец выразила общее мнение Таня и добавила что-то по-цыгански, обращаясь к тетке.

Я слезла с перил и вытерла со лба выступивший во время выступления пот.

— Давай руку, кудрявая! — сказала Зоя.

Сначала Зоя рассматривала мою ладонь, потом разложила карты на деревянном столе в центре беседки.

Чертовски обидно: до мелочей помня тогдашний наряд и даже серьги Зои, я практически ничего не помню из ее гадания. Кажется, там не было ничего необычного — потому и не запомнилось. В 1972 году цыганка Зоя нагадала мне вполне обыкновенную, в меру счастливую жизнь — каковая и сбылась в последующие тридцать пять лет. Кажется, Зоя говорила и про замужество, и про детей — мальчика и девочку. Это меня тогда не слишком интересовало. Кажется, говорила, что я побываю во многих землях и многих странах. Последнему я не поверила — тогда был «железный занавес» и выехать за пределы Советского Союза обыкновенному человеку было практически невозможно. Тем более — многие страны... Но ведь и это сбылось! Только один эпизод гадания помню наверняка. Раскинув карты в очередной раз, Зоя среди прочего сказала, что мне можно носить только дареные драгоценности и ни в коем случае нельзя покупать их самой. Я расстроилась. Нечасто глядясь в зеркало, я, тем не менее, видела свою внешнюю непривлекательность, хотя и не особенно еще расстраивалась по этому поводу. Единственным моим утешением было то, что из гадких утят иногда вырастают прекрасные лебеди. А если нет?

— Да кто ж мне подарит-то?! — с чувством воскликнула я.

Зоя улыбнулась.

— Не плачь, кудрявая. Тебе еще хорошо карта легла. Бывает, так ложится, что только ворованное носить можно...

Спустя два года, когда мне исполнилось 12 лет, весной, цыгане опять появились в нашем дворе. Но Тани среди них не было. Отозвав в сторону смутно знакомую цыганочку-ровесницу, я спросила у нее о своей подружке.

— Так лялька у нее! Дома она осталась! — ответила цыганочка.

— Какая лялька? — растерялась я.

— Какая, какая! Обычная! — засмеялась цыганочка и сделала вид, как будто укачивает на руках младенца. — Три недели, как родилась. Наной назвали.

Я молча отошла. Новость не слишком укладывалась в моей голове. Конечно, я знала, что цыгане живут по-другому, но все равно поневоле мерила Танину жизнь по своей. Представить себе, как посреди уроков, классиков и игры в резиночку у моей подружки родилась дочка... И, раз дочка, так это, конечно, значит, что четырнадцатилетняя Таня вышла замуж. И у нее теперь есть муж, какой-нибудь, понятное дело, цыган... Думать обо всем этом было «шершаво», как-то выше моих сил, потому что я все равно не могла ничего объяснить себе. И тогда я выбросила это из головы! Никому ничего не сказала и к цыганам больше не ходила. Просто не замечала их, как и все прочие.

Таню я больше никогда не видела и ничего не слышала о ней. Только один раз, спустя год или два, во время весенней полуночной подростковой маеты, неожиданно четко всплыла мысль: «А как же сказки?! Читает ли теперь сказки цыганка Таня? Ведь она так их любила...»

И еще: не веря ни в какие гадания, я почему-то всю жизнь ношу только дареные украшения. У меня их немного, но мне хватает.

Глава 62. Чужие письма

Девочка была невысокой, коренастой, со следами подросткового кризиса и подростковых прыщей на широком, чем-то недовольном лице. На вид лет пятнадцать. Пришла одна. Я приготовилась слушать, как ее все (особенно родители!) не понимают, как предают вероломные подружки или как не складываются отношения с мальчиками.

Но она вдруг достала из рюкзака и положила мне на стол пачку писем в конвертах, неловко, крест-накрест перевязанную золотой подарочной ленточкой.

— Вот, это письма моей матери. Не ко мне. Я хочу, чтобы вы их прочли.

— Ты с ума сошла?! — возмутилась я. — Тебя что, не учили, что чужие письма читать неприлично? А уж тем более давать их читать третьему, совершенно постороннему человеку...

Но тут же мне в голову пришла ужасная мысль, и я мгновенно осадилась:

— Твоя мама... она жива?

— Она-то жива... — неприятно усмехнулась девочка.

С каждым мгновением вся эта история нравилась мне все меньше.

Я молчала, собираясь с мыслями.

— Что — не будете читать? — спросила девочка и добавила с типично подростковой интонацией мстительности («вот выпрыгну с 12 этажа — узнаете, как на дискотеку не пускать!»):

— А если я тоже с ума сойду — кто тогда виноват будет?!

О, господи! Только этого мне не хватало! У матери, по всей видимости, психическое заболевание. На его фоне она пишет какие-нибудь письма ангелам или президенту США (я уже видела, что на конвертах нет адресов). Девочка кое-что узнала о наследственности, а может быть, уже есть какие-нибудь тревожные симптомы (возраст-то самый подходящий для первой манифестации всякой гадости!). Пришла к психологу посоветоваться — весьма разумный, в общем-то, для пятнадцатилетнего человека шаг. Письма захватила как доказательство серьезности происходящего. Ситуация прояснилась, но радости мне это не доставило. Интересно, кроме матери у нее есть кто-нибудь из близких? А если я пошлю ее к психиатру — пойдет? А если он назначит таблетки — будет принимать?

— В общем, так, — пока я лихорадочно перебирала варианты, девочка сама приняла решение. — Я вам их оставлю на несколько дней. Потом снова приду, заберу. Захотите — прочтете, захотите — нет. А там посмотрим...

И прежде чем я успела что-то сказать, она прикрыла за собой дверь. Я осталась наедине со стопкой писем.

Нельзя сказать, что меня очень интересовала переписка с ангелами (ибо я, в отличие от многих моих коллег, не интересуюсь творчеством душевнобольных, не считаю теракт 11 сентября произведением искусства и т. д.), да и по квалификации я не тяну на постановку психиатрических диагнозов, тем более заочных...

Но, судя по всему, для будущего контакта с девочкой в письма все же придется заглянуть...

Примерно через час (к концу отведенного на несостоявшийся прием времени) я тупо смотрела перед собой на узор ковра и пережевывала вообще-то несвойственные мне мысли об эмоциональной недоразвитости нынешней молодежи.

Потрясающей красоты и пронзительности письма писала любящая женщина своему давно умершему супругу — отцу той самой девочки, которая только что была у меня. Как человек, имеющий некоторое отношение к литературе, я могла оценить — помимо всего прочего у женщины были явные писательские способности. Кроме слов неугасающей любви и тоски по безвременно ушедшему из жизни мужу там были подробные описания — вот дочка выучила свой первый стишок и рассказала его на утреннике в яслях, вот она уже пошла в школу. Я как будто своими глазами видела ее наряд, крошечные туфельки на каблукках (чуть-чуть увеличить рост — среди сверстников она всегда была невысокой), огромный бант-бабочка, белая хризантема... Она рассказывала мужу о прочитанных книгах и поездке за границу, о своих успехах в карьере. Ее рассказы были интересными и даже местами ироничными. Она подсмеивалась над собой. Но продолжала любить и помнить. И в каждом послании, в каждой его строке просвечивала — Любовь. Та самая, о которой поют песни и слагают стихи. И эта пронесенная сквозь годы любовь воспринималась девочкой (как-никак — плодом этой любви) как сумасшествие, как повод для обращения к специалисту! О времена, о нравы!

Укрепившись духом, я была готова к разговору с дочерью литературно и эмоционально одаренной женщины. Пусть приходит!

И она пришла. И, склонив голову набок, выслушала все, что я имела ей сказать от лица европейской цивилизации и литературы по поводу любви, романтики, памяти...

Где-то в самом конце я патетически воскликнула:

— Интересно, что подумал бы твой покойный отец, узнав о твоём отношении к материнским письмам?

— Можно спросить. Только зачем? — девочка пожала плечами.

Я похолодела.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что мой отец вполне жив. И все эти годы живет в двух кварталах от нас, в конце нашей улицы. И моя мать об этом всегда знала.

Она смотрела на меня без всякого торжества, у нее было взрослое лицо человека, без всякой сентиментальности наблюдающего за игрой детей.

— Не волнуйся, ты не сойдешь с ума, — сказала я после долгого молчания. — На этот счет можешь быть спокойна.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она и аккуратно уложила письма все в тот же рюкзачок. — Положу на место. Там, правда, их еще много. Я вам только малую часть принесла, те, что мне показались наиболее интересными.

Я позвонила к ней домой и пригласила на прием мать. Сказала, что ее дочь была у меня, что у нее подростковые проблемы с самооценкой и — прыщи. Спросила об отношениях девочки с отцом. О письмах не сказала ни слова. Мать сама рассказала мне о них. Сначала, после развода, это был способ выжить. Потом постепенно превратилось в способ самовыражения. Призналась, что хотела бы избавиться от этой странной привычки, но как-то уже не мыслит себя без этого своеобразного творчества.

Я назвалась писателем, попросила принести образец письма. Искренне похвалила, ободрила (я ведь читала два десятка ее опусов!) и не придумала ничего лучше, как направить женщину в сетевые ресурсы для самодеятельных авторов. Удивительно, но где-то в Сети она познакомилась с мужчиной, литературная деятельность которого началась с того, что он писал письма своей умершей (действительно умершей!) жене. Они понравились друг другу. Правда, он живет в Новосибирске, но ведь всякое бывает.

Глава 63. Шантажисты

— У меня нет выхода. — Худощавая женщина средних лет сгорбилась в кресле и сжала руками виски. Ни ее жест, ни слова не казались мне позой. — Скажите честно, вот вы, специалист, видите выход из моей ситуации?

— Пока нет, — честно ответила я.

Женщину звали Лидией. Уже семь лет она одна воспитывала сына Володю. Лидия развелась с мужем, когда мальчику было три года. С тех пор отец, регулярно выплачивая алименты, судьбой сына особо не интересовался. Поздравление и подарок на день рождения, три-четыре встречи в год...

Два года назад Володя заболел инсулинозависимым сахарным диабетом. Тяжелое испытание, но маленькая семья с ним справилась. Наладили диету, перестроили образ жизни, взяли болезнь под контроль. Потом поставили инсулиновую помпу, Володя обучился пользоваться ею. Уколы делать теперь не нужно, помпа «подкачивает» столько инсулина, сколько нужно, чтобы подвести уровень сахара к норме. Володя сам пять-шесть раз в день проверяет у себя сахар, уверенно разбирается в показаниях прибора.

У меня на приеме общительный, импульсивный и дружелюбный Володя с удовольствием продемонстрировал мне висящий у него на поясе аппарат, похожий на навороченный мобильник, предложил с помощью имеющихся у него приспособлений узнать уровень сахара в моей крови:

— Не бойтесь, это не больно!

Он охотно рассказывал про школьные дела, сообщил, что увлекается футболом, спросил, знаю ли я, что есть олимпийские чемпионы с сахарным диабетом. Я это знала и подтвердила, Володя обрадовался.

Лидия рассказала мне, что у Володи помимо диабета еще и гиперактивность. В школе учителя жалуются на его поведение, дома с ним временами тоже нет сладу. Она сама далеко не всегда может отличить, где последствия колебания сахара в его крови, где — избыточное психомоторное возбуждение, свойственное гиперактивности, а где — простая лень и манипулирование.

На приеме, несмотря на всю свою гиперактивность (я ее видела и готова была подтвердить диагноз через пять минут после знакомства с Володей), мальчик вполне корректно вел себя по отношению ко мне — выполнял все мои распоряжения, соблюдал запреты, охотно отвечал на вопросы. Но с матерью был откровенно инфантилен и фамильярен: лез на колени, закрывал ей рот ладошкой, если хотел сам рассказать мне что-то, один раз, на что-то обиравшись, замахнулся...

— Хорошо еще, что мне мама помогает, — призналась Лидия. — Я ведь работаю, а его одного и в квартире оставить страшно, и за едой следить надо. Бабушка у нас педагог, ее он чуть больше слушается. Ну и из школы она его забирает, обедом кормит...

К счастью, бабушка жила хоть и отдельно, но недалеко и имела возможность помогать.

— Да, это вам повезло, — согласилась я.

Обсудив некоторые аспекты воспитания и обучения гипер-динамических детей, мы расстались.

— Зря вы сахар не померили, — заботливо сказал мне на прощание Володя. — Мало ли — вдруг проблемы? Надо же знать!

На следующий прием Лидия пришла одна.

Володя, как и многие современные дети, обожает компьютерные игры. Оторвать мальчика от компьютера — это всегда битва. Но надо делать уроки, надо соблюдать режим. Лидия пыталась ставить пароли, насильно выключать устройство...

Два дня назад разобиженный лишением любимого компьютера Володя заперся в ванной и крикнул матери через дверь: «Если не дашь играть, пожалеешь! Впрысну себе сейчас инсулину и впаду в кому. Скорая приедет, но откачать не успеют...»

Лидия включила компьютер.

— Я все понимаю, это обычный шантаж, — сказала женщина. — Если я «веду», он наглеет еще больше. Замкнутый круг... Смотрим дальше. Я могу быть жесткой. Но ему — всего десять лет, он — больной ребенок. Он не знает ни ценности жизни, ни ужаса смерти. Как я, мать, могу возложить на него такую ответственность? А что, если он возьмет и действительно впрыснет

инсулин... Кем я тогда буду себя чувствовать, как жить дальше?.. Вот и получается, что везде — тупик. Никакого выхода у меня нет.

Я молчала. Любой совет казался неуместным, а логика Лидии неумолимой. Безвыходных ситуаций не бывает, — крутилась в голове бодря банальность.

— Вы знаете, он потом понял, что перегнул палку, — задумчиво сказала Лидия. — Плакал, просил у меня прощения. Но уже на следующий день, с тем же компьютером... Знаю, что я слишком мягкая, где-то чересчур много позволяю ему, но представляете, когда он только заболел, ему было всего восемь лет, и сразу тысяча ограничений...

— Да, — вздохнула я. — Жалко, конечно, что нет рядом кого-нибудь пожестче, кого он мог бы не только любить, но и слушаться, и уважать... А вот бабушка-педагог, она не могла бы...

— Есть такой человек, — вздохнула Лидия. — Мы знакомы уже пять лет, но вынуждены встречаться тайком...

— Почему?! — изумилась я.

— Сергея сразу невзлюбила моя мама. Она не хочет, чтобы мы...

— Лидия, сколько вам лет?! — не удержалась я.

— Сорок пять, — женщина горько усмехнулась. — Я понимаю, что это звучит глупо. Но без мамы мне не обойтись. Володя уже один раз чуть не устроил пожар в квартире, да и обедать в школе он не может — ему нужно готовить отдельно. А мама сказала четко: если будешь с *этим* встречаться, можешь на меня не рассчитывать...

— Может быть, няня или, учитывая возраст, гувернер?

— Чтобы мог и эффективно заниматься с ним (гиперактивность!) и следить за диетой, разбираться в диабете — это безумно дорого. А абы кому я своего ребенка просто не доверю. На маму я, как ни крути, могу положиться...

— А ваш... Сережа? Какова его позиция в этом деле? Все-таки пять лет... Кстати, Володя с ним знаком?

— Да, знаком. У них вполне дружеские отношения. Володя прикрывает меня перед мамой, но иногда этим тоже шантажирует: скажу бабушке, что ты опять с дядей Сережей встречалась, та-акой скандал будет!

Ситуация выглядела все более абсурдной, но, вопреки всему, что-то внутри меня преисполнялось оптимизмом: впереди, кажется, маячил выход из безвыходной ситуации! Не хватало еще одного, последнего штриха.

— Так что же Сережа? («И Сережа — тоже!» — бодро прозвучал в голове слоган из старой рекламы.)

— Сережа сначала готов был ждать, а теперь... Когда мы только познакомились, он хотел ребенка. Нашего, общего. Теперь, наверное, уже поздно... Он говорит: либо я продолжаю баловать Володю и слушаю маму, либо — строю отношения с ним. Предлагает мне самой выбрать...

Женщина, крепившаяся до этого момента, собралась плакать.

— Стоп, Лидия! — скомандовала я. — Не время! Все можно решить, потому что Володя не первый, а, по крайней мере, третий в этом списке...

— В каком списке? — женщина, позабыв о слезах, вскинула на меня удивленный взгляд.

— В списке шантажистов! — сообщила я. — Смотрите сами: у вас сейчас три близких человека, и все трое вас бессовестно шантажируют. Совпадение сто процентов...

Лидия задумалась, потом неуверенно сказала:

— Да... Вы знаете, у меня ведь и на теперешней работе так же... Начальник знает, что у меня сын болен и мне надо часто отлучаться: к врачу, на обследование, когда его в больницу кладут... Он так и говорит: «Сделайте сейчас вот это, а когда вам понадобится...» Я знаю, что это не моя обязанность, но...

— Вот! — воскликнула я. — Скажите, Лидия, если бы вы не повелись на этот шантаж, а просто делали то, что вам положено по работе, этот конкретный начальник отпустил бы вас к сыну в больницу, когда настало время?

— Да, конечно, конечно! — Лидия утвердительно закивала. — Он вообще-то человек очень хороший. Когда нужно было новое лекарство для мамы, сам мне из Германии привозил...

— А ваша мама? Если вы прямо сегодня выйдете замуж за Сергея, она будет спокойно смотреть, как завтра диабетик и гипердинамик Володя лопают чипсы и поджигает квартиру?

— Наверное, нет... — Лидия нервно комкала платок, приготовленный для «плаканий». — Она же его безумно любит...

— А Сережа? Чего он ждал эти пять лет? С вашей странной мамой, лезущей в личную жизнь немолодой дочери, с болезнью чужого ребенка, которая годами отнимала у вас львиную долю сил и времени...

На сероватых щеках Лидии проступил симпатичный румянец.

— Он говорит... Он говорит, что ему кроме меня никто не нужен...

— Лидия... — я выжидательно смотрела на женщину. Всегда лучше, если человек проговорит это сам, а не услышит от психолога.

Лидия спрятала платок в карман, раза три открыла и закрыла сумку, зачем-то вытащила ключи от машины и тюбик с блеском для губ.

— Я сама провоцирую их всех меня шантажировать! — наконец сказала она. — Я веду себя таким образом, что самые разные люди начинают действовать одинаково. И поскольку шантаж срабатывает, они повторяют это раз за разом. Если я перестану провоцировать на шантаж, Володя тоже изменит свое поведение, и его жизни с этой стороны не будет угрожать опасность. Вы объясните мне, что именно я делаю и как мне от этого избавиться?

— Мы с вами выясним это вместе, — пообещала я.

Лидия «перестраивалась» несколько месяцев.

По результату общее мнение «шантажистов» выразила ее мать, бабушка Володи:

— Наконец-то ты повзрослела, — сказала она. — А я уж думала, этого и не случится никогда, так все и будут тобой крутить, когда захотят...

Сейчас Володя и Сережа вместе ходят болеть за «Зенит», решают задачи по математике и играют в компьютер.